

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 6 (129) • 2025

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2025

Выход в свет: № 6 (129) • 2025 • Декабрь. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-90192 от 07.10.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А. С. ЛОБЫШЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОЙСЕЕНКО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А. С. ЛОБЫШЕВА (8202) 51-78-54

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

OCLC
WorldCat

СОЦИОНЕТ

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-to-Z™

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637 (print)
ISSN 3034-5472 (online)

© Череповецкий государственный университет, 2025

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 6 (129) • 2025

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2025

Date of publication: No. 6 (129) • 2025 • December. Comes out six times a year.

“Cherepovets State University Bulletin” is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal “Cherepovets State University Bulletin” has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications
5.9 Philology
5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University”, a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

The certificate was issued by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El no. FS77-90192 dated 07.10.2025.

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)

E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: A. S. LOBYSHEVA

COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA

TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO

EXECUTIVE EDITOR: A. S. LOBYSHEVA (8202) 51-78-54

Journal website: <https://vestnik.chsu.ru/>

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637 (print)
ISSN 3034-5472 (online)

© Cherepovets State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алиев Р. Р.</i> Творческая оценка «Телемахида» В. К. Третьяковского сквозь призму писательского опыта А. Н. Радищева	7
<i>Волкова А. Д.</i> Сезария Эвора – «талант из народа» или «народный талант»? К проблеме описания лингвокультурного типажа	16
<i>Гончарова Я. С.</i> Гибридный текст как пространство междискурсивного взаимодействия (на материале романа В. Луиселли «Архив потерянных детей»)	31
<i>Гурленова Л. В., Смирнова Д. М.</i> Живопись в поэзии И. Бродского: интертекстуальный аспект	45
<i>Ермаков С. А.</i> Выявление базовой лексики русского литературного языка методом анализа хронологических срезов повествовательных текстов	56
<i>Иванников Е. Б.</i> Прагмалингвистический аспект взаимодействия речевого акта и дискурса: на материале интернет-комментариев в YouTube	68
<i>Камышева О. С.</i> Метафоры со сферой-источником «Музыка» как средства реализации внутреннего мира собаки в повести Дж. Лондона «Зов предков»	79
<i>Козловская Н. В., Сергеева Е. В., Силантьев Е. Е., Бахтина О. С.</i> Имена собственные в учебном проекте словаря военной лексики к роману Л. Н. Толстого «Война и мир»	92
<i>Марьина О. В., Краева В. Ю.</i> Сигналы времени в алтайских частушках советского периода	107
<i>Темурбаева Д. Б., Ханбалбаева С. Н., Ахмедова Р. А.</i> Пейзаж в романе в стихах «Судьба» А.-К. Зелимханова и проблема преемственности поэтических традиций А. С. Пушкина	121
<i>Шаврыгин С. М.</i> Многослойность жанрового дискурса М. Е. Салтыкова-Щедрина. Элегизм жанрового мышления в 1860-е гг.	133
<i>Яшина Д. С.</i> Первичный текст как промежуточное звено при пересказе (интерпретация сокращений)	141

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Жигулин М. М., Попова С. И.</i> Социально-ролевые формы как средство воспитания учащихся психолого-педагогических классов	156
<i>Макаров М. В., Сенченков Н. П.</i> Созидательный труд в системе воспитания: педагогические традиции и современные ориентиры	168

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Ильина Е. Н., Крылова О. Н.</i> Текст как основа словаря и лингвистической карты: отчет о работе XVI всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов (4 ноября 2025 года)	178
<i>Новиков А. Е., Соловьева Е. Е.</i> Сохранить культурное наследие (региональная научно-практическая конференция «Портрет на фоне эпохи: Н. М. Иванова-Романова и Череповец 1920–1930-х годов»)	182
Информация для авторов	188

CONTENTS

PHILOLOGY

Aliev R. R. Creative assessment of V. K. Trediakovsky's "Telemachida" through the prism of A. N. Radishchev's writing experience	7
Volkova A. D. Cesária Évora: «talent from the people» or «people's talent»? Towards definition of a linguocultural character type	16
Goncharova Ia. S. Hybrid text as interdiscursive interaction space (based on "Lost Children Archive" by V. Luiselli)	31
Gurlenova L. V., Smirnova D. M. Painting in the poetry of J. Brodsky: intertextual aspect.....	45
Ermakov S. A. Identification of the basic vocabulary of the Russian literary language by analyzing chronological sections of narrative texts	56
Ivannikov E. B. Pragmalinguistic aspect of the interaction between speech acts and discourseemes: based on YouTube online comments	68
Kamysheva O. S. Metaphors with the source sphere "Music" as a means of realizing the inner world of the dog in the novel "The Call of the Wild" by J. London	79
Kozlovskaya N. V., Sergeeva E. V., Silantyev E. E., Bakhtina O. S. Proper names in the dictionary of military vocabulary for L. N. Tolstoy's novel "War and peace" (training project).....	92
Maryina O. V., Kraeva V. Yu. Time signals in Altai ditties of the Soviet period	107
Temurkaeva J. B., Khanbalaeva S. N., Akhmedova R. A. Landscape in the novel in verse "Fate" by A.-K. Zhalimkhanov and the problem of continuity of A. S. Pushkin's poetic traditions.....	121
Shavrygin S. M. The multilayered nature of M. E. Saltykov-Shchedrin's genre discourse. The elegy of genre thinking in the 1860s	133
Yashina D. S. The primary text as a mediating element in retelling process: abbreviation interpretation.....	141

PEDAGOGY

Zhigulin M. M., Popova S. I. Social role forms as a means of educating students in psychological and pedagogical classes	156
Makarov M. V., Senchenkov N. P. Creative work in the system of upbringing and education: pedagogical traditions and contemporary orientations	168

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Ilyina E. N., Krylova O. N. Text as the basis of a dictionary and linguistic map: report on the work of the XVI all-Russian school-seminar of young lexicologists, lexicographers and linguogeographers (November 4, 2025)	178
Novikov A. E., Solov'eva E. E. Preserve cultural heritage (regional research and practice conference "Portrait in the background of the era: N. M. Ivanova-Romanova and Cherepovets of the 1920–1930s")	182
For the authors attention	188

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 7–15.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 7–15.

Научная статья
УДК 821.161.1.9. (092) (045)
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-1>
<https://elibrary.ru/xxsyye>

**Творческая оценка «Телемахиды» В. К. Третьяковского
сквозь призму писательского опыта А. Н. Радищева**

Руслан Решатович Алиев

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
a-ruslan1996@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3868-7402>

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу восприятия А. Н. Радищевым сквозь призму своего писательского опыта «Телемахиды» В. К. Третьяковского. Предпринимается попытка сформулировать значение, которое Радищев придавал поэме. Материал исследования – его малоизвестное произведение «Памятник дактилохорейскому витязю...». В работе приводится композиционный анализ указанного сочинения и, учитывая историко-литературный контекст эпохи, формулируются мировоззренческие позиции обоих писателей.

Ключевые слова: Просвещение, В. К. Третьяковский, «Телемахиды», А. Н. Радищев, «Памятник дактилохорейскому витязю...»

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора М. Ю. Елеповой.

Для цитирования: *Алиев Р. Р.* Творческая оценка «Телемахиды» В. К. Третьяковского сквозь призму писательского опыта А. Н. Радищева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 7–15. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-1>; EDN: XXSYEE

**Creative assessment of V. K. Trediakovsky's "Telemachida"
through the prism of A. N. Radishchev's writing experience**

Ruslan R. Aliev

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia
a-ruslan1996@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3868-7402>

Abstract. This article focuses on the question of A. N. Radishchev's perception through the prism of his writing experience of V. K. Trediakovsky's "Telemachida". The study is an attempt to explain the meaning of Trediakovsky's poem in Radishchev's work, based on his little-known work "Monument to the dactylochoreic knight...". The paper provides a compositional analysis of Radishchev's work

and, taking into account the historical and literary context of the era, formulates the ideological positions of both writers.

Keywords: Enlightenment, V. K. Trediakovsky, “Telemachida”, A. N. Radishchev, “Monument to the dactylochoreic knight...”

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor M. Yu. Elepova.

For citation: Aliev R. R. Creative assessment of V. K. Trediakovsky's “Telemachida” through the prism of A. N. Radishchev's writing experience. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 7–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-1>; EDN: XXSYUE

Введение

Крупный русский писатель, просветитель и революционер конца XVIII века А. Н. Радищев высоко оценивал творчество В. К. Тредиаковского. Разделяя близкий своему мировоззрению просветительский, гуманистический, нравственный, социально-политический пафос предшественника и ощущая идейное родство с ним, Радищев в своих произведениях оценил и охарактеризовал литературную деятельность Тредиаковского.

Пожалуй, самыми очевидными признаками существования связи, пусть даже внешней, между творчеством писателей являются эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» (1790), который Радищев заимствовал из «Телемахиды» (1766) («Чудище, обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»¹), жанровая природа обоих текстов, образы героев-путешественников. Другая связь – внутренняя – определяется общими идеями и содержанием радищевского «Путешествия...»: в главе «Тверь» находим размышления о российской поэзии, в которой повествователь вспоминает о М. В. Ломоносове и А. П. Сумарокове. Заслугой первого считает, что он, задав новые образцы русского стихосложения путем снятия с него чуждого ему «полукафтания», «надел на последователей своих узду великого примера»². Сумароков же, бывший «по несчастию» в то же время, «во всех родах оставил примеры», которые, по мысли путешественника, «столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили»³. Размышляя о заслугах «знаменитых мужей» в лице Ломоносова и Сумарокова перед русской поэзией, Радищев считает важным отметить также усилия Тредиаковского, приложенные при написании «Телемахиды», надеясь на то, что «неутомимого возовика» «выроют из поросшей мхом забвения могилы», а «в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы»⁴.

В писательском опыте Радищева тема поиска «добрых стихов» «Телемахиды» Тредиаковского получит продолжение и в другом не менее важном тексте, созданном десятилетие спустя. В 1801–1802 гг. Радищев пишет скорее художественное произведение, чем научное (хотя в академической литературе его называют также статьей) или публицистическое, – «Памятник дактилохорейческому витязю, или

¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 5.

² Там же. С. 95.

³ Там же.

⁴ Там же.

Драматикоповествовательные беседы юноши с пестуном его, описанные составов нестихотворных речи отрывками из ироническая пиимы славного в ученом свете мужа NN поборником его знаменитого творения» (далее – «Памятник...»). Опираясь на этот важный, на наш взгляд, текст, попытаемся определить, во-первых, что же могло привлечь внимание Радищева в библиографии писателя, казалось бы, отличного от него, а во-вторых, каково было творческое восприятие «Телемакиды» автором «Путешествия из Петербурга в Москву», нашедшее отражение в предлагаемом для анализа «Памятнике...».

Основная часть

Вступление («Предисловие, предуведомление, предъизъяснение, пред... и все тому подобное») и заключение («Апология “Телемакиды” и шестистопов») «Памятника...» Радищева написаны в форме беседы Б. и П., содержащей «приговор» «Телемакиде» Тредиаковского, который был неофициально вынесен еще Екатериной II, в результате чего пострадала репутация писателя. Радищев, сталкиваясь в тексте точки зрения собеседников, следует установке «начертать что-либо в честь павшего в столь уничижительное презрение творца “Телемакиды”», о чем заявляет в «Предисловии...» к тексту¹. И способ, с помощью которого он собирается это сделать, является простым: беседа Б. и П. построена по условной обвинительно-оправдательной модели. «Она (“Телемакида”. – Р. А.) ни на что не годна, ниже от бессонницы»², – утверждает П. Таким образом обесценивая или недооценивая значение данной поэмы, П. признается, что она не лишена практичности: правда, речь идет не о произведении как таковом, а о большом количестве бумаги, на которой оно напечатано и которая может быть использована в качестве «завивальных бумажек» или для иных неоговоренных нужд³. Б. парирует тем, что «...нет столь худого сочинения, в котором бы не нашлось чего-либо хорошего»⁴. П., отказываясь верить: «Что может быть в “Телемакиде” хорошее? И тому я не верю, чтобы ты в самом деле противное моему имел о ней мнение»⁵.

В «Апологии “Телемакиды” и шестистопов», заявленной в «Предисловии» как заключение «Памятника...», Б., прибегая к образному ряду, приводит важный тезис-аргумент, с помощью которого ему все-таки удастся убедить П. в том, что Тредиаковский является «худым закройщиком» не потому, что он плох как писатель (он и не плох вовсе, в чем Б. не сомневается), а потому, что он был *первым*, вернее, одним из первых в новой русской литературе, формировавшейся в результате петровских преобразований. «Он (Тредиаковский. – Р. А.) писал русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей сам понесся путем непроложенным», – объясняет Б.⁶

¹ Радищев А. Н. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1975. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 202.

Кроме точек зрения Б. и П., представленных во «Вступлении», «Памятник...» Радищева заключает в себе третью и, может быть, куда более важную в композиционном отношении – авторскую, которая лаконично представляет неравномерное соотношение стихов «Телемахиды» с качественной точки зрения: несколько посредственных сочинений, большое количество «нестерпимо дурных»¹, отражающее другую сторону текста Третьяковского, отчасти совпадающую с позицией П. Далее уже и Б., дополняя этот ряд, укажет на отсутствие у сочинителя поэмы вкуса, употребление нелепых слов, слабость и тяжесть стихов². Однако, на наш взгляд, чрезвычайно важна деталь, которая не должна остаться без внимания: сам Радищев в «Предисловии...» делится своим открытием: «...нашел – *подивитесь теперь и вы* (курсив наш. – Р. А.) – нашел стихи хорошие, но мало, очень мало»³. Данное намеренно подчеркнутое обращение автора к читателям с установкой на неожиданность не может быть случайным, поскольку он как бы обнаруживает новое «знание» и делится им, пытаясь изменить или повлиять на некогда несправедливо сформированное отношение к известному тексту и его создателю.

Несмотря на то что в попытке «разогнать» «Телемахиду», цитируя текст поэмы, Б. приводит стихи, в которых, по его мнению, обнаруживаются *нелепость* и *слабость, тяжесть*, сравнимая с горным хребтом, все же среди них есть и такие, которые характеризуются *изрядностью, звонкостью, изящностью* и *благогласием*. Наличие слабой стороны в лирике Третьяковского объясняется отсутствием вкуса у автора поэмы: «Но Третьяковского стих более картина, но без вкуса», – отмечает Б. Однако, согласно установке «защитить» автора «Телемахиды», Б., вслед за автором, но уже обстоятельно указывает на новые для П. грани текста, отражающие, во-первых, непрерывность благогласия, к гармонии которой стремились греки и римляне, во-вторых, стихи, за которые похвалил бы и сам Ломоносов, и, в-третьих, «чародейство изразительной гармонии»⁴.

Кульминация диалога Б. и П. заключена в предпоследней реплике П., где он, обращаясь к Б., заявляет: «Изъяснение твое изрядно, но или я ничего в сих стихах не слышу, или препятствует тому великое предубеждение», на что Б. отвечает: «Вероятно, последнее». Таким образом, в реплике Б. заключено несогласие повествователя со сформировавшейся ранее оценкой «Телемахиды». В финальном абзаце «Памятника...» голоса Радищева и Б. будто сливаются воедино, заключая, что «“Телемахиды” есть творение человека, ученого в стихотворстве, но не имевшего о вкусе нимакого понятия»⁵.

Представленный анализ отдельных частей «Памятника...» позволяет отметить, что Радищев, читая «Телемахиду», несомненно, понимал образный мир поэмы, ее языковые и стилистические особенности. Однако он сумел осмыслить не только то, *что* написано в «Телемахиде», но и то, *как* написано. Осознание последнего обусловило многоуровневость «Памятника...», о чем речь пойдет ниже.

¹ Радищев А. Н. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1975. С. 186.

² Там же. С. 202–206.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 204–209.

⁵ Там же. С. 210.

Радищев, называя Тредиаковского витязем, богатырем, Дон Кихотом, отцом (идейным, духовным), подчеркивает тем самым, что с писателем связаны представления о чести, долге и достоинстве. Считая себя «сыном» Тредиаковского (тоже духовным, идейным), чувствует себя обязанным восстановить в правах имя своего «отца»¹. Но откуда же у Радищева такая высокая цель и желание «защитить» Тредиаковского? Чтобы ответить на этот вопрос, на наш взгляд, необходимо рассмотреть еще одну важную особенность, способную приблизить нас к пониманию их идейного родства, – *мировоззрение авторов*.

Радищев был ярким представителем российского Просвещения конца XVIII века. Писателя волновали такие проблемы, как тяжелое положение крепостных крестьян и самодержавие. Придерживаясь прогрессивных гуманистических идей, ранее представлявших немалую ценность и для Тредиаковского, Радищев критиковал современную ему социально-политическую обстановку. За свои взгляды писатель серьезно пострадал, став одной из самых трагических фигур в истории российского Просвещения. Известным фактом биографии писателя-революционера является ссылка, тогда как в судьбе Тредиаковского ее не случилось. Важно отметить, что само наличие или отсутствие физического страдания в жизни авторов не может быть интерпретировано так, будто степень их приверженности своим идеалам отлична (например, Радищев в силу последовавшей ссылки более верен принципам, а Тредиаковский – менее, так как был только осмеян). Возвращаясь к «Памятнику...», заметим, что Радищев сумел разглядеть в поэме просветительский пафос и отразил его в «Телемахиде».

В книге «В. К. Тредиаковский и русская литература» (2005), представляющей собой первое в современной отечественной науке исследование творчества Тредиаковского, рассмотренного с разных сторон, содержится ценная работа Н. П. Большухиной «Рыцари Просвещения: Тредиаковский, Радищев, Пушкин»², в которой автор осуществляет попытку представить свое осмысление значения поэмы Тредиаковского и его просветительских идей сквозь призму творческого опыта Радищева, нашедшего свое выражение в «Памятнике...».

Сперва может показаться, что Радищев не упоминает об акцептировании Тредиаковским идей Просвещения. Такое умолчание, разумеется, не является следствием забывчивости или незнания автора. При внимательном чтении и детальном анализе «Памятника...» становится ясно, что Радищев пишет о заложенной в «Телемахиде» просветительской концепции, но, чтобы понять это, требуется найти ключ к толкованию образов, ситуаций, исторического контекста, внешне оформляющих его сочинение, поскольку радищевский текст является многозначным, как мы писали выше, и рассчитан на догадливых читателей.

Итак, в композиции «Памятника...» содержится в смысловом отношении «сильная» часть сочинения – рассказ о героях фонвизинского «Недоросля» (далее – Рассказ), о котором в нашем исследовании мы еще не писали и без которого, очевидно,

¹ В. К. Тредиаковский и русская литература / ответственный редактор А. С. Курилов. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 196.

² Там же. С. 194–216.

замысел Радищева-просветителя в статье не был бы представлен в полной мере. По мнению Большухиной, при чтении Рассказа нужно учитывать авторские намеки, подтекст, аналогии, иносказания, ассоциации, образы-символы¹. Необходимо добавить, что игнорирование «параллельного» (переносного) повествования Рассказа приведет к потере концептуально значимого, а само значение «Памятника...» может быть сведено к наивным суждениям, касающимся лишь стихотворства, и, как следствие, уже не будет осмыслено в русле просветительских идей. К тому же существовала традиция, когда в хрестоматии по истории русской литературы XVIII века составители включали только заключительную часть статьи Радищева, в которой рассматриваются исключительно вопросы стиховедения. Такие исследователи в некотором смысле смещали акценты, расставленные самим автором, подменяя Тредиаковского-просветителя Тредиаковским-стиховедем².

Как было нами отмечено выше, в одной из частей «Памятника...» Радищев обращается к известным героям комедии XVIII века, создавая такие ситуации, для осмысления которых важны ассоциативное мышление, историко-культурная память, позволяющие интерпретировать представленные автором сцены в свете просветительских идей.

Из Рассказа мы узнаем, что Цымбалда, являющийся дядькой Фалелея (младшего брата Митрофана из комедии Фонвизина), знает наизусть «Телемахиду», которую он рассказывает своему племяннику перед сном вместо сказки. Разумеется, последний, не понимая смысла произведения, засыпает, уловив из услышанного лишь отдельные детали, связанные в его сознании с русской действительностью; засыпает и Цымбалда. Важную роль в данной части играет мотив сна. И Цымбалда, и Фалелей видят страшные сновидения. Проснувшись, Фалелей упоминает природные явления: бурю, тучи, возмущение морских вод, а также смерть. Запечатленный образный ряд близок к аллегории, однако, учитывая характер произведения и заложенные в него идеи, имеет более широкое значение и носит символический характер. Н. П. Большухина отмечает, что по этой причине представленные видения обладают двойственной природой. Как известно, символический образ не имеет устойчивого толкования (в отличие от аллегории, например) и может интерпретироваться по-разному. Отсюда становится ясно, почему в статье Большухиной находят отражение вопросы, которые автор заключает в скобки в попытках эксплицировать те или иные ситуации Рассказа. Таким образом, появившиеся в сновидениях образы необходимо рассматривать исходя из их символической, а не прямой трактовки. Картины, потрясшие Фалелея во сне, будучи социально-политический маркированными, имеют глубокий подтекст. В срединной главе Рассказа Фалелей вспоминает: «Видал я, дядька, смерть, сперва написанную, а после видал настоящую смерть у того же московского жильца, который оставил картину. Ах, дядька, как она страшна! Одне ребра, ноги как спицы, руки висят, как плети, голова плешивая, глаза две дыры, нос также, рот страшнее всего, до самых ушей; зубы все наружи; батюшка и матушка

¹ В. К. Тредиаковский и русская литература / ответственный редактор А. С. Курилов. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 199.

² Русская литература XVIII века / под редакцией А. В. Западова. Москва, 1985. С. 285–289.

так испугались, что матушку вынесли без памяти, а батюшка ушел, боялся, чтобы не съела. То-то страху было! Ну, за то жильца матушка сослала со двора на другой же день; – теперь еще мороз по коже продирает. (Задумался) Дядька! Смерть отбила у меня память, и я забыл сон»¹. Н. П. Большухина в своем исследовании указывает на прямую связь картин сна с русской действительностью. Например, под образом смерти следует понимать Пугачевский бунт, под матушкой – Екатерину II, а сам Фалелей, забывший сон из «Телемахиды» Третьяковского, символизирует собой собирательный образ русского дворянина, который утратил мечты о справедливом устройстве общества, о воспитании достойного гражданина. Одним из оснований такого прочтения и переноса рассказанного на почву действительности ученый считает упоминание «Россиады» М. М. Хераскова, от которого, по его мнению, Радищеву нужен был лишь намек на Россию².

Вспомним еще один яркий эпизод, требующий анализа. Цымбалда видит сон, в котором Лукерья убегает с Фалеем. По прочтении сна Цымбалды в поле зрения читательского сознания может оказаться исходный текст Рассказа, где недоросля Митрофана ввиду новых обстоятельств г-жа Простякова сама собирается выгодно женить на Софье. В Рассказе же, где Лукерья олицетворяет собой народ, ситуация, в которой герои, полюбив друг друга, женятся, является недопустимой. Цымбалда обрадовал Фалееля «чрезмерной похвалой» Лукерьи и привел его в восхищение, от которого тот запрыгнул к дядьке на шею, однако затем Цымбалда заявил о том, что «надлежит иметь согласие г. Простякова и его супруги»³. Фалелей же, услышав это, «гораздо пригорюнился»⁴, боясь, что, когда об этом станет известно матушке, его накажут физически, а возлюбленную отправят куда-нибудь или выдадут замуж за другого. Отметим, что Фалееля заботит мнение матери, которое, судя по его эмоциональному состоянию, очевидно: ему, молодому дворянину, не позволят жениться на Лукерье, девушке из народа. Этот сюжет символизирует обреченность попытки сближения дворянства с народом. Крутость нрава г-жи Простяковой в Рассказе проявляется и в том, как она поступила с учителями – выгнала, «видя неудачу в воспитании большого своего сына» (Митрофана – Р. А.). Так и Екатерина II к концу своего правления прославилась гонениями на все тех же «учителей» – просветителей, среди которых был не только Радищев, но и, например, Н. И. Новиков,⁵ и взамен которым предпочла нового наставника в лице простодушного Цымбалды, дворового человека, знавшего наизусть «Телемахиду», но не понимавшего ее смысла и оттого засыпавшего.

¹ Радищев А. Н. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1975. С. 195.

² В. К. Третьяковский и русская литература / ответственный редактор А. С. Курилов. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 202.

³ Радищев А. Н. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1975. С. 199.

⁴ Там же.

⁵ В. К. Третьяковский и русская литература / ответственный редактор А. С. Курилов. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 198.

Выводы

Таким образом, для А.Н. Радищева «Телемахиды» В. К. Третьяковского была знаковым произведением, однако в поэме просветителя привлекали не «уроки» нравственности, а идейное содержание, оказавшееся созвучным его мировоззрению и нашедшее отражение в «Памятнике...». Важнейшей чертой творчества Радищева является критика социальных устоев, за которую он был отправлен в ссылку. Несмотря на это наказание, писатель остался верен своим убеждениям и принципам, о чем дает понять в исследуемом произведении. Он пишет текст, который, с одной стороны, заключает в себе художественную оценку поэмы Третьяковского, отмечает ее слабые и сильные стороны, касающиеся языка, стиля, образного ряда и т. д. С другой стороны, Радищев, надеясь на догадливых читателей, создает многозначное произведение или, как сам высказывается, «диссертацию, разыскание, разглагольствие, или... нечто, дрянь... или памятник»¹.

Как мы указывали выше, Радищев не разделял мнения, согласно которому «Телемахиды» способна усыпить своего читателя. Сталкиваясь в своем произведении Б. и П., автор посредством полемики героев пытается изменить несправедливо сформированные суждения о Третьяковском и его тексте. Вспомним, что благодаря речам Б. и его аргументированной позиции мы четко прослеживаем все этапы метаморфозы мнения П. о «Телемахиде», проходящей путь от «завивальных бумажек» до произведения, которое «на что-нибудь годится» и, как следствие, имеющего большое значение для русской литературы.

Радищев, оценивая творчество Третьяковского с позиции идей Просвещения, указывает на то, что «Телемахиды» – не то произведение, читая которое можно уснуть, как его «новый» просветитель Цымбалда или Фалелей. Напротив, книга эта не позволит задремать, поскольку, во-первых, она смешна, если применять ее к русской действительности, а во-вторых, опасна ввиду заложенных в нее идей (Б.: «она не вовсе безопасна»²). Все это не даст уснуть читателю и будет долго волновать его сознание.

В заключение вспомним слова повествователя из «Путешествия...», который надеялся на то, что когда-нибудь автора «Телемахиды», названного «неутомимым возовиком», «выроют из поросшей мхом забвения могилы». Радищевский «Памятник...» (1801–1802) как бы продолжает традицию Горация, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, но декларирует бессмертие не своего творчества, а творчества Третьяковского, который при жизни был осмеян и не оценен по достоинству, но теперь, по мнению Радищева, словно державинским стихом, справедливая заслуга должна восторжествовать.

Список литературы / References

В. К. Третьяковский и русская литература, ответственный редактор А. С. Курилов. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. 300 с.

¹ Радищев А. Н. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1975. С. 187.

² Там же. С. 188.

V. K. Trediakovsky and Russian literature, executive editor: A. S. Kurilov. Moscow: IMLI RAS, 2005. 300 p. (In Russ.)

Радищев А. Н. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*. Санкт-Петербург: Наука, 1992. 672 с.

Radishchev A. N. *A Journey from Petersburg to Moscow*. St Petersburg: Nauka, 1992. 672 p. (In Russ.)

Радищев А. Н. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель, 1975. 272 с.

Radishchev A. N. *Poems*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1975. 272 p. (In Russ.)

Русская литература последней четверти XVIII века, под редакцией А. В. Западова. Москва: Просвещение, 1985, 432 с.

Russian literature of the XVIII century, edited by A. V. Zapadov. Moscow: Prosveshchenie, 1985, 432 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Руслан Решатович Алиев – аспирант; <https://orcid.org/0009-0002-3868-7402>, a-ruslan1996@mail.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Ruslan R. Aliev** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0002-3868-7402>, a-ruslan1996@mail.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 09.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 21.04.2025; Approved after reviewing 09.05.2025; Accepted for publication 30.06.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 16–30.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 16–30.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-2>

<https://elibrary.ru/gvjjhs>

Сезария Эвора – «галант из народа» или «народный талант»? К проблеме описания лингвокультурного типажа

Анастасия Дмитриевна Волкова

Вологодский государственный университет,

Вологда, Россия

anastasia.volkova@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7720-2129>

Аннотация. Статья продолжает исследование феномена лингвокультурного типажа и описание галереи типажей, актуальных для современной русской лингвокультуры. В центре внимания работы находится комплекс представлений о талантливом человеке, чье творчество поддерживает идеи национальной и культурной идентичности своего народа и вследствие этого получает общественное признание. Материалом для изучения служат русскоязычные публикации о певице Сезарии Эворе (1941–2011), яркой представительнице португалоязычной креольской музыкальной культуры. Публикуемые в исследуемых нами текстах варианты словесного портрета Сезарии Эворы, описания ее жизненного и творческого пути насыщены специфическими номинациями, содержат устойчивый набор лексических единиц и сочетаний слов, а также включают в себя совокупность мотивов, актуализирующих ключевые перцептивно-образные и понятийно-оценочные составляющие этого ментального комплекса. В результате делается вывод о том, что публикации о Сезарии Эворе представляют модельную личность лингвокультурного типажа, совмещающего свойства «таланта из народа» (одаренного представителя непривилегированных слоев населения) и «народного таланта» (креативной личности, отражающей культурную самобытность своего народа и заслужившей его признание).

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный типаж, «галант из народа», Сезария Эвора

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е. Н. Ильиной.

Для цитирования: Волкова А. Д. Сезария Эвора – «галант из народа» или «народный талант»? К проблеме описания лингвокультурного типажа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 16–30. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-2>; EDN: GVJJHS

Cesária Évora: «talent from the people» or «people’s talent»? Towards definition of a linguocultural character type

Anastasia D. Volkova

Vologda State University,
Vologda, Russia

anastasia.volkova@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7720-2129>

Abstract. The article continues the investigation of the phenomenon of the linguocultural character type and provides a description of the gallery of typologies relevant to contemporary Russian linguoculture. The focus of the study is a complex of representations concerning the talented individual whose creative work supports the ideas of national and cultural identity of their people and, consequently, receives public acknowledgement. The material for analysis consists of publications in Russian about Cesária Évora (1941–2011), a prominent singer and representative of the Portuguese-speaking Creole musical culture. The verbal portraits of Cesária Évora featured in the texts under examination are rich in specific nominations, display a stable set of lexical units and word combinations including a repertoire of motifs that actualize the key perceptual-imagistic and conceptual-evaluative components of this mental complex. The study concludes that the publications on Cesária Évora exemplify a model personality of a linguistic-cultural type that combines the characteristics of the «talent from the people» (a gifted individual from underprivileged social strata) and the «people’s talent» (a creative personality reflecting the cultural identity of their people and earning acknowledgement).

Keywords: linguoculturology, linguocultural character type, «talent from the people», Cesária Évora
Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor Elena N. Ilyina.

For citation: Volkova A. D. Cesária Évora: «talent from the people» or «people’s talent»? Towards definition of a linguocultural character type. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 16–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-2>; EDN: GVJJHS

Введение

Лингвокультурный типаж (далее – ЛКТ) определяется в отечественной культурологии как «типизируемый представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации»¹. Формирование ЛКТ происходит под влиянием ценностных установок определенной лингвокультуры, внутри которой складывается устойчивый набор репрезентаций этих типажей. Изучение феномена ЛКТ и описание типажей, актуальных для различных лингвокультур, составляют одну из востребованных задач лингвокультурологии. Наше внимание привлек комплекс представлений о *талантливом человеке*: они уже рассматривались учеными в процессе описания ЛКТ «звезда Голливуда»², «джазмен»¹, «человек богемы»², «рус-

¹ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 310.

² Селиверстова Л. П. «Звезда Голливуда»: лингвокультурный типаж и стереотип // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2007. № 6. С. 158–160.

ский ученый»³, «французский академический музыкант»⁴, «писатель-классик»⁵ и др. Однако очень широкий спектр проявлений человеческой одаренности в различных сферах деятельности, многообразие форм признания таланта социумом и несводимость характеристик талантливого человека к какому-либо одному типу модельной личности свидетельствуют о том, что «талантливый человек», одна из ключевых положительных характеристик личности, может быть применима к обширной группе ЛКТ. В центре внимания данной статьи – ЛКТ «талант из народа»: каким образом в русской лингвокультуре вербализуются представления об одаренном человеке, выходе из социальных низов, получившем общественное признание? Моделирование ЛКТ осуществляется нами с учетом сложившейся в отечественной лингвокультурологии практики выявления **понятийной, ценностной и образной** составляющих типажа⁶ в сочетании с лингвокультурной справкой о нем и представлением паспорта типажа, на основе которого складывается его перцептивный образ. Материалом для исследования служат около ста публикаций в русскоязычных медиа, посвященных жизненному и творческому пути кабовердианской певицы Сезарии Эворы (Cesária Évora). Ключевые характеристики ее биографии, а также вербализованные в медиа отзывы о творчестве певицы позволяют предположить, что Сезария Эвора относится к числу модельных личностей данного ЛКТ.

Основная часть

Семантическая структура лексемы «*талант*» в русском литературном языке включает в себя несколько значений, среди которых актуальными для нашего исследования являются два: это, во-первых, «выдающиеся природные способности, большое дарование», а во-вторых, человек «выдающихся способностей, большого дарования»⁷. В социокультурном аспекте весьма важным является происхождение слова

¹ Кубасова Э. Т. Лингвокультурный типаж «джазмен» // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1. С. 285–290.

² Дубровская Е. М. Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2017. 230 с.

³ Землякова Н. В., Лебедева Л. А. Русский ученый как лингвокультурный типаж // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 103–107.

⁴ Касьянова Н. Б. Лингвокультурный типаж «французский академический музыкант» // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: сборник научных статей. Москва: Языки Народов Мира, 2022. С. 67–78.

⁵ Бральнин Д. О. Лингвокультурный типаж «писатель-классик» в современной русской речевой практике: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2025. 208 с.

⁶ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 435–476.

⁷ Талант // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под редакцией В. И. Чернышева. Москва; Ленинград: Наука, 1963. Т. 15: Т. Ст. 74–75.

от греческого *τάλαντον* – «весы; денежно-расчетная единица»¹. Семантическому переходу от названия конкретной меры веса (29,5 кг серебра в эпоху Александра Македонского) к обозначению человеческой одаренности способствовала евангельская притча о зарытых в землю талантах (Матф., 25, ст. 15 – 30): устойчивое сочетание *зарыть / зарывать талант в землю* стало употребляться в значении «не заботиться о развитии таланта, дать ему заглохнуть»². Во многих европейских языках (ср. лат. *talentum*, франц. *talent* – «талант, одаренность») присутствует общая логика развития семантики слова: «то, что имеет значение, вес, ценность» > «одаренность, выдающиеся способности» > «человек, наделенный выдающимися способностями». Талантливый человек воспринимается как носитель ценностных ориентиров общества, оделенный судьбой особыми дарованиями. Положительная оценка лица, кроме слова *талант* и его производных (*талантливый, талантливо, талантище* и др.), выражается также словами, эксплицирующими высокую степень мастерства (*маэстро, виртуоз* и др.) и жизненной силы (*богатырь*), безграничность возможностей (*бог, чародей* и др.), выдающееся положение в социальном мире (*король, царь, лидер* и др.), в том числе объективируемое с помощью мифологических (*титан, гигант, кумир* и др.), натурморфных (*звезда, жемчужина, солнце* и др.) и зооморфных метафор (*лев, кит* и др.)³. Концептуальная область «талант» входит в состав концепта «дар»⁴. Анализ фреймово-слотовой модели этого концепта эксплицирует представления носителей языка о *таланте / даре*: одаренная личность от рождения наделена выдающимися способностями, они разнообразны и могут иметь различную степень проявления. Наличие таланта повышает престиж человека в обществе, придает силы и определяет жизненный путь. Как правило, талант более заметен в сферах художественного творчества (сценический, музыкальный, литературный и проч.).

Обладание талантом выделяет индивида внутри социальной среды (*талантам везде дорога, талант – это престиж* и др.), однако необходимость общественного одобрения результатов труда талантливого человека связана с тем, в какой мере он отражает представления социума о самом себе, его национальную и культурную идентичность, служит выразителем национально-культурной специфики породившего талант сообщества. Поэтому, обращаясь к уточняющим ЛКТ формулам «талант из народа» и «народный талант», прокомментируем содержательную специфику этих маркеров. Прилагательное *народный* определяет что-либо, относящееся к *народу* или созданное им, причем актуализироваться может принадлежность к государству (*народное хозяйство*), предназначение для низших слоев населения в ситуа-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2004. Т. IV. С. 14–15.

² Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Москва: Художественная литература, 1955. С. 198.

³ Подробнее об этом см.: Головань Н. В., Илюхина Н. А. Метафорические обозначения лица, способного к творческой деятельности, в русском языке // XVI Королевские чтения: междунар. молодеж. науч. конф. Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева. 2021. Т. 2. С. 837–838.

⁴ Раджабова Г., Эмирова Д. М. Семантическое поле концепта *gift/дар* в английской и русской ЯКМ // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 8. С. 156–159.

ции социального неравенства (*народная столовая*), национальная самобытность (*народная песня*), а также соответствие духу народа, его культуре, мировоззрению, национальным особенностям, отражение характерных свойств народа (*наше искусство народно, реалистично и национально*)¹. Сочетание «народный талант» в первую очередь усилило значимость семантики самобытности творческих проявлений личности и созвучности результатов ее деятельности духу народа, однако в 30-е годы XX века под влиянием формирования системы государственных наград СССР и утверждения наименований почетных званий (*народный учитель, народный художник, народный артист*) актуализировало семантику общественного признания труда одаренного человека. Об этом свидетельствуют данные источника Google Books Ngram Viewer² (см. рис. 1), демонстрирующие очевидный рост употребительности сочетания «народный талант» в государственной массовой печати с середины 30-х годов XX века, а также активное его использование в современных медиа: *ярмарки, фабрики, шоу народных талантов*.

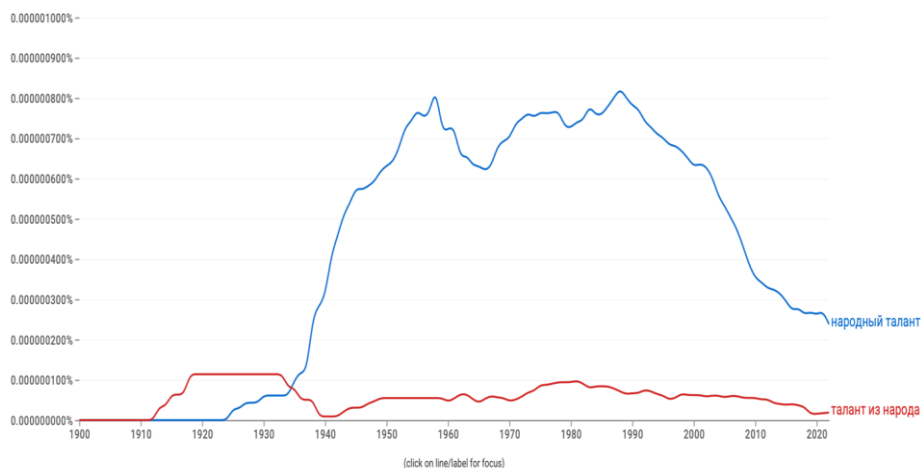

Рис. 1. Сравнение использования словосочетаний «народный талант» и «талант из народа» в печати

Можно сделать вывод о том, что сочетание *народный талант* выражает мифологизированное, обобщенное представление о человеке, чей труд возведен в ранг коллективной, одобренной свыше ценности и является объектом национальной гордости.

¹ Народный // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под редакцией В. И. Чернышева. Москва; Ленинград: Наука, 1958. Т. 7: Н. Ст. 450–452.

² Народный талант, талант из народа // Google Books Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=народный+талант%2Сталант+из+народа&year_start=1900&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=10&case_insensitive=false (дата обращения: 03.08.2025)

Напротив, речевая формула «талант из народа» реализует семантику грамматической формы предлога *из* в сочетании с названиями различных социальных групп (*из купцов, из офицеров, из крестьян, из разночинцев* и др.), определяющую происхождение человека, а также социальную среду, из которой кто-либо выходит или что-либо выделяется (*Вышли мы все из народа, Дети семьи трудовой*)¹. Соответственно, «талант из народа» – это проделавший нелегкий путь к успеху одаренный человек из социальных низов. В его характеристике сочетаются перечисленные ранее оценочные именованья таланта с маркерами невысокого положения в обществе (*креольская дива*) или повышения социального статуса (*темнокожая Золушка*).

Переходя к характеристике модельной личности Сезарии Эворы, мы планируем выяснить, в какой мере она отражает свойства каждого из вариантов исследуемого нами лингвокультурного типажа. Описание модельной личности в нашем исследовании строится на основе социокультурной справки и паспорта ЛКТ, формирующих его перцептивный образ (внешний облик, одежда, атрибуты, среда обитания, возраст, гендерный признак, материальный статус, место жительства, характер жилища и речевые особенности), а также включает в себя обзор речевых средств, эксплицирующих понятийно-ценностную структуру типажа.

Анализ результатов.

1. Социокультурная информация о Сезарии Эворе. Сезария Эвора (1941–2011), всемирно известная певица, исполнительница песен в стиле морна и коладейра, родилась на территории Кабо-Верде (Островов Зеленого Мыса), заморской провинции Португалии, впоследствии получившей независимость от метрополии в 1974 году. Культурным фоном формирования творческой биографии певицы стала полиэтническая креольская культура ее родного портового города Минделу, обстановка неграмотности, глубокой бедности и неопределенности судеб его жителей. Прочувшись три года в монастырском приюте, Сезария вынуждена была помогать семье: она начала ходить в местные бары и петь для посетителей, пристрастилась к алкоголю и табаку. Уже в зрелом возрасте Сезарию Эвору заметил француз с кабовердианскими корнями Жозе да Силва, с чьей помощью певица стала известной во Франции, а позже приобрела мировую известность, записала альбомы и активно гастролировала. Благодаря творчеству певицы широкая музыкальная общественность познакомилась с кабовердианской музыкальной культурой. Слушателей покорила естественная манера пения Сезарии Эворы, простота ее образа жизни и сочувственное отношение к землякам, стремление им помочь в сложных жизненных ситуациях. После смерти певицы в 2011 году общественное признание ее таланта выразилось в самых разнообразных формах: печатные публикации, радио- и телепрограммы, посвященные жизни и творчеству Сезарии Эворы, музыкальные посвящения известных музыкантов и др. В память о Сезарии Эворе, самой известной жительнице Кабо-Верде, был назван национальный аэропорт, изображение певицы печатается на денежной купюре (рис. 2), именем Сезарии Эворы названа улица в Париже.

¹ Из и изо // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под редакцией В. И. Чернышева. Москва; Ленинград: Наука, 1956. Т. 5: И–К. Ст. 84.

Рис. 2. Изображение Сезарии Эворы на купюре в 2000 эскудо Национального банка Кабо-Верде (фотография из открытых интернет-источников)

Сезария Эвора являла собой яркий пример человека, достигшего мирового признания, но оставшегося верным своим корням. Ее типаж сочетает простоту, силу духа и глубокую связь с традициями своей родины. Этот образ актуален для многих культур, где талант рождается вопреки обстоятельствам и становится признанным официально.

2. **Анализ номинаций Сезарии Эворы.** Широкая общественность награждает Сезарию Эвору титулом «босоногая дива» вслед за ее альбомом „La Diva Aux Pieds Nus“ (1988). В данной номинации акцентируется отказ певицы от обуви как символ бедности ее народа. Босые ноги традиционно являются маркером происхождения человека из бедных слоев общества и представляют нищий народ Кабо-Верде как референтную группу Сезарии Эворы. Характеристика «дива» (от итал. *diva* – божественная, ДИВА, ы, ж. Устар. Знаменитая артистка, певица)¹ актуализирует признанный статус исполнительницы. Тем самым словосочетание «босоногая дива», построенное на оксюмороне, позиционирует певицу как национальную ценность, не оторвавшуюся от своих корней. По такому же принципу построена номинация «босоногая миллионерша», употребляемая в русскоязычных СМИ по отношению к певице, однако здесь на первый план выходит сема значительных материальных возможностей, которые приписываются знаменитой артистке. Кроме того, оксюморон лежит в основе номинации «аристократка ресторанной музыки», где ресторанная музыка выступает творческой средой, в которой обитают незаметные или второстепенные артисты, отвечающие вкусам народных масс, а статус аристократки элитурирует Сезарию Эвору, но не отрывает ее от этой среды.

Номинация «босоногая бабушка», отмеченная в русскоязычных источниках, также указывает на низкое социальное происхождение исполнительницы, а существительное «бабушка» дает представление о близкородственной связи слушателя и певицы, что является важной лингвокультурной характеристикой образа Сезарии Эворы. На эту связь вдобавок указывают комментарии «дорогая Сестра», «МАМА», оставленные под записями о певице на новостных медиаресурсах. Кроме того, исключительную ценность таланта певицы подчеркивают такие номинации, как

¹ Дива // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под редакцией В. И. Чернышева. Москва; Ленинград: Наука, 1954. Т. 3: Г–Е. Ст. 776.

«национальное достояние Кабо-Верде», «голос Кабо-Верде», «бриллиантовый голос», «царица морны», «королева морны». Эти характеристики выделяют высокие профессиональные достижения певицы, а ее образ становится неотъемлемой частью национального культурного кода Кабо-Верде.

Отдельную группу перифрастических номинаций Сезарии Эворы представляют описания, приводящие аналогии с другими типажам: «черная Людмила Зыкина», «чернокожая Эдит Пиаф», «африканская Билли Холидей», «темнокожая Золушка». Из данного списка выделяется Золушка – образ женщины низкого социального происхождения, вознагражденной за достойно перенесенные испытания высоким положением в обществе и всенародной любовью. Людмила Зыкина, Эдит Пиаф и Билли Холидей, как и Сезария Эвора, возводятся в статус национальных брендов. «Черная», «чернокожая», «африканская», «темнокожая» отсылают не только к внешнему образу артистки, но и к колониальному прошлому ее народа как традиционно угнетаемой социальной группе.

Таким образом, благодаря перифрастическим номинациям Сезарии Эворы в русскоязычных СМИ можно вывести основные передаваемые ими черты: высокий статус и материальное благополучие певицы при ее низком происхождении и скромном образе жизни, выдающийся талант, оцененный по достоинству как на родине, так и в мире, возведение в статус символа национальной культуры.

3. Вербализуемый образ Сезарии Эворы (перцептивно-образный компонент ЛКТ).

3.1. Особенности внешности, одежда, атрибуты и проч.

В русскоязычных медиатекстах о Сезарии Эворе значительное внимание уделяется ее внешнему облику. Перед зрителями певица предстает немолодой грузной темнокожей женщиной с неизменно босыми ногами. Внимание привлекают также ее глаза разного цвета, в интервью она называла один зрячий глаз «Паулино», а другой слепой – «Камуче». Журналисты называют эффект, который производит ее взгляд, «чертиками в глазах». Также в медиатекстах отмечаются желтые от никотина ладони исполнительницы как признак многолетней зависимости. Упоминаются шрамы на руках от утюга, который Сезария Эвора возила с собой на гастроли. На публике чаще всего появлялась в просторных платьях, без обуви и иногда в импровизированной чалме, как у африканских женщин, или без головного убора с заплетенными в мелкие африканские косички волосами. Среди атрибутов певицы были яркие длинные ногти, а также единственная роскошь, которую Сезария Эвора позволяла себе – золотые украшения. На публике она не стеснялась появляться с сигаретой.

3.2. Половозрастные и социальные характеристики.

Международную творческую карьеру Сезария Эвора начала в возрасте 47 лет, что было нетипично и добавляло экзотичности образу певицы с далеких островов. Она никогда не была замужем, родила троих детей от разных мужчин, ни одного из которых не назвала официальным отцом. Следует добавить, что у артистки было много родственников, с которыми она поддерживала тесную связь, а ее расширенную семью составляли также и земляки из Минделу. Двери дома Сезарии Эворы были всегда открыты для всех желающих зайти в гости. Певица вела себя идентично в разном социальном окружении: как среди своих соседей и моряков, так и с мировой

богемой, например, Эмиром Кустурицей и Мадонной. Это проявлялось и в творчестве Сезарии Эворы, сама исполнительница признавалась: «Я одинаково пою перед президентом, трудягами в баре или аристократами в большом концертном зале».

3.3. Сфера реализации таланта, особенности творческой деятельности, этапы продвижения ее результатов и их общественного признания.

Творческий путь Сезарии Эворы был нетипичен для певицы мирового уровня: в детстве и юности она выступала в барах Минделу для моряков, в 1970-е годы прекратила свои выступления и страдала от алкогольной зависимости. В 1980-е годы исполнительница вернулась в музыку, была замечена продюсером Жозе Да Силва, после чего её международная музыкальная карьера развивалась стремительно: она записала свои самые известные альбомы „Miss Perfumado“ (1992), „Sodade“ (1994), „Cesária“ (1995), „Cabo Verde“ (1997), „Café Atlântico“ (1999), гастролировала по всему миру и получила премию «Грэмми» за альбом „Voz d’amor“ (2004). Такой активный график подорвал здоровье артистки, в сентябре 2011 года после перенесенных ею инсульта и сердечного приступа Сезария Эвора завершила свою карьеру. Три месяца спустя в возрасте 70 лет певица умерла. На Кабо-Верде по поводу смерти «национального достояния» был объявлен трехдневный траур. Творчество Сезарии Эворы прославило не только её имя, но и музыкальные жанры: морна и коладера, а также открыло многим слушателям креольскую культуру Кабо-Верде и страдания народа этого государства.

4. Оценка личности и творчества (понятийно-оценочный компонент ЛКТ).

4.1. Самооценка, представленная в публикациях о Сезарии Эворе и в интервью с певицей.

Несмотря на скупость на слова и владение только креольским языком Кабо-Верде певица дала несколько интервью, в которых охарактеризовала себя и свое творчество. Журналисты отмечают ее открытое и искреннее коммуникативное поведение: на вопросы певица отвечала прямо, коротко, но емко, использовала в основном бытовую лексику, на профессиональную тему говорила, не вдаваясь в специфическую музыкальную терминологию. Ее жесты, описываемые журналистами, могут характеризоваться грубоватостью или быть неконвенциональными: «Эвора берет со стола упаковку “Чудо-йогурта” и снимает фольгу. Прежде чем начать (основательно и нерасторопно, как все, что она делает) есть, она отрывает серебристую крышку и слизывает с нее налипший йогурт. Только убедившись, что на серебристой поверхности не осталось ни грамма, она отправляет крышку в мусорное ведро»¹. Также в интервью с ней часто встречаются авторские комментарии: «посмеивается», «подмигивает», «Сезария в игривом ужасе отодвигается в угол дивана»², что характеризует ее как человека, обладавшего чувством юмора. Певица в интервью часто иронизировала над собой: «Надо будет сегодня вечером обжечь вторую руку – чтобы завтра на концерте все выглядело симметрично», — ответила она журналисту на вопрос о происхождении ожога на руке. О своей табачной зависимости шутила: «С помо-

¹ Афиша Волна: Песни невинности и опыта URL: https://daily.afisha.ru/archive/volna/archive/cesaria_evora/ (дата обращения: 30.10.2025).

² Певица Сезария Эвора – о русских романсах, кино и совах URL: <https://nn.aif.ru/society/persona/105120> (дата обращения: 30.10.2025).

пью сигарет я ухаживаю за своим голосом», на вопрос о ее усталости отвечала: «Отдохну на том свете». В общении с журналистами Сезария Эвора вела себя открыто и спокойно, не входила в роль звезды, ее речь была насыщена диминутивами, особенно когда певица говорила о семье, за счет чего создавалось ощущение меньшей дистанции между собеседниками: «у меня очень болят ноги, детка», «помогаем талантливым ребятишкам развивать их музыкальные дарования», «я первым делом взялась за бабулю», «дочка купит тортик».

О себе певица говорила без прикрас, по существу, несколько отстраненно, что заметно по ее речи, не насыщенной средствами выразительности. Реплики певицы часто односложные, неполные или парцелированные: «Там довольно уныло. Но и в унылости есть своя красота»¹; «Я обычная женщина. Не слишком счастливая. Не богачка, не красавица — просто женщина, каких миллионы»², «Жизнь – это школа. Хочешь жить – учи уроки»³. О своих заслугах она говорила особенно скупно, а слухи о своей благотворительности отвергала, только однажды упомянув благотворительный фонд, учрежденный ею и ее продюсером: «помогаем талантливым ребятишкам развивать их музыкальные дарования». Тональность речи исполнительницы менялась, когда она говорила о музыке и чувствах – ее реплики становились более эмоциональными, выразительными и афористичными: «пою с распахнутой душой», «для меня песня – это нечто, пропущенное через сердце», «Музыка – это универсальное средство общения. Даже если ты не знаешь языка, ты все равно слушаешь ее и понимаешь. Люди говорят на языке ритмов»⁴.

Речевой портрет Сезарии Эворы отражает ее как эмоциональную, открытую и искреннюю личность с богатым жизненным опытом. Речь певицы была простой, но наполненной глубокими чувствами, присутствовали метафоры, связанные с личными музыкальными переживаниями, что характерно для артистичного человека. Говоря о творчестве и музыке, она переключала стилевой регистр: ее речь становилась более образной. Отсутствие формального образования компенсировалось мудростью и яркой индивидуальностью. Стилль общения – доверительный, с большой долей юмора и самоиронии, что делает ее высказывания живыми и запоминающимися.

4.2. Вербализация оценки в журналистских текстах, в отзывах и комментариях к ним.

Русскоязычные медиатексты комплиментарны по отношению к певице, уважительно называют ее «босоногая дива», «черный бриллиант», «африканская Билли Холидей». Критики акцентируют «первобытную поэзию» голоса Сезарии Эворы, ее самобытность и даже привычки называют «милыми причудами». В медиатекстах, и в особенности в комментариях к ним, можно выделить, как минимум, семь качеств,

¹ Босая душа: Сезария Эвора открыла миру культуру Кабо-Верде URL: <https://iz.ru/1209474/vladislav-krylov/bosaia-dusha-sezariia-evora-otkryla-miru-kulturu-kabo-verde> (дата обращения: 30.10.2025).

² #cesariaday: памяти босоногой королевы Сезарии Эворы URL: <https://postmagazine.ru/article/cesaria-evora-2019/> (дата обращения: 30.10.2025).

³ Афиша Волна: Песни невинности и опыта URL: https://daily.afisha.ru/archive/volna/archive/cesaria_evora/ (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Сезария Эвора. История любви и одиночества. URL: https://kstolica.ru/publ/zhzl/istorija_ljubvi_i_odinochestva/20-1-0-635 (дата обращения 30.10.2025).

которые, по мнению авторов текстов, положительно характеризуют Сезарию Эвору и в совокупности определяют ее творческую индивидуальность.

Во-первых, это *талант и профессионализм*. Эпитеты, даваемые певице журналистами и комментаторами, подчеркивают особую одаренность Сезарии Эворы, ее сверхъестественное происхождение: «талантливая»¹, «потрясающая», «замечательная», «ВЕЛИКАЯ», «прекрасная», «обворожительный голос», «талантище», «совершенный», «уникальный», «гениальная простота», «самородок», «бриллиант», «космический талант», «Богом поцелованная», «Сам Господь вложил в ее горло огромный бриллиант», «уникум», «талантливый художник»².

Во-вторых, это *открытость по отношению к людям*, душевность и человечность певицы. Во многих характеристиках делается акцент на её внутренней силе, близости к людям, искренности, доброте: «сердечная», «целительница человеческой души», «печальная», «равнодушная», «открытая душа», «дарящая людям любовь», «бальзам для души», «очень человек», «душевно до гениальности», «сколько обнаженной души». Сезария Эвора воспринимается как родной человек.

В-третьих, это подчеркнутая простота Сезарии Эворы, *отсутствие «звездности»* при ее очевидном таланте. Отмечается естественное поведение певицы на сцене, скромность и отсутствие манерности: «ходила босиком», «спокойствие», «необыкновенная простота и естественность», «делают свое дело не кривляясь», «земной голос», «невероятное природное исполнение», «легкая простота в исполнении песен и поведении», «без всякого перформанса», «без всяких вокальных выкрутасов», «она не зазналась, помогала людям» ...

В-четвертых, отмечается особая, *неконвенциональная красота*, сформированная благодаря внутренним качествам певицы. Комментарии о ее облике часто строятся на контрасте внешности и внутреннего обаяния. Внешность при этом отходит на второй план, а в некоторых случаях признается красивой. Кроме того, акцент делается на глазах как «зеркале души». Цвет кожи также фигурирует как отличительный признак: «Ни на какую красавицу не променяю такое обаяние и трепетную нежность от самого облика моей любимицы Сезарушки», «Почему вы ее назвали старушкой? С ума сошли? Она красивая молодая дама с потрясающим голосом. И посмотрите какой у нее взгляд...», «Маленькая босоногая женщина собрала полный зал, который провожал ее стоя», «с удивительным голосом и глубокой печалью в глазах», «целует глазами... глаза, как море ее родины...», «красавица Сезареа», «Не лицо красивее человека, а его душа», «Никакая красавица не сравнится с ней».

В-пятых, талант Сезарии Эворы осмысливается в *метафизическом измерении*. В комментариях обнаруживается большое количество эпитетов из религиозного и духовного дискурса. Отражается ощущение почти мистического таланта, обожествление дивы: «с другой планеты», «космический талант», «небеса слушают твои песни», «открыл для себя новую грань Космоса», «это магия, красота души оставила

¹ Здесь и далее оригинальные орфография и пунктуация сохранены.

² Здесь и далее представлены микротексты в виде комментариев к записям из открытых источников. Cesaria Evora – Live d'Amor (Grand Rex, Paris, 2004). URL: https://www.youtube.com/watch?v=dwmVmOa_-qw&list=RDdwmVmOa_-qw&start_radio=1&t=522s (дата обращения 30.10.2025).

неизгладимый след во вселенной», «рай на земле слушать такое исполнение», «полет души», «единение с Богом», «душа летает».

В-шестых, подчеркивается *щедрость* Сезарии Эворы как в материальном, так и в духовном планах, готовность делиться с окружающими как своими эмоциями и душевным теплом, так и заработанными средствами. Певицу называют «щедрой душой и поступками». «Она давала концерт на берегу Атлантического океана... Бесплатно», «содержала городок, в котором родилась, спонсировала студентов, школьников», «Вот та, что своим пением финансово содержала свою родину».

Наконец, в-седьмых, отмечается *международная значимость* таланта Сезарии Эворы для всего мира, доступность восприятия ее творчества людям разных времен и народов. Свойство таланта певицы объединять разные культуры и языки часто освещается журналистами и комментаторами: «Русская грусть на португальском», «До слез пробивает, даже и без понимания текста песни!», «Не понимаю ни одного слова, а слезы текут ручьем..... Почему я плачу каждый раз? Я-взрослый мужик. Ни слова не понимающий песни старой иностранной тетки.. Почему, почему, слезы текут.. Старая глупая тетка. Ты гений. А я дурак, и слезы ручьем...», «Добро и Любовь не знает границ, национальностей, цвета кожи», «Как так можно, не зная языка, так проникнуться этими песнями». Сама Сезария Эвора также отмечала, что большинство слушателей не понимают текстов ее песен, но это не мешает ей общаться «на языке ритмов».

Заключение

Медiateксты на русском языке, посвященные Сезарии Эворе, представляют собой интервью певицы, биографические очерки, концертные рецензии и некрологи, демонстрирующие читателям образ певицы, изображают ее как открытого, простого, спокойного и мудрого человека, преодолевшего невзгоды благодаря своему исключительному таланту, доброте и скромности. Жизненный путь Сезарии Эворы предстает историей Золушки, которая получила признание и вознаграждение за свои добродетели и особый талант. Однако притягательность этой биографии заключается в многогранности и противоречивой природе самого персонажа, которая проявляется **в облике певицы** (босые ноги и золотые украшения), **в манерах**, несвойственных стереотипной мировой знаменитости («она отрывает серебристую крышку и слизывает с нее налипший йогурт» или комкает пачку из-под сигарет), **в речи**, сочетающей простоту и незатейливость конструкций с афористичностью и глубиной передаваемых эмоций, **в окружении** (одинаковое обращение с соседями и с мировой богемой), **в образе жизни** (сочетание человеческих пороков с щедростью и чистотой эмоций, которые она вкладывает в свое творчество). Этот контраст отражен в самой известной перифрастической номинации Сезарии Эворы – «*босоногая дива*». Так можно сделать вывод, что Сезария Эвора, будучи представительницей самых нищих слоев населения благодаря своему таланту сумела добиться признания в мировом музыкальном сообществе и любви слушателей по всему миру, не забыв о своих корнях, преодолев долгий путь к успеху.

Исследование корпуса текстов о жизни и творчестве Сезарии Эворы позволяет говорить о том, что в современном медиaprостранстве она характеризуется и как

«талант из народа», и как «народный талант», получивший весьма широкое общественное признание. Можно предположить, что лингвокультурный типаж, представляющий одаренного человека, чей творческий труд отражает национальную самобытность и служит средством выражения идей национальной идентичности, имеет в русской лингвокультуре два достаточно близких, но тем не менее самостоятельных варианта: «народный талант» и «талант из народа». Эту гипотезу сможет подтвердить или опровергнуть обращение к текстам о других модельных личностях, реализующих свойства данного лингвокультурного типажа.

Список литературы / References

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. *Крылатые слова*. Москва: Художественная литература, 1955. 668 с.

Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Catchwords*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1955. 668 p. (In Russ.)

Бральнин Д. О. *Лингвокультурный типаж «писатель-классик» в современной русской речевой практике: дис. ... канд. филол. наук*. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2025. 208 с.

Bral'nin D. O. *Linguistic and cultural character type of "classic writer" in modern Russian speech practice: Cand. thesis in Philological Sciences*. Arkhangel'sk: Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet, 2025. 208 p. (In Russ.)

Головань Н. В., Илюхина Н. А. Метафорические обозначения лица, способного к творческой деятельности, в русском языке. *XVI Королевские чтения: международная молодежная научная конференция*. Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, 2021, т. 2, с. 837–838.

Golovan' N. V., Iliukhina N. A. Metaphorical nominations of a person capable of creative activity in the Russian language. *XVI Korolevsky Readings: International Youth Scientific Conference*. Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet im. S. P. Koroleva, 2021, vol. 2, pp. 837–838. (In Russ.)

Дубровская Е. М. *Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект: дис. ... канд. филол. наук*. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2017. 230 с.

Dubrovskaja E. M. *Linguocultural character type of "bohemian man": dynamic aspect: Cand. thesis in Philological Sciences*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2017. 230 p. (In Russ.)

Землякова Н. В., Лебедева Л. А. Русский ученый как лингвокультурный типаж. *Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы VI Международной научной конференции*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017, с. 103–107.

Zemliakova N. V., Lebedeva L. A. Russian scientist as a linguistic and cultural character type. *Continuity and discreteness in language and speech: Proceedings of the VI International Scientific Conference*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2017, pp. 103–107. (In Russ.)

Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russ.)

Касьянова Н. Б. Лингвокультурный типаж «французский академический музыкант». *Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: сборник научных статей*. Москва: Языки Народов Мира, 2022, с. 67–78.

Kas'ianova N. B. Linguocultural character type of “French academic musician”. *Romance notebooks: Romania as a civilizational concept: collection of scientific articles*. Moscow: Iazyki narodov mira, 2022, pp. 67–78. (In Russ.)

Кубасова Э. Т. Лингвокультурный типаж «джазмен». *Вестник Башкирского университета*, 2012, т. 17, № 1. с. 285–290.

Kubasova E. T. The linguocultural character type of “jazzman”. *Bulletin of Bashkir State University*, 2012, vol. 17, no. 1. pp. 285–290. (In Russ.)

Народный талант, талант из народа // Google Books Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=народный+талант%2Сталант+из+народа&year_start=1900&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=10&case_insensitive=false (дата обращения: 03.08.2025)

People's talent, talent from the people. *Google Books Ngram Viewer*. Available at: https://books.google.com/ngrams/graph?content=народный+талант%2Сталант+из+народа&year_start=1900&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=10&case_insensitive=false (accessed: 03.08.2025)

Раджабова Г., Эмирова Д. М. Семантическое поле концепта *gift / дар* в английской и русской ЯКМ. *Успехи гуманитарных наук*, 2022, № 8, с. 156–159.

Radzhabova G., Emirova D. M. Semantic field of gift concept in English and Russian linguistic world picture. *Modern Humanities Success*, 2022, no. 8, pp. 156–159. (In Russ.)

Селиверстова Л. П. «Звезда Голливуда»: лингвокультурный типаж и стереотип. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 2007, № 6, с. 158–160.

Seliverstova L. P. “Hollywood Star”: linguocultural type and stereotype. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2007, no. 6, pp. 158–160. (In Russ.)

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т., под редакцией В. И. Чернышева. Москва; Ленинград: Наука, 1948–1965.

Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols., edited by V. I. Chernyshev. Moscow; Leningrad: Nauka, 1948-1965. (In Russ.)

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* Москва: Астрель: АСТ, 2004.

Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.* Moscow: Astrel': AST, 2004. (In Russ.)

Сведения об авторе

Анастасия Дмитриевна Волкова – старший преподаватель, <https://orcid.org/0009-0003-7720-2129>, Anastasia.volkova@odin.mgimo.ru, Одинцовский филиал МГИМО МИД России (д. 3, ул. Новоспортивная, 143007 Одинцово, Россия), соискатель, Вологодский государственный

университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Anastasia D. Volkova** – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0009-0003-7720-2129>, Anastasia.volkova@odin.mgimo.ru, Odintsovo branch of MGIMO University (3, ul. Novosportivnaya, 143007 Odinstovo, Russia), Applicant for a Degree, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted 19.08.2025; Approved after reviewing 15.09.2025; Accepted for publication 06.10.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 31–44.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 31–44.

Научная статья

УДК 81'22

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-3>

<https://elibrary.ru/hexygl>

Гибридный текст как пространство междискурсивного взаимодействия (на материале романа В. Луиселли «Архив потерянных детей»)

Яна Станиславовна Гончарова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

yana.kovrizhina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>

Аннотация. В работе анализируется взаимодействие разнокодовых компонентов, которые репрезентируют интердискурсивные связи и участвуют в образовании гибридного продукта. Материалом для исследования послужил роман современной мексикано-американской писательницы Валерии Луиселли «Архив потерянных детей», основанный на ее личном опыте волонтерской работы с иммигрантами из Мексики и соседних стран. В статье предпринята попытка вписать проводимое исследование в контекст не только отечественных, но и зарубежных изысканий, в частности, применить концепцию шведского медиолога Л. Эллестрема.

Ключевые слова: интердискурсивность, интермедиальность, мультимодальность, медиапродукт

Для цитирования: *Гончарова Я. С.* Гибридный текст как пространство междискурсивного взаимодействия (на материале романа В. Луиселли «Архив потерянных детей») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 31–44. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-3>; EDN: HEXYGL

Hybrid text as interdiscursive interaction space (based on “Lost Children Archive” by V. Luiselli)

Iana S. Goncharova

The Herzen State Pedagogical University of Russia,

St Petersburg, Russia

yana.kovrizhina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>

Abstract. The paper analyses the phenomenon of heteromediaality – that is the combination and integration of different media types. The study focuses on the novel “Lost Children Archive” by the Mexican-American author Valeria Luiselli who based her novel and essays on her own real-world experience of volunteering as an interpreter for young migrants from Central America. The main goal of the article is not only to analyse how heteromediaality reflects interdiscursivity within the

© Гончарова Я. С., 2025

text of the novel, but also to apply different concepts of multimodal studies, including L. Ellestrom's theory of multimodality and intermediality.

Keywords: interdiscursivity, intermediality, multimodality, media product

For citation: Goncharova Ia. S. Hybrid text as interdiscursive interaction space (based on "Lost Children Archive" by V. Luiselli). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 31–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-3>; EDN: HEXYGL

Введение

Высокая интенсивность и всенаправленность явления глобализации в современном мире имеют как положительные, так и отрицательные последствия. Тексты, создаваемые человеком, отражают происходящие процессы. Пересечение географических границ сопровождается преодолением границ между текстами, дискурсами, семиотическими системами, созданием новых мультимедийных информационно-коммуникативных технологий и их коллаборацией. Начался новый виток изучения природы гетерогенности, явлений поликодовости, мультимодальности, интермедальности и т. п.

В данной статье художественный текст рассматривается как разнородное пространство взаимодействия различных дискурсов, материализующихся в ткани произведения в виде разнокодовых компонентов, которые, помимо образования гибридного продукта, вступают в интертекстуальные и интермедальные отношения. В соответствии с целью исследования используются общенаучный описательный метод, включающий наблюдение, интерпретацию и обобщение, лингвистические и лингвокогнитивные методы контекстуального анализа, количественный анализ, элементы структурно-семантического исследования текста. Материалом для исследования послужил роман мексикано-американской писательницы Валерии Луиселли «Архив потерянных детей», опубликованный в 2019 г. и основанный на ее личном опыте работы с детьми иммигрантов, искавших убежище в США. Произведение отличается крайней степенью полифоничности. Автор завершает книгу приложением, содержащим перечень цитируемых источников. В нем поясняется, что ее «представляет собой <...> диалоги с множеством различных текстов, а также нетекстовых источников. Архив, на котором держится роман, является и внутренне присущей, и внешней частью главного нарратива. <...> обращение к источникам – текстовым, музыкальным, визуальным и аудиовизуальным <...> служит внутритекстовыми метками, показывающими, что в разговоре, который книга ведет с прошлым, участвуют многие голоса»¹.

Основная часть

Произведение Луиселли является ярким образцом поликодового, мультимодального гибридного текста, на плоскости которого дискурсивные и интердискурсивные отношения проецируются в виде интертекстуальных и интермедальных процессов. Однако необходимо уточнить терминологию и, в первую очередь, определить, что

¹ Луиселли В. Архив потерянных детей. Москва: Манн, Иванов, Фербер, 2023. С. 472.

именно позволяет обозначить этот текст как поликодовый и мультимодальный. Так, В. Е. Чернявская утверждает, что «коммуникация принципиально поликодова» и поликодовый текст есть «когерентное целое, слагаемое из нескольких семиотических кодов»¹. Следовательно, произведение В. Луиселли, в котором присутствуют компоненты по меньшей мере двух семиотических систем, с уверенностью можно отнести к данному типу текстов. Кроме того В. Е. Чернявская уточняет, что поликодовость понимается не только как «взаимодействие различных семиотических систем при создании когерентного целого», не только как вербально-визуальное единство, но и может быть «результатом взаимодействия различных дискурсов как систем когнитивных стратегий»². Следовательно, интердискурсивность есть механизм формирования поликодового текста.

Многие исследователи настаивают на разграничении понятий «поликодовый текст» и «мультимодальный / полимодальный текст». Это связано с нетождественностью терминов «модальность» и «код».

Так, Е. Д. Некрасова утверждает, что поликодовые тексты, содержащие разные семиотические визуальные (вербальные и иконические) знаки, имеют совершенно иной тип организации по сравнению с текстами полимодального (в зарубежной традиции – мультимодального) характера, актуализирующими несколько перцептивных каналов (как правило, зрительный и аудиальный), а потому изучаются на основании адресного восприятия респондентами. При этом «поликодовый текст может быть и мономодальным, если воспринимается исключительно при помощи зрительного анализатора»³.

А. А. Кибрик подчеркивает, что «письменный текст по природе мультимодален» так же, как и окружающий нас мир. Человек есть мультимодальный организм. Языковая коммуникация по сути мультимодальна⁴. Ученый уточняет, что мультимодальность предполагает взаимодействие и интеграцию нескольких каналов связи и включает все разнообразие визуальных компонентов письменного текста, в том числе набор графических параметров, таких как шрифт (типографику у других исследователей), цвет, формат и т. д.⁵

О. К. Ирисханова утверждает, что различия между понятиями мультимодальность и поликодовость во многом носят установочный характер: первое в лингвистике чаще применяется по отношению к устной речи, а второе используется в исследованиях письменного текста, поэтому частотны именно сочетания «мультимодальный дискурс» и «поликодовый текст». Указанные термины не являются взаимо-

¹ Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. Москва: URSS, 2013. С. 33, 69.

² Там же. С. 213.

³ Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45.

⁴ Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 145.

⁵ Там же. С. 148.

исключающими, они применимы к одному и тому же материалу, однако каждый смещает акцент на определенные дискурсивные аспекты¹.

Интересно отметить, что авторы монографии «Полиmodalные измерения дискурса», ссылаясь на Е. Е. Анисимову, которая называет тексты без визуального компонента «текстами с нулевой креолизацией»², допускают существование моноmodalных текстов.

М. В. Загидуллина, комментируя статью В. А. Омеляненко и Е. Н. Ремчуковой, в которой «мультиmodalность» и «поликодовость» как термины противопоставлены на основе принципа вербальной центрированности / децентрированности в коммуникации, при этом поликодовость рассматривается в российской традиции, отмечает отсутствие убедительной аргументации данного тезиса³.

С развитием Интернета у понятия «мультиmodalность» возникло значение «мультиканальности» или «мультимедийности». Именно в таком более узком понимании и применяется поли- или мультиmodalность при анализе письменных художественных текстов авторами книги «Полиmodalные измерения дискурса»⁴.

Гюнтер Кресс и Тео ван Лиувен, разработавшие основные положения теории мультиmodalности, определяют данный термин «через понятие семиотического модуса – набора ресурсов из нескольких знаковых систем»⁵. Примерами модусов являются изображение, письмо, схемы, макеты, жесты, мимика, речь, музыка, 3D-объекты. Таким образом, мультиmodalный текст – это «медиапродукт, в котором используется несколько семиотических кодов разных modalностей»⁶. В указанном определении прослеживается взаимосвязь понятий «код» (семиотическая система, набор условных обозначений для кодирования информации) и «modalность» (способ / канал (по активному органу чувств) восприятия информации).

О. К. Ирисханова синонимизирует понятия «модус» и «modalность коммуникации», выделяя среди них вербальные, жестовые, графические и иные и определяя modalность как «способ обработки информации – словесный, зрительный, слуховой, тактильный и проч.»⁷.

¹ Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. Полиmodalные измерения дискурса. Москва: ИД ЯСК, 2021. 448 с.

² Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Москва: Академия, 2003. С. 15.

³ Загидуллина М. В. Мультиmodalность: к вопросу о терминологической определенности. Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181–188; Омеляненко В. А. Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультиmodalности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3. С. 66–78.

⁴ Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. Полиmodalные измерения дискурса. Москва: ИД ЯСК, 2021. 448 с.

⁵ Цит. по: Омеляненко В. А., Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультиmodalности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3. С. 70.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. Полиmodalные измерения дискурса. Москва: ИД ЯСК, 2021. С. 7.

В учебном пособии по интермедиальности “Intermedial Studies. An Introduction to Meaning Across Media”, созданном последователями шведского литературоведа и медиолога Л. Эльстрема, за аксиому и отправную точку для последующих изысканий принято следующее утверждение: “All communicative situations and all media types are multimodal”. И далее следует логичный вывод: “All media products are, therefore, mixed and heterogeneous rather than ‘monomedial’”¹.

Л. Эльстрем определяет точки соприкосновения интермедиальных и мультимодальных исследований и делает небезуспешную попытку подвести под них единую методологическую базу. Так, он выделяет четыре модальности – материальную, сенсорную, пространственно-временную и семиотическую – и утверждает, что мы взаимодействуем с любым медиапродуктом одновременно во всех четырех модальностях. Более того, он поясняет: “Media products exploit our capacity for cross-modal translations. In the sensorial modality, we construct synaesthetic connections, where the image of ringing bells makes us ‘hear’ the bells”². Л. Эльстрем называет чтение “multi-sensory reading experience”. Фокусируясь обычно на одном канале восприятия информации, в зависимости от ее характера (зрительном при чтении), мы тем не менее задействуем одновременно все органы чувств – осязание (контакт с книгой как материальным объектом), обоняние (характерный запах новых или старых книг), слух (шелест страниц) – в материальной модальности. Кроме того, сенсорные модальности репрезентированы в семиотической посредством лексических единиц, означающих чувственное восприятие действительности.

Подводя итоги изучения теоретической стороны исследуемых явлений, приведем положения, принятые в рамках данного исследования в качестве теоретической основы:

– Всякий письменный текст является поликодовым, так как по своей имманентной природе является интердискурсивным. Однако, поскольку определение роли паралингвистических средств разного типа в создании сообщения вызывает разногласия среди исследователей, а в зарубежной традиции используется понятие мультимодальности, мы делаем выбор в пользу последнего термина.

– Всякий письменный текст, медиапродукт (в терминологии Л. Эльстрема) мультимодален, модальность – способ обработки информации, канал передачи данных; при восприятии текста включаются все модальности: одни – непосредственно в соответствии с природой текста, другие – через синестезийные ассоциации.

– Модусы – средства коммуникации, способ существования сообщения (речь, цвет, типографика, интонации, жесты, мимика, изображения, аудиосообщения); согласно терминологии Л. Эльстрема это типы базовых медиа (“basic media types”), которые являются кирпичиками для построения квалифицированных медиа (иллюстрированных книг, интернет-мемов, рекламы и т. п.).

– Технические медиа – материальная основа коммуникации (бумага, глина, камень, ручка, граммофон и т. п.).

¹ Bruhn J., Schirmacher B., *Intermedial Studies. An Introduction to Meaning Across Media*. New York: Routledge, 2022. P. 17.

² Там же. P. 37.

Подтвердим справедливость вышеприведенных утверждений с помощью анализа заявленного материала. С одной стороны, «Архив потерянных детей» – это роман о семье, совершающей путешествие через всю Америку к границе с Мексикой. Семья состоит из четырех человек – мамы, ее пятилетней дочери, а также отца и его десятилетнего сына. Автор не называет имен героев. Повествование ведется от лица женщины в первой части и фрагментарно во второй и преимущественно от лица мальчика – во второй. Интересно, что описываемые события и ситуации – идентичны, поэтому большинство глав в первой части от лица женщины и во второй от лица мальчика имеют одинаковые или схожие названия. Видя происходящее сначала глазами взрослых, а затем – детей, читатель разбирается в причинах недопонимания и конфликтов между ними. Магистральной линией в романе является тема памяти. Рассказывая историю одной семьи накануне неизбежной разлуки из-за расставания взрослых, автор старается понять, каким образом люди документируют прошлое, чем память детей отличается от памяти взрослых, какую роль в воспоминаниях играют звуки и зрительные образы, пытается разобраться, как не забыть важные события и людей, что следует помнить, чтобы они продолжали жить в воспоминаниях. Рассказчица делится обеспокоенностью тем, какой запомнится их совместная жизнь детям, попутно она рассуждает о вопросах брака и воспитания; мальчик переживает, что сводная сестра забудет его и их общее детство, поэтому записывает для девочки сообщение на диктофон, подробно рассказывая обо всем, что с ними произошло в поездке и некоторые детали их жизни до ее появления.

Части романа, рассказанные женщиной, можно отнести к жанру дорожного романа, что подтверждается частыми упоминаниями «В Дороге» Дж. Керуака и «Дороги» К. Маккарти, при этом фраза из последнего произведения лейтмотивом проходит через все повествование: “When he woke in the woods in the dark and the cold of the night he'd reach out to touch the child sleeping beside him”¹. Повествование от имени мальчика больше напоминает жанр дневниковой или эпистолярной литературы с тем лишь отличием, что это вербально переданная аудиозапись, характеризующаяся стилем, близким к разговорному и соответствующим возрасту говорящего. Мальчик путешествует с фотоаппаратом и делает моментальные снимки, всю коллекцию которых он перед расставанием дарит девочке, чтобы помочь ей не забывать или в дальнейшем вспомнить поездку. В тексте присутствуют описания многих фотографий, а в конце книги они все представлены как содержание Коробки VII. Фотографии взяты из семейного архива писательницы. На них запечатлены ее дети и супруг, а также места, которые они посещали во время путешествий. При этом роман не является автобиографичным, за исключением отдельных фактов и событий, однако фотографии реальны, они послужили источником вдохновения в ходе создания книги и придали истории достоверности и искренности наравне с нарисованной мальчиком картой (см. рис. 1).

¹ Цит. по: Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. 417 p.

вершенно разной информации для главной героини и ее семьи и для постороннего человека. Пояснение рассказчицы настолько яркое и точное, что приближает его к экфрасису, описывает фото не просто как статичную картинку, но превращает в динамичное повествование. Читатель не только воспринимает историю героини, «слышит» рассказ мальчика, но также видит фотографии и, подобно девочке, для которой приготовлен аудио- и фотоархив, получает возможность осознать происходящее во всей полноте.

Как уже было сказано выше, главная тема романа В. Луиселли – прошлое и память, роль сенсорных образов, прежде всего визуальных и аудиальных, в создании воспоминаний. Тяжело переживая события, связанные с детьми-иммигрантами, рассказчица тревожится о том, как они отразятся в памяти мальчика: “All that’s left for me to do, I think, is to make sure the sounds he records in his mind right now, the sounds that will overlay this instant that will always live inside him, are sounds that will assure him he was not alone that day”¹. Большое внимание она уделяет звуковому фону повседневной жизни, не раз приводя в тексте привычные звуки обычного дня: звук радио (the radio in the early morning), рык кофемолки (the coffee grinder), бульканье кофеварки (the gurgling of the coffeemaker), шум воды в душе (the long showers), шаги (the slow, careful steps), звуки улицы (the metallic screech of subways halting to a stop; the hum of crowded streets; the stream of voices). Перечень вербальных описаний звуков запускает аудиальную модальность, заставляя читателя *слышать* звуки, лексически точно передаваемые в тексте, иногда с использованием звукоподражательных единиц. Здесь можно наблюдать, каким образом, по словам Е. Д. Некрасовой, семантическая информация о канале восприятия, содержащаяся в слове, актуализирует перцептивный опыт человека, приобретенный им в процессе постижения объектов действительности². Это также может служить примером семиотической организации гибридного текста с помощью воспроизведения поликодовости вербальными средствами³.

Мультимодальная природа текста произведения эксплицитно заявлена уже в названии первой части романа “Family Soundscape”. Термин *soundscape* (звуколандшафт) выводит материал в пространство научного дискурса, а именно в область акустемологии (термин был введен в 1992 г. антропологом Стивеном Фельдом), изучающей взаимосвязь звука и пространства, взаимодействие человека со звуком. Главные герои (взрослые) познакомились, работая над проектом по созданию архива звуковых фрагментов. Далее их пути расходятся: женщина пытается найти свой способ рассказать истории детей иммигрантов, а мужчина стремится в Апачерию на поиски следов некогда живших там индейцев. Но по сути их миссии схожи: “to rec-

¹ Luiselli V. *Lost Children Archive*. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 152.

² Некрасова Е. Д. Взаимозависимость модальной семантики слова и перцептивного канала предъявления информации // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 12.

³ Соколова О. В. Гибридизация дискурсов: теоретические основания и типы междискурсивного взаимодействия. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. 2016. С. 308–333.

ord the soundmarks, traces and echoes that lost children left behind” и “to record the sounds that now, in the present, travel through some of the same spaces where Geronimo and other Apaches, in the past, once moved, walked, spoke, sang. <...> to capture their past presence in the world, and making it audible, despite their current absence, by sampling any echoes that still reverberate of them”¹.

Рассказчица объясняет суть работы мужа со ссылкой на труды известных в этой области исследователей, высказывающих следующее мнение: “...the sounds people make, in music or in language, were always echoes of the landscape that surrounded them”². Тема эха как следов присутствия ушедших и как документов, хранящих воспоминания, развивается дальше. Мальчик с девочкой в течение всей поездки собирают эха голосов и разных звуков, постоянно сопровождающих их. Записанные на отдельных листках, они составляют целый архив, который мальчик передает девочке вместе с диктофонной записью, чтобы помочь ей сохранить воспоминания о прошлом. В аудиоверсии книги части от лица рассказчицы начитаны самой писательницей, от лица мальчика – ребенком, что намного облегчает восприятие последней части, задуманной как полифония голосов: голоса мальчика и девочки переплетаются с голосами других детей, бредущих по пустыне. Аудиоверсия позволяет услышать смену голосов, что является более естественным способом восприятия фрагмента, который в печатной версии представляет собой единое предложение на двадцати страницах с постоянной сменной субъекта: читатель перемещается из сознания мальчика, который ведет повествование от их с девочкой лица (мы), к другим детям, оставаясь рядом с ними, вне чьего-либо сознания (они). При этом во фрагменте посредством бесконечных повторений лексических единиц и грамматических конструкций передается путанность речи и помутненность сознания изможденных и обезвоженных детей, что опять же ярко представлено в исполнении голосом.

Диктофон как технический медиум играет важную роль в произведении. Рассказчица пользуется им для создания эффекта отчуждения. Начитывая на него книгу «Элегии о потерянных детях» вымышленного автора, она пытается услышать саму себя, понять, как звучат истории детей, и найти собственный способ их рассказывать. Она словно ищет свой голос, пытается осознать, какую роль может сыграть, как изменить что-то вокруг. Используя метонимию – голос есть личность – автор показывает, насколько важно быть услышанным, чтобы продолжать существовать. И, возвращаясь к истории семьи, молчание сопровождает отчуждение, предшествует разлуке. Но, несмотря на то, что родители молчат, дети продолжают разговаривать (иногда в игре), и тогда женщина, прислушиваясь к их голосам, с удивлением обнаруживает, что именно голоса ее собственных детей давали ей возможность записать звуковые следы и эха, оставшиеся от потерянных детей.

В машине, помимо голосов детей, постоянно звучат новости, песни и аудиокниги, в частности, «Повелитель мух» У. Голдинга, которого они обсуждают и анализируют. Рассказчица часто упоминает писателей, цитирует произведения художественной литературы, интерпретирует их, полемизирует с авторами, комментирует

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 149, 118.

² Там же. P. 116.

качество перевода. Кроме того, весь текст пронизан интертекстуальными аллюзиями разной степени очевидности, что выводит его в область литературоведческого и лингвистического дискурсов. В произведении часто встречаются специальные термины, относящиеся к упомянутым дискурсам: агглютинация, герменевтика, палимпсест, метафигция и проч. Это объясняется мировосприятием писательницы, получившей образование в области философии и литературоведения. Автор и ее рассказчица схожим способом взаимодействуют с миром, и способ этот заключается в установлении связей между людьми, явлениями, произведениями – текстами в широком понимании, именно поэтому созданный ею текст насквозь интертекстуален, интердискурсивен и интермедиален, не только в силу природы человеческой коммуникации, но и как результат авторской интенции.

Поиски голосов потерянных детей и убитых индейцев определяют принадлежность данного литературного материала сразу к нескольким дискурсам. В рамках и иммигрантского дискурса автор показывает, какой очередной виток совершает история развития человечества в отдельно взятом регионе: сначала иммигранты из Европы вытесняют коренных жителей, а затем их потомки возвращаются в качестве иммигрантов на историческую родину в поисках лучшей жизни, безопасности и благополучия, но встречают лишь враждебность и равнодушие. Следовательно, поднимаются общие для дискурса ксенофобии и геноцида темы. Здесь же имеют место заметки (цитаты) из текстов, репрезентирующих иммигрантский дискурс, копии отчетов о смерти мигрантов, карта пустыни, приведенные в качестве содержимого коробок. Кроме того, в рассказах о потерянных детях и об индейцах Алачереи упоминаются исторические факты, персоналии и события, культурные реалии, факты о языках коренных народов; в тексте присутствуют цитаты (эпиграфы) и вкрапления на испанском языке (шутка, песня), конституирующие дискурс мексиканской истории и культуры.

В раскрытии темы потерянных детей важную роль играет дискурс СМИ, представленный в произведении визуальными и псевдо-аудиальными компонентами. Рассмотрим отдельно каждый вид.

Визуальные компоненты, акцентирующие поликодовую и мультимодальную природу литературного материала, являются интекстами, проекциями на плоскости текста иного дискурса, в данном случае дискурса СМИ. Вырезанные из газет фотографии и заметки представляют собой случай двойного кодирования: изображение (фото) есть визуальный компонент статьи, копия которой служит визуальным компонентом романа (см. рис. 3). Взаимодействие элементов гибридных текстов может рассматриваться как «действие когнитивных механизмов концептуальной интеграции», результатом которой становится порождение новых смыслов¹. Читатель, разбирая архив рассказчицы, не только глубже погружается в изучаемую ею тему, но и проходит ее путь поиска собственного голоса, направление которого задается как извне, благодаря происходящим в стране событиями, так и изнутри, с помощью

¹ Волоскович А. М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2012. С. 1.

формирующих ее мировоззрение параллельных текстов, оказывающихся в сфере пересечения иммигрантского дискурса с другими, в том числе дискурсом СМИ.

Псевдоаудиальные компоненты (радионовости), которые слушают в машине герои произведения, читателем воспринимаются как своего рода скрипт. Они присутствуют в виде инородных вкраплений, так как принадлежат к другому функциональному стилю – публицистическому – и выделяются на общем фоне художественного стиля.

Сильный воздействующий эффект производится благодаря стилистическому контрасту: объективное, рациональное, экспликативное представление фактов в интекстах, относящихся к официально-деловому стилю (отчетов о смерти мигрантов), и эмоциональное, образное, нарративное изображение в принимающем тексте художественного стиля, а также в интекстах публицистического стиля, фактологически нагруженных и эмоционально заряженных, одновременно соотносимых и с иммигрантским дискурсом, и с дискурсом СМИ.

В произведении имеются интексты, являющиеся реализацией интердискурсивности. Они «бесшовно» вводятся автором в текст, например, радионовости: “Whenever I can find news about the situation at the border, I raise the volume and we all listen: **hundreds of children** arriving alone, every day, thousands every week. The broadcasters are calling it an **immigration crisis**”¹.

Другим примером может служить ситуация, когда репортер в центре временного содержания нелегальных иммигрантов берет интервью у мальчика лет десяти, который потерял младшего брата, сорвавшегося с крыши товарного поезда. Рассказчица выключает радио, не дослушав беседу, так как на нее накатывает дурнота: “I feel a dull, deep nausea—a physical reaction to the boy’s story and his voice, but also to the way that news coverage exploits sadness and desperation to give us its representation: tragedy”².

Ряд интекстов вводится в виде цитат из статей и научных трудов. В качестве иллюстрации приведем выдержки из статьи “Children at the Border” в “New York Times”, написанной в форме интервью, отрывки из которого цитирует рассказчица, критически анализируя позицию автора, транслирующего официальную политику страны. В конце она замечает: “No one is asking: Why did they flee their homes?”³

Еще часть интекстов представлена в виде содержимого коробок, которые семья взяла в дорогу. Этот багаж пронумерован, большая его часть принадлежит родителям, у детей же всего по одной коробке. В нем находятся книги, записные книжки, архивы, включающие вырезки из газет, переписанные или перепечатанные выдержки из книг, карты, копии документов и т. п. Содержимое коробок представляет собой архив потерянных детей, детей-иммигрантов у рассказчицы; индейцев, детей природы – у ее супруга и является своего рода физическим воплощением феномена интердискурсивности, поскольку все наличествующие тексты хоть и относятся к разным дискурсам, но в целом представляют собой единое смысловое образование.

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 38.

² Там же. P. 65.

³ Там же. P. 62.

Кроме того, можно утверждать, что при знакомстве читателя с содержимым коробок к восприятию подключается опосредованно кинетическая модальность, он словно перебирает вырезки и фотографии, рассматривает, раскладывает, ощущает их материальность, бытийность.

Под влиянием изученных источников повествование рассказчицы временами приобретает черты публицистического стиля: она озвучивает беспощадные факты и цифры, раскрывающие масштабы кризиса, при этом эмоционально выражает субъективную оценку происходящего: “More than eighty thousand undocumented children from Mexico and the Northern Triangle, but mostly from the latter, had been detained at the US southern border in just the previous six or seven months. <...> They weren’t looking for the American Dream, as the narrative usually goes. The children were merely looking for a way out of their daily nightmare”¹.

Главная героиня проходит сложный путь поиска через растерянность и разочарование в прежних методах документирования. Теперь оно представляется лишь как способ добавить еще один слой ко всему, что уже и так отложилось в коллективном понимании мира, к интуитивному ощущению верного направления поисков, цель которых отнюдь не документировать приграничный кризис и не формировать общественное мнение в какую-либо сторону. Рассказчица осознала: “The story I need to document is not that of the children in immigration courts, as I once thought. <...> I am still not sure how I’ll do it, but the story I need to tell is the one of the children who are missing, those whose voices can no longer be heard because they are, possibly forever, lost”².

Выводы

На первый взгляд финал романа кажется пессимистичным. Героиня не смогла помочь детям знакомой иммигрантки. Эта неудача, приведшая к страшной трагедии, по словам мальчика, их всех вдребезги разбила, и особенно тяжело ее переживала мама. Неизвестно, сможет ли она оправиться после поражения и продолжать поиски, или ее же дело продолжит мальчик, который, как ей верится, все понял куда лучше остальных: “He’d listened to things, looked at them—really looked, focused, pondered – and little by little, his mind had arranged all the chaos around us into a world”³. Ребенок добровольно принимает на себя роли отца и приемной матери – документатора и документалиста – и, вооруженный фотоаппаратом и диктофоном, найдет, а, вероятно, уже нашел свой способ понимать пространство, чтобы меньше ощущать потерянность во времени, суть которого он поясняет девочке: “I decided to be both a documentarian and a documentarist – so you could get at least two versions of everything and know things in different ways, which is always better than just one way”⁴. Таким образом, мальчик вновь повторяет мысль о том, что наше восприятие действительности

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 21.

² Там же. P. 122.

³ Там же. P. 153.

⁴ Там же. P. 270.

мультимодально, а значит, таковыми должны быть и способы отражения реальности в гибридных текстах.

Список литературы / References

Анисимова Е. Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. Москва: Академия, 2003. 128 с.

Anisimova E. E. *Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)*. Moscow: Academia, 2003. 128 p. (in Russ.)

Волоскович А. М. *Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Москва: [б.и.], 2012. 26 с. EDN: OPVCIH

Voloskovich A. M. *Cognitive and semiotic aspects of multimodal interaction within a verbal text: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Moscow, 2012. 26 p. (in Russ.) EDN: OPVCIH

Загидуллина М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2019, № 1 (31), с. 181–188. EDN: GBSWKL

Zagidullina M. V. Multimodality: to the question of terminological definition. *Sign: Problematic field of media education*, 2019, no. 1 (31), pp. 181–188. (in Russ.) EDN: GBSWKL

Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинная И. В. *Полимодальные измерения дискурса*. Москва: ИД ЯСК, 2021. 448 с.

Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Blinnikova I. V. *Multimodal dimensions of a discourse*. Moscow: ID IaSK, 2021. 448 p. (in Russ.)

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика. *Когнитивные исследования*, 2010, № 4, с. 135–152. EDN: SMRPED

Kibrik A. A. Multimodal linguistics. *Cognitive studies*, 2010, no. 4, pp. 135–152. (in Russ.) EDN: SMRPED

Луиселли В. *Архив потерянных детей*. Москва: Манн, Иванов, Фербер, 2023. 480 с.
Luiselli V. *Lost children archive*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber, 2023. 480 p. (in Russ.)

Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов. *Вестник Томского государственного университета*, 2014, № 378, с. 45–48. EDN: RZCHTJ

Nekrasova E. D. On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment). *Tomsk State University Journal*, 2014, no. 378, pp. 45–48. (in Russ.) EDN: RZCHTJ

Некрасова Е. Д. Взаимозависимость модальной семантики слова и перцептивного канала предъявления информации. *Вестник Томского государственного университета*, 2016, № 402, с. 10–17. DOI: 10.17223/15617793/402/2

Nekrasova E. D. The semantics of words and a perceptive channel: the impact of sensorimotor experience on the perception of words. *Tomsk State University Journal*, 2016, no. 402, pp. 10–17. (in Russ.) DOI: 10.17223/15617793/402/2

Омельяненко В. А., Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности. *Коммуникативные исследования*, 2018, № 3, с. 66–78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78

Omelianenko V. A., Remchukova E. N. Polycode texts in the aspect of the multimodality theory. *Communication studies*, 2018, no. 3, pp. 66–78. (in Russ.) DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78

Соколова О. В. Гибридизация дискурсов: теоретические основания и типы междискурсивного взаимодействия. *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография*. Москва: Культурная революция, 2016, с. 308–333. EDN: XALGXL

Sokolova O. V. Hybrid discourses: theoretical foundations and types of interdiscursive interaction. *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles and technologies*. Moscow, 2016, pp. 308–333. (in Russ.) EDN: XALGXL

Чернявская В. Е. *Текст в медиальном пространстве*. Москва: URSS, 2013. 232 с. EDN: VMZEKH

Cherniavskaia V. E. *Text in media studies*. Moscow: URSS, 2013. 232 p. (in Russ.) EDN: VMZEKH

Bruhn J., Schirrmacher B. *Intermedial Studies. An Introduction to Meaning Across Media*. New York: Routledge, 2022. 343 p. DOI:10.4324/9781003174288

Luiselli V. *Lost Children Archive*. New York: Alfred A. Knopf, 2019. 417 p.

Сведения об авторе

Яна Станиславовна Гончарова – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>, yana.kovrizhina@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Iana S. Goncharova** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>, yana.kovrizhina@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 03.05.2025; Approved after reviewing 06.06.2025; Accepted for publication 10.09.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 45–55.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 45–55.

Научная статья
УДК 82-1/-29
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-4>
<https://elibrary.ru/byqvkr>

Живопись в поэзии И. Бродского: интертекстуальный аспект

Людмила Викторовна Гурленова^{1✉}, Дарья Михайловна Смирнова²
^{1,2}Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
^{1✉}gurlenovalv@syktsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7644>
²virus_brain@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3591-1894>

Аннотация. Поэзия И. Бродского пронизана отсылками к произведениям других видов мирового искусства, в том числе живописи. В статье анализируются способы расширения смысловой содержательности поэтического текста с помощью предметной образности произведения живописи. Материал исследования – стихотворения «Иллюстрация» (Л. Кранач. «Венера с яблоками») и «На выставке Карла Вейлинка», используется метод интертекстуального анализа. Выявляются планы взаимодействия стихотворений с претекстами из живописи (искусствоведческий, религиозно-мифологический), ракурсы осмысления материала (философский, биографический), смысловой центр – философская, этическая и эстетическая проблематика.

Ключевые слова: И. Бродский, интертекстуальность, поэзия, живопись, автобиографичность, философские мотивы

Для цитирования: Гурленова Л. В., Смирнова Д. М. Живопись в поэзии И. Бродского: интертекстуальный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 45–55. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-4>; EDN: BYQVKP

Painting in the poetry of J. Brodsky: intertextual aspect

Ludmila V. Gurlenova^{1✉}, Darya M. Smirnova²
^{1,2}Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia
^{1✉}gurlenovalv@syktsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7644>
²virus_brain@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3591-1894>

Abstract. The poetry of J. Brodsky is permeated with references to other types of world art, including painting. The article analyzes the ways of expanding the semantic content of a poetic text with the help of the subject imagery of an art work. The material of the study is the poems "Illustration" (L. Cranach. "Venus with Apples") and "At the Exhibition of Karl Weylink", the method of intertextual analysis is used. The authors reveal the planes of poem interaction with painting pretexts (art history, religious and mythological), perspectives of understanding the material (philosophical, biographical), and the semantic center – philosophical, ethical and aesthetic issues.

© Гурленова Л. В., Смирнова Д. М., 2025

Keywords: J. Brodsky, intertextuality, poetry, painting, autobiography, philosophical motives

For citation: Gurlenova L. V., Smirnova D. M. Painting in the poetry of J. Brodsky: intertextual aspect. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 45–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-4>; EDN: BYQVKP

Введение

Смысловую содержательность поэтических текстов И. Бродского невозможно полноценно понять без интерпретации многочисленных отсылок в них к художественным произведениям мировой культуры. Интертекстуальность его лирики порождена стремлением к созданию поэтического текста как бесконечно раздвинувшего свои смысловые границы в представлении мира, человека и культуры. Сочинения Бродского содержат обращения к русскому фольклору, древнерусской литературе (например, к «Слову о полку Игореве»), классической русской поэзии XVIII–XX веков, к античной и зарубежной литературе, к произведениям других видов искусства – музыке, архитектуре, живописи, кинематографу (отсылки не только к западным, но и советским фильмам, например, к «Андрею Рублеву» А. Тарковского) и т. д.

На задачу исследования интертекстуальности поэзии Бродского откликнулись авторитетные специалисты, занимающиеся изучением творчества поэта и лично знакомые с ним, что придает особую достоверность их наблюдениям и выводам: А. Лосев¹, М. Крепс², А. М. Ранчин³, В. Полухина⁴, представители следующего поколения – Д. Ахапкин⁵, Е. Петрушанская⁶, О. В. Богданова, Е. А. Власова⁷, др. Среди указанных исследований вопрос об интертекстуальности поэзии И. Бродского наиболее системно и широко представлен в монографии А. Ранчина. Экфрасисы Бродского, содержащие «осмысление любовной драмы как вех духовного становления поэта»⁸, анализирует Т. Е. Автухович, в этом же ракурсе исследует визуальную поэтику в эссе Бродского О. А. Бознак⁹. Названные труды составили методологическую основу

¹ Лосев А. «Ниоткуда с любовью...». Заметки о стихах Иосифа Бродского // *Континент*. 1977. № 14. С. 307–331.

² Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor: Ardis, 1984. 290 с.

³ Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины...»: Интертексты И. Бродского. Москва: НЛЮ, 2001. 464 с.

⁴ Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Санкт-Петербург: Звезда, 1997. 336 с.

⁵ Ахапкин Д. Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной. Москва: АСТ, 2021. 288 с.; Ахапкин Д. Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского (1972–1995). Санкт-Петербург: Звезда, 2009. 132 с.

⁶ Петрушанская Е. Музыкальный мир Иосифа Бродского. Санкт-Петербург: Звезда, 2004. 352 с.

⁷ Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 174 с.

⁸ Автухович Т. Е. Экфрасисы И. Бродского как метафорическая метафизика любви // И. А. Бродский: pro et contra, антология. Санкт-Петербург: РХГА, 2022. С. 760.

⁹ Бознак О. А. Визуальная поэтика в эссе Иосифа Бродского о поэзии Осипа Мандельштама // *Человек. Культура. Образование*. 2025. № 2 (56). С. 10–30.

настоящей статьи. Л. В. Гурленовой и Д. М. Смирновой принадлежит также подробный обзор исследований поэзии И. Бродского в аспекте интертекстуальности¹.

Интертекстуальные связи возникают не только между текстами художественной литературы, но и между произведениями разных видов искусства. Эта форма межтекстовых связей отражена в определении интертекстуальности, которое дается в монографии Б. Н. Головки: интертекстуальность – «это особое свойство, качество, проявляющееся при включении в текстовый массив как фрагментов прочих словесных текстов, так и элементов иных невербальных семиотических систем»².

Обращение к творчеству художников в поэзии И. Бродского встречается реже, чем, например, к музыкальным или архитектурным произведениям. Тем интереснее обратить внимание на тексты, связанные с картинами. Наша цель – проанализировать стихотворения И. Бродского, содержащие отсылки к произведениям живописи. Это поможет раскрыть новые смыслы его поэзии.

Материалы и методы

Материалом исследования стали стихотворения с отсылками к живописи – «Иллюстрация. Л. Кранах. “Венера с яблоками”» (1964) и «На выставке Карла Вейлинка» (1985). Выбор данных текстов из группы стихотворений И. Бродского, обращенных к творчеству художников, обусловлен наличием в них разных форм интертекстуальных связей, анализ которых позволит уточнить своеобразие художественных практик поэта. Основным методом исследования – интертекстуальный, также используются элементы биографического, сравнительного и герменевтического методов.

Основная часть

«Иллюстрация. Л. Кранах. “Венера с яблоками”»³. В заглавии стихотворения включено название картины, которую интерпретирует поэт, изменив ее название. На самом деле полотно, принадлежащее кисти Лукаса Кранаха Старшего, называется **«Мадонна с Младенцем под яблоней»** (1520–1530).

Меняя имя героини картины, поэт уходит от христианского подтекста в пользу античной мифологии. Замещение контекста не случайно, так как оно, во-первых, позволяет И. Бродскому преобразовать тон повествования. Христианские мотивы в его поэзии имеют, как правило, смысл, исключающий иронию. Это видно в других стихотворениях с религиозной тематикой этого периода: «Прошел сквозь монастырский сад...» (1962), «Рождество 1963 года», «Исаак и Авраам» (1963), «1 января 1965 (“Волхвы забудут адрес твой...”))» и др. В них отсутствует ирония, в том числе в параллелях с личной жизнью поэта. Напротив, стихотворения с отсылками к античности могут содержать насмешку, нередко горькую (например, «Одиссей Телемаку»),

¹ Гурленова Л. В., Смирнова Д. М. Поэзия И. Бродского в контексте мировой культуры (интертекстуальный аспект) // Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога / под редакцией Л. В. Гурленовой. Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Соколина, 2023. С. 172–200.

² Головка Б. Н. Интертекст в массмедийном дискурсе. Москва: Либроком, 2011. С. 11.

³ Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. Т. 2. / под редакцией Я. А. Гордина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998. С. 26. Далее текст стихотворения цитируется по указанному изданию.

иронически окрашенные биографические параллели («Я как Улисс»). Во-вторых, античный контекст позволяет связать стихотворение с более ранней и влиятельной культурой и вывести круг заданных проблем на некий общечеловеческий уровень. В-третьих, мифологический ракурс предоставляет возможность изменять и дополнять сюжет, создавать на основе древних образцов авторский миф, что в XX веке получило широкое развитие и отразилось в понятии неомифологизма. В названном стихотворении использован такой прием изменения текста, как его дописывание (по классификации Н. Фатеевой¹; Т. Е. Автухович называет его «пересозданием» или «индивидуально-творческим перекомбинированием»²), что с религиозной литературой сделать сложнее.

Из всех богинь, которые есть в античном пантеоне, И. Бродский выбирает именно Венеру – покровительницу любви, страсти и плодородия. Сложно провести аналогию между христианской Мадонной и античными небожительницами, но по влиянию и сыгранной в мифе роли, пожалуй, ближе окажется Гера/Юнона (покровительница брака, родов, женщин). Однако такая параллель также ограничивает поэта в избранном тоне повествования: о подобных героинях сложно говорить с иронией. Венера прежде всего покровительница любви, она в то же время мать (Энея) и связана с темой материнства, однако этот мотив является второстепенным. Образ Венеры не противоречит героине, изображенной на картине: она держит на руках ребенка – плод любви – и сидит под плодоносящим деревом – яблоней. Миф о яблоке раздора связан с Афродитой, греческой версией Венеры. Скорее всего, замена образа Мадонны образом Венеры сопряжена с любовными переживаниями поэта: в его жизни происходит разрыв отношений с М. Басмановой.

По свидетельству В. Горбаневской, для И. Бродского параллель Венера – М. Басманова была очевидной: «...плакался он мне (слово “плакался” — не преувеличение) в январе 64-го года, когда друг-поэт увел у него Марину Басманову. Я только что впервые попала в немецкие залы Эрмитажа (обычно закрытые, потому что не хватало зрителей) и сказала, что крахановская Венера напомнила мне Марину. – Я всегда говорил ей, – воскликнул Иосиф, – “ты – радость Кранаха”»³.

Заглавие настраивает читателя на то, что названное в нем произведение искусства будет восприниматься именно как картина, потому что указаны автор и название, а роль поэта должна реализоваться в комментировании изображения. Но слово «иллюстрация» дает другой ключ прочтения. Иллюстрация – изображение, сопровождающее и поясняющее вербальный текст. В качестве исходного материала в стихотворении предстает картина Л. Кранаха, а в качестве его иллюстрации – ее измененный поэтом вариант, предлагающий сугубо авторское прочтение. «Иллюстратор» изменяет акценты деталей картины, создает другую художественную реальность заявленных живописцем сюжета и образа, ставя ее в параллель своим личным пере-

¹ Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Москва: КомКнига, 2007. С. 145.

² Автухович Т. Е. Экфрасис как гиперриторика/метапоэтика // Челябинский гуманитарий. 2023. № 2 (63). С. 11.

³ Горбаневская Н. По улице Бродского // Русская мысль. 1996. № 4111. 1–7 февраля. С. 16.

живаниям. Рассмотрим подробнее, как лирический герой («иллюстратор») воспринимает и изменяет изображенный Кранахом мир.

Лирический герой превращает волосы Венеры в лисью накидку на ее плечах, выражение лица описывает хитрым, включает в картину образ лисы, размещая ее на холме дальнего плана картины. Этим рядом переключек он характеризует женскую натуру как воплощение лисьей хитрости и коварства. Бродский экономно использует художественные средства, концентрируя вносимые изменения на символическом образе лисы. В результате в восприятии Венеры лирическим героем фокусируются качества личности (хитрость и коварство), которые не могли бы встретиться в облике Мадонны, зато свойственны многим героям античной мифологии. Созданный сниженный образ богини любви создает психологическую параллель с личными переживаниями, связанными с драматическим развитием отношений с М. Басмановой, осложненными ее изменой. Образ Венеры помогает понять характер переживаемого лирическим (автобиографическим) героем романтического чувства: возвышенная любовь, которая могла быть связана с образом Мадонны, оборачивается коварством и обманом, герой воспринимает это как катастрофу и сломанную судьбу.

Далее лирический герой создает историю, дополняющую образ Венеры. Он размещает на заднем плане, где в картине Л. Кранаха находится роща, некий охотничий сюжет – бог охоты убивает вепря стрелой из лука. При этом известно, что и в греческой, и в римской мифологии с охотой ассоциируются, как правило, богини (Артемиды и Диана соответственно). Однако поскольку главной темой стихотворения является обманутая любовь, то введенный сюжетный мотив может быть прочитан как сублимируемая в мифологической форме потребность лирического героя в наказании противника. В этом случае лирический герой ассоциируется с богом-охотником, которым может быть Аполлон: известна статуя Аполлона Бельведерского, стреляющего из лука. Эта ассоциация тем более могла быть важна Бродскому, что Аполлон считается также покровителем искусств. Многозначность этого образа позволила Бродскому актуализировать ценные для него смыслы. Соответственно, его противник ассоциировался с жестоким вепрем.

Автор использует прием дописывания чужого текста, однако применительно к произведению живописи его можно назвать созданием варианта картины, которое как бы накладывается поверх уже имеющегося холста. Композиция в целом сохраняется, вводится новый эмоциональный регистр, и добавляется ряд содержательных элементов.

Один из центральных образов картины – яблоня, под которой Венера сидит с младенцем. Лирический герой сообщает читателю, что на дереве пятнадцать яблок. Это число кажется избыточным, поскольку не содержит никакой эксплицирующей картину информации. Его нельзя назвать символическим для античной культуры, и все же И. Бродский упоминает эту деталь в своем тексте. Смысл ее становится понятным, если вспомнить христианский контекст картины и то, что на ней Кранах изобразил Мадонну. Есть основания считать это число указанием на возраст, в котором, по некоторым источникам, Мария родила Иисуса Христа. Может быть, это также связано с легендой о том, что, когда Богородицу в юном возрасте вводили во храм, лестница, по которой она поднималась, имела пятнадцать ступеней.

Поэт находит для расположения лирического героя особое место, дающее ему возможность не только рассматривать картину со стороны, но и находиться в ее пространстве: он стоит не прямо перед картиной, а сбоку от матери с ребенком, сидящими под яблоней, и именно это создает ощущение расположения его внутри полотна. Представляется, что такой прием использован по образцу картины Кранаха, в которой мать с младенцем находятся не только внутри картины, но и как бы преодолевают ее границы и выходят во внешний мир: отстраненно от человека они смотрят из прошлого в настоящее. Это подчеркнуто выражением взгляда ребенка; лирический герой замечает: «как бы мимо меня ребенок смотрит вперед». Данный мотив в картине оказался провидческим: с сыном, который родился позднее, отношения у И. Бродского не сложились, приняли форму противостояния. Позже сюжет драматических отношений отца и сына находит отражение в судьбе Одиссея и Телемака («Итака», 1993¹).

Взгляд героя больше направлен скорее на Венеру, чем на младенца. Это смещение фокуса на героиню картины можно объяснить личными переживаниями поэта: в образе богини любви он не может не видеть связи со своей возлюбленной, с которой в этот период происходит болезненный разрыв. Отсюда – мотивы хитрости богини, горькое понимание того, что ни она, ни ее ребенок не смотрят в ответ.

Таким образом, классическая тема, заявленная Л. Кранахом в картине «Мадонна с Младенцем под яблоней», переносится Бродским в мифологический контекст с изменением имени и роли главной героини, расширяется за счет включенного сюжета охоты бога на вепря и принимает вид драматического действия, передающего глубокое страдание и уязвленное чувство любви лирического героя. Произведение живописи в стихотворении выполняет роль связующего звена между сюжетом мировой культуры и личной историей.

«На выставке Карла Вейлинка». Второе стихотворение, в заглавии которого обозначается связь с живописью, – «На выставке Карла Вейлинка» (традиционно его фамилию передают как Виллинк). Это голландский художник, не получивший профессионального образования; представитель мистического реализма (термин достаточно условный, но вошел в историю искусства), экспериментировавший позже в различных стилях и направлениях. На сайте музея Анны Ахматовой есть информация о том, что Иосиф Бродский летом 1985 года был в Амстердаме, где познакомился с картинами Виллинка и написал стихотворение «На выставке Карла Вейлинка». Г. Новиков сообщает о фильме, снятом им об отношениях Бродского и Виллинка: «В основе картины – рассказ трех голландцев, непосредственных участников этих событий: Ады Струве, которой было посвящено стихотворение, Кейса Верхейла, писа-

¹ См. об этом: Гурленова Л. В., Смирнова Д. М. Об интертекстуальности поэзии И. Бродского: зарубежные претексты лирики поэта // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). URL: <https://research-journal.org/archive/12-150-2024-december/10.60797/IRJ.2024.150.164> (дата обращения: 03.06.2025).

теля, переводчика, слависта, и скульптора Сильвии Виллинк, создавшей бюст Бродского»¹; последний находится в Музее Анны Ахматовой.

Приведенные сведения подтверждают, что обращение Бродского к творчеству Виллинк было обусловлено глубоким интересом русского поэта к художественному миру живописца и, вероятно, осознаваемой близостью их мировоззрений.

В стихотворении нет описания конкретных картин, которые были созданы художником: лирический герой пытается понять возможности восприятия мира, которые открывает такая живописная манера.

Он, во-первых, называет полотно Виллинк автопортретом: «Что, в сущности, и есть автопортрет. / Шаг в сторону от собственного тела, / <...> / вид издали на жизнь, что пролетела»². Это близко самому Бродскому, так как автобиографичность составляет нерв его поэзии.

Во-вторых, из полотен художника он вычленяет философские категории, отражающие мировоззренческие опоры картины мира Виллинк и во многом самого Бродского. Прежде всего это категории пространства и времени.

Первое предстает преимущественно как конкретная местность – пейзаж или его отдельные части (заросли, тропа, лужа, хранящая отраженья, северная местность, тропики, др.). Природные элементы относятся к разным географическим пространствам и создают обобщенный образ земли, но их разрозненность придает полотну трагические интонации, вызывает ощущение непрочности, абсурдности мира («яичница, увидевшая скорлупу снаружи»³). Даже любовь («улегшаяся буря крепдешина») представляется абсурдной и включается в картину отчаяния и конца. Пространство имеет перспективу, но она реализуется как метаморфоза тоннеля. Ощущение ограничения, сужения и несвободы создается и другими художественными средствами: есть, например, мотив заключения видимого в рамку с преобразованием его то ли в фотографию, то ли в эскиз рисунка, то есть в застывшее изображение. Время разворачивается прежде всего как будущее и прошлое (именно в такой последовательности), будущее – фон раскаяния, прошлое – предел отчаяния. Выбранный ракурс представляет мир непостижимым, отстраненным от человека, нерасположенным к нему, но иррационально притягательным. Человек в этой модели позиционируется как странник, который должен обладать мужеством, чтобы пройти свой путь осознания жизни. Такой странник – прежде всего поэт; стихотворение завершается формулой его мастерства: «Вот это и зовется «мастерство»: / способность не страшиться процедуры / небытия – как формы своего / отсутствия, списав его с натуры»⁴.

В разных вариантах в стихотворении возникают понятия живого – неживого, замершего (изображение, замещающее живое), небытия; конечного – бесконечного,

¹ Новиков Г. Виллинк и немного больше // Музей А. Ахматовой в Фонтанном доме (сайт). URL: <https://www.akhmatova.spb.ru/tpost/h9tomnafl1-villink-i-nemnogo-bolshe> (дата обращения: 01.07.2025).

² Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. Т. 3 / под редакцией Я. А. Гордина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998. С. 292.

³ Там же. С. 290.

⁴ Там же. С. 292.

применяемого к разным, подчас несводимым явлениям; свободы – несвободы. Вводятся нравственные понятия (раскаяние, любовь, презрение), обозначение эмоциональных состояний, связанных с бытийностью (нечувствительность, отчаяние, др.), большая группа искусствоведческих понятий и терминов: пейзаж (городской, ландшафтный, культурный, город-сад), натюрморт, автопортрет, музыкальные и театральные термины. Исследование данного материала – задача следующей статьи.

Таким образом, на первом плане в стихотворении «На выставке Карла Вейлинка» находится не характеристика творчества художника, а вызванные его полотнами размышления И. Бродского о том, каково устройство мира и положение в нем человека, в чем состоит предназначение творца. Это, по сути, философский трактат, написанный в лирической форме. Говоря о парадоксальности, непостижимости для человека жизни, Бродский придает художнику/поэту роль самоотверженного исследователя бытия. По мнению поэта, творчество помогает запечатлеть самый главный человеческий парадокс – парадокс смерти как конца не только существования, но и любви и других не до конца познаваемых человеком оснований жизни.

Выводы

Анализ двух стихотворений И. Бродского, являющихся откликом на полотна Л. Кранаха Старшего и К. Виллинка, позволяет сделать вывод о разнообразии приемов, применяемых поэтом для постижения художественного мира живописцев.

Характеризуя прием, который используется в стихотворении «Иллюстрация...», мы могли бы назвать его дописыванием текста, но в данном случае более точной представляется другая техника, используемая в изобразительном искусстве, – создание варианта картины, который как бы прописывается поверх уже имеющегося холста. Фабула из библейского контекста переносится в мифологический, включается новый эмоциональный регистр и добавляются содержательные элементы; главная цель подобных изменений – использование сюжета для передачи событий личной биографии и глубокого душевного переживания. Эпизод, запечатленный в мировой культуре, позволяет показать личную любовную драму как вечный мотив и поставить вопросы философского характера.

Стихотворение «На выставке Карла Вейлинка» можно назвать философским трактатом, написанным в лирической форме. Основу его составляет художественное пространство, реализующееся в форме метаморфоз: например, пространственная перспектива, реализованная в образе тоннеля, мотив перевоплощения живого в застылое, что создает абсурдный, непрочный мир, картину отчаяния и конца. Время конструируется как будущее и прошлое, предлагая формулу выживания лирического героя: прошлое предстает временем отчаяния, будущее – раскаяния. Особая роль придается поэту/художнику как открывателю трагических парадоксов жизни.

Список литературы / References

Автухович Т. Е. Экфрасис как гиперриторика/метапоэтика. *Челябинский гуманитарий*, 2023, № 2 (63), с. 7–14.

Avtukhovich T. E. Ekphrasis as hyper rhetoric/metapoetics. *Chelyabinsk Humanitarian Journal*, 2023, no. 2 (63), pp. 7–14 (In Russ.)

Автухович Т. Е. Экфрасисы И. Бродского как метафорическая метафизика любви. *И. А. Бродский: pro et contra, антология*. Санкт-Петербург: РХГА, 2022, с. 758–773.

Avtukhovich T. E. Ekphrasis by J. Brodsky as a metaphorical metaphysics of love. *J. A. Brodsky: Pro et Contra, anthology*. St Petersburg: RHGA, 2022, pp. 758–773 (In Russ.)

Ахапкин Д. *Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной*. Москва, АСТ, 2021. 288 с.

Akhapkin D. *Joseph Brodsky and Anna Akhmatova. In the deaf-mute universe*. Moscow: AST, 2021. 288 p. (In Russ.)

Ахапкин Д. *Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского (1972–1995)*. Санкт-Петербург: Звезда, 2009. 132 с.

Akhapkin D. *Joseph Brodsky after Russia. Comments on the poems of J. Brodsky (1972–1995)*. St Petersburg: Zvezda, 2009. 132 p. (In Russ.)

Богданова О. В., Власова Е. А. *Поэтические миры Иосифа Бродского*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 174 с.

Bogdanova O. V., Vlasova E. A. *Poetic worlds of Joseph Brodsky*. St Petersburg: Aleteia, 2022. 174 p. (In Russ.)

Бознак О. А. Визуальная поэтика в эссе Иосифа Бродского о поэзии Осипа Мандельштама. *Человек. Культура. Образование*, 2025, № 2 (56), с. 10–30.

Boznak O. A. Visual poetics in Joseph Brodsky's essay on the poetry of Osip Mandelstam. *Human. Culture. Education*, 2025, no. 2 (56), pp. 10–30 (In Russ.)

Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. Т. 2, под редакцией Я. А. Гордина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998. 435 с.

Brodsky J. A. Works: in 7 volumes, vol. 2, ed. by Ya. A. Gordin. St Petersburg: Pushkinskii fond, 1998. 435 p. (In Russ.)

Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. Т. 3, под редакцией Я. А. Гордина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998. 309 с.

Brodsky J. A. Works: in 7 volumes, vol. 3, ed. by Ya. A. Gordin. St Petersburg: Pushkinskii fond, 1998. 309 p. (In Russ.)

Головкин Б. Н. *Интертекст в массмедийном дискурсе*. Москва: Librokom, 2011. 264 с.

Golovko B. N. *Intertext in mass media discourse*. Moscow: Librokom, 2011. 264 p. (In Russ.)

Горбаневская Н. По улице Бродского. *Русская мысль*, 1996, № 4111, 1–7 февраля, с. 16.

Gorbanevskaia N. Along Brodsky street. *Russian thought*, 1996, no. 4111, 1–7 February, p. 16. (In Russ.)

Гурленова Л. В., Смирнова Д. М. Об интертекстуальности поэзии И. Бродского: зарубежные претексты лирики поэта. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2024, № 12 (150). URL: <https://research-journal.org/archive/12-150-2024-december/10.60797/IRJ.2024.150.164> (дата обращения: 03.06.2025).

Gurlenova L.V., Smirnova D. V. On the intertextuality of J. Brodsky's poetry: foreign pretexts of the poet's lyrics. *International Research Journal*, 2024, no. 12 (150). Available at: <https://research-journal.org/archive/12-150-2024-decem-ber/10.60797/IRJ.2024.150.164> (accessed: 03.06.2025). (In Russ.)

Гурленова Л. В., Смирнова Д. М. Поэзия И. Бродского в контексте мировой культуры (интертекстуальный аспект). *Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога*, под редакцией Л. В. Гурленовой. Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2023, с. 172–200.

Gurlenova L.V., Smirnova D. V. J. Brodsky's poetry in the context of world culture (intertextual aspect). *Semiosis and culture: strategies and practices of intercultural dialogue*, ed. by L. V. Gurlenova. Syktyvkar: Izdatel'stvo SGU im. Pitirima Sorokina, 2023, pp. 172–200. (In Russ.)

Крепс М. *О поэзии Иосифа Бродского*. Ann Arbor: Ardis, 1984. 290 с.

Kreps M. *About the poetry of Joseph Brodsky*. Ann Arbor: Ardis, 1984. 290 p. (In Russ.)

Лосев А. «Ниоткуда с любовью...». Заметки о стихах Иосифа Бродского. *Континент*, 1977, № 14, с. 307–331.

Losev A. "From nowhere with love..." Notes on the poems of Joseph Brodsky. *Kontinent*, 1977, no. 14, pp. 307–331. (In Russ.)

Новиков Г. Виллинк и немного больше. Сайт Музея А. Ахматовой в Фонтанном доме. URL: <https://www.akhmatova.spb.ru/tpost/h9tomnaf11-villink-i-nemnogo-bolshe> (дата обращения: 01.07.2025).

Novikov G. Willink and a little more. *The site of the A. Akhmatova Museum in the Fountain House*. Available at: <https://www.akhmatova.spb.ru/tpost/h9tomnaf11-villink-i-nemnogo-bolshe> (accessed: 01.07.2025). (In Russ.)

Петрушанская Е. *Музыкальный мир Иосифа Бродского*. Санкт-Петербург: Звезда, 2004. 352 с.

Petrushanskaia E. *The musical world of Joseph Brodsky*. St Petersburg: Zvezda, 2004, 352 p. (In Russ.)

Полухина В. *Иосиф Бродский глазами современников*. Санкт-Петербург: Звезда, 1997. 336 с.

Poluhina V. *Joseph Brodsky through the eyes of his contemporaries*. St Petersburg: Zvezda, 1997. 336 p. (In Russ.)

Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины...»: Интертексты И. Бродского. Москва: НЛО, 2001. 464 с.

Ranchin A. M. "At the Feast of Mnemosyne...": *Brodsky's Intertexts*. Moscow: NLO, 2001. 464 p. (In Russ.)

Фатеева Н. А. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. Москва: КомКнига, 2007. 280 с.

Fateeva N. A. *Intertext in the world of texts: The counterpoint of intertextuality*. Moscow: KomKniga, 2007. 280 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Людмила Викторовна Гурленова – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0003-1216-7644>, gurlenovalv@syktsu.ru, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (д. 55, Октябрьский пр., 167001 Сыктывкар, Республика Коми, Россия); **Ludmila V. Gurlenova** – Doctor of Philological Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-1216-7644>, gurlenovalv@syktsu.ru, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky pr., 167001 Syktyvkar, Komi Republic, Russia)

Дарья Михайловна Смирнова – преподаватель; <https://orcid.org/0000-0003-3591-1894>, virus_brain@mail.ru, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (д. 55, Октябрьский пр., 167001 Сыктывкар, Республика Коми, Россия); **Darya M. Smirnova** – Lecturer; <https://orcid.org/0000-0003-3591-1894>, virus_brain@mail.ru, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky pr., 167001 Syktyvkar, Komi Republic, Russia)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted 25.07.2025; Approved after reviewing 29.10.2025; Accepted for publication 12.11.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 56–67.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 56–67

Научная статья

УДК 81-112.2

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-5>

<https://elibrary.ru/kwdeei>

Выявление базовой лексики русского литературного языка методом анализа хронологических срезов повествовательных текстов

Сергей Алексеевич Ермаков

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова,
Воронеж, Россия

sergey-ermakov.1811@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7557-475X>

Аннотация. Представленная научная статья посвящена выявлению базовой лексики русского литературного языка посредством анализа хронологических срезов повествовательных текстов. Нарратив, как древнейший и универсальный формат литературного творчества, выбран для апробации конкретных методов и инструментов, используемых для изучения системной иерархии лексической системы русского языка. В результате исследования выделена базовая лексика, демонстрирующая стабильность лексического ядра языка. Определены ключевые семантические сферы, охватываемые данной лексикой, подчеркивающие ее универсальность и значимость в коммуникации. Проанализировано влияние социальных и технологических изменений на лексическую систему. Обоснована роль анахронизмов как индикаторов эволюции социальных, политических и культурных аспектов, отражающихся в языковых трансформациях.

Ключевые слова: лексикология, хронологический срез лексики, лемма, ядро, периферия

Для цитирования: *Ермаков С. А.* Выявление базовой лексики русского литературного языка методом анализа хронологических срезов повествовательных текстов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 56–67. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-5>; EDN: KWDEEI

Identification of the basic vocabulary of the Russian literary language by analyzing chronological sections of narrative texts

Sergey A. Ermakov

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov,
Voronezh, Russia

sergey-ermakov.1811@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7557-475X>

Abstract. The presented scientific article focuses on the identification of the basic vocabulary of the Russian literary language through the analysis of chronological sections of narrative texts. The research material uses narrative, chosen as a universal form of literary creativity, which allows us to test methods and tools for studying the hierarchy of the lexical system. As a result of the study, the

basic vocabulary was identified, demonstrating the stability of the lexical core of the language. The key semantic areas covered by this vocabulary are identified, emphasizing its universality and importance in communication. The author analyses the influence of social and technological changes on the lexical system and substantiates the role of anachronisms as indicators of the evolution of social, political and cultural aspects reflected in linguistic transformations.

Keywords: lexicology, chronological section of vocabulary, lemma, core, periphery

For citation: Ermakov S. A. Identification of the basic vocabulary of the Russian literary language by analyzing chronological sections of narrative texts. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 56–67 (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-5>; EDN: KWDEEI

Введение

В свете того, что наиболее известные и значимые работы по лексикологии русского языка (труды В. В. Виноградова¹, Ю. С. Сорокина², Ф. П. Филина³ и др.) были опубликованы в прошлом веке, можно утверждать, что назрела необходимость в исследовании истории лексической системы русского языка.

Лексическая система языка является сложным и многогранным феноменом, который отражает не только структуру самого языка, но и культурные, социальные и исторические аспекты общества.

При исследовании лексической системы языка необходимо учитывать два ключевых принципа ее организации:

– во-первых, полевой принцип «ядро – периферия», который позволяет выделить наиболее ключевые слова, составляющие ядро лексики, и менее употребляемые, находящиеся на периферии. Ядро лексики, состоящее из наиболее значимых слов, выполняет центральную роль в коммуникации, обеспечивая взаимопонимание и эффективный обмен информацией. Периферийные слова, в свою очередь, могут обогащать язык, добавляя нюансы и разнообразие, но они не являются критически важными для повседневного общения;

– во-вторых, фрактальную организацию лексической системы, принцип которой «ядро в ядре» напоминает структуру матрешки. Согласно исследованию А. А. Кретьова «Основы лексико-семантической прогностики»⁴, в норме существует около семи таких ядер, и самым малым из них являются слова с максимальной частотой употребления. Эти слова охватывают от 3 до 5 % любого текста и представляют собой основу для понимания и анализа языка. Они не только служат связующими элементами в речевом потоке, но и формируют базу для более сложных лексических структур.

¹ Виноградов В. В. История слов: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. Москва: Толк, 1994. 1138 с.

² Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 годы XIX века. Москва; Ленинград: Наука, 1965. 565 с.

³ Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. Москва: ЛКИ, 2008. 173 с.

⁴ Кретьов А. А. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 390 с.

Таким образом, для исследования процессов в лексико-семантической системе языка необходимо выявить его базовую лексику, для чего предлагается использовать метод анализа хронологических срезов лексики.

Цель работы – выявить базовую лексику русского литературного языка методом анализа хронологических срезов повествовательных текстов первой четверти XXI и XX веков.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- составить хронологические срезы лексики на основе повествовательных текстов первой четверти XXI и первой четверти XX веков (далее – словник XXI века и словник XX века);
- создать электронные конкордансы исследуемых словников и провести их лемматизацию;
- при помощи инструментария маркемологии выделить в каждом словнике минимально текстуально маркированную лексику (далее – МинТеМ-лексику);
- выявить базовую лексику и описать полученные результаты.

Составление словников

Словники XXI и XX веков были составлены путем объединения отрывков объемом от 1000 до 1500 слов, взятых из произведений русских писателей. При формировании этих словников учитывались два основных критерия: год создания литературного произведения и повествовательный стиль текста.

Словник XXI века, в который вошли 13 918 слов, включает в себя повествовательные отрывки на разнообразные темы из следующих произведений:

- 1266 слов из романа-жития «Лавр»¹ (2012);
- 1339 слов из исторического романа «Обитель»² (2014);
- 1452 слова из романа «Каменный мост»³ (2009);
- 1438 слов из романа «Ненастье»⁴ (2015);
- 1481 слово из романа «Асан»⁵ (2008);
- 1328 слов из романа «Будьте как дети»⁶ (2008);
- 1387 слов из романа «Все поправимо: Хроники частной жизни»⁷ (2006);
- 1413 слов из романа «Елтышевы»⁸ (2009);
- 1364 слова из реалистического романа «Текст»⁹ (2017);
- 1450 слов из романа «Петровы в гриппе и вокруг него»¹⁰ (2016).

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. Москва: АСТ, 2012. 448 с.

² Прилепин З. Обитель. Москва: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2014. 745 с.

³ Терехов А. М. Каменный мост. Москва: АСТ, 2021. 832 с.

⁴ Иванов А. В. Ненастье. Москва: АСТ, 2019. 640 с.

⁵ Маканин В. С. Асан. Москва: Эксмо, 2017. 218 с.

⁶ Шаров В. А. Будьте как дети. Москва: АСТ, 2017. 448 с.

⁷ Кабаков А. А. Все поправимо: Хроники частной жизни. Москва: АСТ, 2023. 603 с.

⁸ Сенчин Р. В. Елтышевы. Москва: Эксмо, 2009. 320 с.

⁹ Глуховский Д. А. Текст. Москва: АСТ, 2017. 320 с.

¹⁰ Сальников А. Б. Петровы в гриппе и вокруг него. Москва: АСТ, 2017. 411 с.

Словник XX века, состоящий из 13 822 слов, охватывает разноплановые по тематике повествовательные отрывки из следующих произведений:

- 1473 слова из романа «Сестры»¹ (1922);
- 1139 слов из повести «Гранатовый браслет»² (1910);
- 1355 слов из романа «Сашка Жегулев»³ (1911);
- 1476 слов из рассказа «Игнат»⁴ (1912);
- 1370 слов из повести «Городок Окуров»⁵ (1909);
- 1357 слов из очерковой повести «На японской войне»⁶ (1906–1907);
- 1374 слова из повести «Алые паруса»⁷ (1916–1922);
- 1358 слов из романа «Чапаев»⁸ (1923);
- 1454 слова из романа «Серебряный голубь»⁹ (1909);
- 1466 слов из рассказа «Три друга»¹⁰ (1914).

Таким образом, оба словника отражают богатство и разнообразие русской литературы XXI и XX веков.

Конкорданс и лемматизация

Компьютерная лингвистика, которая сочетает в себе элементы лингвистики, информатики и искусственного интеллекта, занимается изучением и обработкой естественного языка с помощью компьютерных технологий.

Одним из ключевых инструментов, используемых в компьютерной лингвистике, является конкорданс – «список контекстов, где искомая единица представлена в ее лексическом окружении»¹¹. Конкорданс позволяет исследовать текстовые данные, предоставляя пользователям возможность видеть слова в контексте, что особенно важно для анализа частоты использования лексем, изучения их семантических связей, определения грамматических структур и т.д.

¹ Толстой А. Н. Хождение по мукам: трилогия. Т. 1. Москва: Известия, 1964. 592 с.

² Куприн А. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. Произведения 1908–1913. Москва: Правда, 1964. 420 с.

³ Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Рассказы. Сашка Жегулев. Пьесы. 1911–1913. Москва: Художественная литература, 1994. 637 с.

⁴ Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. Повести, рассказы (1911–1914). Москва: Воскресенье, 2006. 552 с.

⁵ Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 6. Произведения 1909–1912. Москва: Гослитиздат, 1961. 538 с.

⁶ Вересаев В. В. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Повести и рассказы. Москва: Правда, 1961. 528 с.

⁷ Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Москва: Правда, 1965. 448 с.

⁸ Фурманов Д. А. Чапаев. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979. 288 с.

⁹ Белый А. Серебряный голубь: Повесть в семи главах. Москва: Художественная литература, 1989. 463 с.

¹⁰ Серафимович А. С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Москва: Правда, 1980. 511 с.

¹¹ Захаров В. П. Корпусная лингвистика. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2005. 48 с.

Конкордансы словников XXI и XX веков создавались при помощи специализированных программ для обработки текста, таких как PrProcess и Sentences. Полученные данные были загружены в электронные таблицы Microsoft Excel и обработаны макросом. В результате сформировался структурированный перечень всех словоформ исследуемых словников. Для каждой словоформы в конкордансах указываются все контексты, в которых она употребляется.

Затем была осуществлена лемматизация, в ходе которой все словоформы словников преобразовали в леммы (словарные формы): существительные привели к именительному падежу единственного числа, прилагательные – к именительному падежу единственного числа мужского рода, а глаголы, причастия и деепричастия – к инфинитиву.

Так, в словнике XX века представлены словоформы ИДЕТ, ИДУТ, ИДУЩИМИ, ШЕЛ, ШЛИ, ШЛА, каждая из которых соотносится с леммой ИДТИ.

В результате после всех преобразований предложение «Передние колеса повисли над пропастью» в конкордансе имеет вид, представленный в таблице.

Таблица

Конкорданс словника

Лемма	Словоформа	Слово 1	Слово 2	Слово 3	Слово 4	Слово 5
ПЕРЕДНИЙ	Передние	V	колеса	повисли	над	пропастью
КОЛЕСО	колеса	Передние	V	повисли	над	пропастью
ПОВИСНУТЬ	повисли	Передние	колеса	V	над	пропастью
НАД	над	Передние	колеса	повисли	V	пропастью
ПРОПАСТЬ	пропастью	Передние	колеса	повисли	над	V

Лемматизацию словоформ можно осуществить как с использованием специализированного программного обеспечения, такого как Add.3_2018, так и путем ручной обработки. При ручной лемматизации, а также при верификации результатов автоматической обработки, был использован авторитетный «Малый академический словарь»¹.

МинТеМ-лексика

Любой текст складывается из двух составляющих – субъективной речевой (авторской, текстовой) и объективной (языковой). Поскольку нас интересуют характеристики языка, а не речь отдельного автора или лексика конкретного текста, возникает необходимость избавиться от субъективной составляющей, выделив в каждом словнике МинТеМ-лексику.

¹ Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. / Под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Выделение МинТеМ-лексики проводилось с помощью программы выделения тематически маркированной лексики – ProTeMaL (см. «Метод формального выделения тематически нейтральной лексики»¹).

ProTeMaL рассчитывает индекс текстуальной маркированности слова (далее – ИнТеМ), который определяется как разность между частотным весом словоформы (далее – Ч-вес) и ее весом по длине (далее – Д-весом). Значение ИнТеМ варьируется от +1 до -1. Слова с ИнТеМ, близким к +1, отражают специфику текста, тогда как слова с ИнТеМ, приближающимся к -1, относятся к периферии текста и словаря. Слова с ИнТеМ, близким к 0, составляют ядро языка и являются наименее маркированными (см. рисунок).

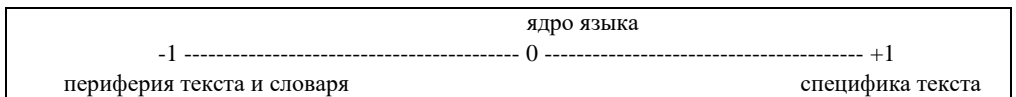

Рисунок. Индекс текстуальной маркированности слова (ИнТеМ)

Чтобы извлечь из словника МинТеМ-лексику, необходимо исключить лексику с ИнТеМамаи максимальными по модулю. Границей, отделяющей МинТеМ-лексику от периферии, логично считать среднее значение ИнТеМ по модулю: 0,59992 для словника XXI века и 0,57852 для словника XX века.

В исследовании рассматриваются только значимые части речи, такие как существительные, прилагательные и глаголы. В связи с этим из МинТеМ-лексики каждого словника были исключены:

- служебные слова, наречия, местоимения, числительные, имена собственные, например: И, ПЯТЬ, ЧТО, КОГДА, ИВАН ИЛЬИЧ, КУРОПАТКИН, МАРИНА, ОДОЛЕНЬ и т.д.;
- текстуально маркированная лексика, например: АНТИСОВЕТСКИЙ, ВСЕСОЮЗНЫЙ, ГЕРМАНИЯ, СОВНАРКОМ, ЯПОНЕЦ и т.д.;
- все леммы с Частотой 1 (и Ч-весом 0).

Результаты

В процессе выполнения задач исследования были получены следующие результаты:

- МинТеМ-лексика словника XXI века – 1066 слов, что составляет 7,66 % от общего количества слов словника (13918);
- МинТеМ-лексика словника XX века – 1260 слов, что составляет 9,16 % от общего количества слов словника (13822).

Разницу в количестве слов МинТеМ-лексики исследуемых словников можно объяснить несколькими факторами:

¹ Кретов А. А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 81–90.

– во-первых, изменения в языке и обществе влияют на актуальность и использование определенных слов. В XXI веке наблюдается тенденция к упрощению и сокращению лексического запаса, что может привести к уменьшению доли слов в современных текстах;

– во-вторых, развитие технологий и научный прогресс вносят новые термины и понятия, которые могут вытеснять устаревшие слова, что также отражается на количестве слов.

При сопоставлении МинТеМ-лексики словарей XXI и XX веков было выявлено 425 совпадающих слов, которые можно классифицировать как базовую лексику. Это составляет 3,05 % от общего количества слов в словнике XXI века и 3,07 % от общего количества слов в словнике XX века. Полученные результаты подтверждают выводы исследования А. А. Кретова¹ о процентном соотношении базовой лексики в любом тексте.

Базовую (ядерную) лексику можно разделить по следующим семантическим множествам:

Человек / Родство: БАБА, МАЛЬЧИК / БРАТ, ЖЕНА и т.д. (19 слов);

Части тела + душа: ВОЛОС, ГЛАЗ, ДУХ, КОЛЕНА и т.д. (19 слов);

Жизнедеятельность: БОЛЬНОЙ, ВЫРАСТИ, ДЕТСТВО, РОДИТЬ и т.д. (17 слов);

Звук: ГОВОРИТЬ, КРИК, ПЕТЬ, СЛОВО и т.д. (15 слов);

Восприятие / Умственная деятельность: ВЗГЛЯД, ВИДЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ / ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ПОНЯТЬ и т.д. (31 слово);

Состояние, модальность, чувства: БЫТЬ, ИМЕТЬ, ЛЮБИТЬ, МОЧЬ, СТАНОВИТЬСЯ, СУМЕТЬ и т.д. (21 слово);

Движение: БРОСИТЬСЯ, ЕЗДИТЬ, ИДТИ, УХОДИТЬ, ШАГ и т.д. (27 слов);

Действие: БИТЬ, ДЕЛО, ИГРАТЬ, ПРИВЯЗАТЬ и т.д. (43 слова);

Положение и его изменение: ВИСЕТЬ, ОБЕРНУТЬСЯ, СТОЯТЬ и т.д. (17 слов);

Признак: ВЫСОКИЙ, КРУГЛЫЙ, ПУСТОЙ, УЗКИЙ, ЧИСТЫЙ и т.д. (48 слов);

Ментефакты: КОНЕЦ, МНОЖЕСТВО, РАЗ, СЕРЕДИНА и т.д. (18 слов);

Артефакты: ВОДКА, ДАЧА, КАРМАН, МОСТ, СПИЧКА и т.д. (35 слов);

Социум: ВОЕННЫЙ, ГОРОДОК, ДРУГ, ИМЯ, ТЕАТР и т.д. (33 слова);

Животные / Растения: ВОЛК, ГНЕЗДО, КРЫЛО / ДЕРЕВО, ЛИСТ, МОХ и т.д. (16 слов);

Натурфакты: ВОДА, ГРЯЗЬ, ЗЕМЛЯ, ЛЕС, ОГНЕННЫЙ, СТЕПЬ и т.д. (39 слов);

Время: АПРЕЛЬ, ВЕК, ВЕЧЕР, ОСЕННИЙ, ЧАС и т.д. (17 слов);

Цвет: БЕЛЫЙ, ГОЛУБОЙ, ЖЕЛТЫЙ, КРАСНЫЙ, СИНИЙ и т.д. (10 слов).

Как видно из приведенного выше, слова базовой лексики имеют глубокую связь с человеком и охватывают общие понятия, связанные с окружающим миром, природой, повседневными действиями и состояниями. Эти слова формируют основу для коммуникации и служат связующим звеном между различными поколениями, обес-

¹ Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 390 с.

печивая преемственность в языке и культуре, оставаясь неизменными несмотря на трансформации в обществе и технологиях.

Слова базовой лексики имеют различные значения, что делает их универсальными и применимыми в разных контекстах. Например, слово СВЕТ встречается в словниках XXI и XX веков в следующих значениях:

- «...двигалось множество фонарей, и свет их падал на крутящуюся между сваями мутную воду»¹ – физическое значение;
- «От нее будто и впрямь исходил свет, любой рядом с ней, словно иначе и быть не могло, начинал радоваться, улыбался, веселел»² – эмоциональное значение;
- «Опасность, риск, власть природы, свет далекой страны...»³ – метафорическое значение.

В процессе анализа хронологических срезов лексики первой четверти XXI и XX веков были выявлены слова, отражающие уникальные ценности, традиции и опыт общества. Эти слова не только демонстрируют взаимосвязь языка и культуры, но и подчеркивают влияние исторических событий на формирование языковых норм и понятий.

Содержащиеся в словнике XX века слова ГОРОДОВОЙ, ГУБЕРНИЯ, ЗЕМСКИЙ, МЕЩАНСТВО, КАЗАК и КАЗАЦКИЙ, несмотря на попытки возродить эти понятия, в современных реалиях представляют собой анахронизмы. Эти лексемы описывают определенные социальные и административные институты, характерные для своего времени, и их использование сегодня вызывает ассоциации с устаревшими концепциями, которые неактуальны в современном обществе.

За изменениями в обществе следует и мода. Такие слова, как БАСКА и ЗИПУН (словник XX века), некогда являвшиеся своеобразными символами мещанского сословия и крестьянства, теперь вызывают лишь интерес и удивление, что подчеркивает динамичность языка и его способность адаптироваться к новым условиям.

Религиозная лексика (АМВОН, КЛИРОС, КРЕСТ, ПРОСФОРА) свидетельствует о значимости религии в культуре и повседневной жизни людей в прошлом. Эти слова не только обозначают конкретные элементы церковной жизни, но и подчеркивают важность религии в формировании культурной идентичности.

Изменения в языке также коснулись единиц измерения. Вместо устаревшего слова ВЕРСТА, присутствующего в словнике XX века, в словнике XXI века уже находим термины МЕТР и МИЛЛИМЕТР, отражающие переход к метрической системе. Кроме того, в словнике XXI века появились такие понятия, как АВТОМАТ, ТАНК, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО и ЭЛЕКТРИЧКА, которые указывают на научный прогресс и развитие технологий, что, в свою очередь, влияет на язык и его структуру.

Особо следует выделить в словнике XX века пласт лексики, который свидетельствует об аграрном образе жизни общества, сельских реалиях и традициях, связанных с гужевым транспортом и сельским хозяйством. К таким словам относятся: БЕГУНКИ, БИЧ, ВОЖЖА, ВОЗ, ВСАДНИК, ГУМНО, ЖЕРЕБЧИК, КОНСКИЙ,

¹ Толстой А. Н. Хождение по мукам: Трилогия. Т. 1. Москва: Известия, 1964. 592 с.

² Шаров В. А. Будьте как дети. Москва: АСТ, 2017. 448 с.

³ Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Москва: Правда, 1965. 448 с.

КОНЬ, КОНЮШНЯ, КУЧЕР, ЛОШАДЬ, НАГАЙКА, ОБОЗ, ПАСТУХ, ПОКОС, ПУНЬКА, РОЗВАЛЬНИ, САНИ, СЕНО, СКИРДА, СКОТ, СКОТИНА, СОЛОМА, ТЕЛЕГА, ШПОРА, ЭКИПАЖ. Лексика развивается, приспособляясь к новым условиям жизни, технологиям и социальному устройству. Новые реалии требуют других слов и понятий, и многие термины устаревают, становясь менее значимыми в современном контексте. Хотя передвижение на телеге или верхом на лошади в XXI веке все еще возможно, это выглядит как пережиток прошлого.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

- успешная апробация выделения базовой лексики методом анализа хронологических срезов повествовательных текстов подтверждает правильность выбора методики и инструментов, использованных в исследовании;
- базовая лексика составляет 3,05 % и 3,07 % от общего количества слов в словнике XXI века и в словнике XX века, что указывает на наличие устойчивого ядра, которое сохраняется несмотря на изменения, происходящие в лексической системе языка с течением времени;
- базовая лексика относится к человеку, фундаментальным понятиям, связанным с природой, действиями и состояниями, универсальна, применима в различных контекстах и формирует основу для коммуникации;
- изменения в обществе и технологиях влияют на язык, приводя к появлению новых слов и понятий, а также к устареванию существующих терминов;
- анахронизмы являются важным индикатором изменений в языке и свидетельствуют о том, как трансформировались социальные структуры, политические системы и культурные практики;
- метод анализа хронологических срезов лексики позволяет выявить слова из разных эпох, которые отражают уникальные ценности и традиции общества, демонстрируя взаимосвязь между языком и культурой, и служат связующим звеном между поколениями, сохраняя культурную идентичность.

Думается, что дальнейшая работа должна быть направлена на проведение подобных экспериментов на хронологических срезах лексики первой четверти XIX века, затем первой четверти XVIII и т. д. Анализ и сопоставление данных по нескольким хронологическим срезам позволят выявить общие тенденции в динамике развития лексико-семантической системы русского языка.

Список литературы / References

- Андреев Л. Н. *Собрание сочинений: в 6 т.* Т. 4: Рассказы. Сашка Жегулев. Пьесы. 1911–1913. Москва: Художественная литература, 1994. 637 с.
- Andreev L. N. *Collected works in 6 volumes.* Vol. 4: Short stories. Sashka Zhegulev. Plays. 1911–1913. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1994. 637 p. (In Russ.)

Белый А. *Серебряный голубь: Повесть в семи главах*. Москва: Художественная литература, 1989. 463 с.

Belyi A. *The silver dove: A prose piece in seven chapters*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura 1989. 463 p. (In Russ.)

Бунин И. А. *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. Повести, рассказы (1911–1914)*. Москва: Воскресенье, 2006. 552 с.

Bunin I. A. *Complete works in 13 vols. Vol. 3. Prose pieces, short stories (1911–1914)*. Moscow: Voskresen'e, 2006. 552 p. (In Russ.)

Вересаев В. В. *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Повести и рассказы*. Москва: Правда, 1961. 528 с.

Veresaev V. V. *Collected works in 5 vols. Vol. 2. Prose pieces and short stories*. Moscow: Pravda, 1961. 528 p. (In Russ.)

Виноградов В. В. *История слов: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*. Москва: Толк, 1994. 1138 с.

Vinogradov V. V. *The history of words: About 1,500 words and expressions and more than 5,000 words related to them*. Moscow: Tolk, 1994. 1138 p. (In Russ.)

Водолазкин Е. Г. *Лавр*. Москва: АСТ, 2012. 448 с.

Vodolazkin E. G. *Laurus*. Moscow: AST, 2012. 448 p. (In Russ.)

Глуховский Д. А. *Текст*. Москва: АСТ, 2017. 320 с.

Glukhovskii D. A. *Text*. Moscow: AST, 2017. 320 p. (In Russ.)

Горький М. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 6. Произведения 1909–1912*. Москва: Гослитиздат, 1961. 538 с.

Gorky M. *Collected Works in 18 vols. Vol. 6. Works of 1909–1912*. Moscow: Goslitzdat, 1961. 538 p. (In Russ.)

Грин А. С. *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3*. Москва: Правда, 1965. 448 с.

Grin A. S. *Collected works in 6 volumes. Vol. 3*. Moscow: Pravda, 1965. 448 p. (In Russ.)

Захаров В. П. *Корпусная лингвистика*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2005. 48 с.

Zakharov V. P. *Corpus Linguistics*. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet, 2005. 48 p. (In Russ.)

Иванов А. В. *Ненастье*. Москва: АСТ, 2019. 640 с.

Ivanov A. V. *Nasty weather*. Moscow: AST, 2019. 640 p. (In Russ.)

Кабаков А. А. *Все поправимо: Хроники частной жизни*. Москва: АСТ, 2023. 603 с.

Kabakov A. A. *Everything is repairable: Chronicles of a private life*. Moscow: AST, 2023. 603 p. (In Russ.)

Кретов А. А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007, № 1, с. 81–90.

Kretov A. A. The formal technique of the isolating thematically neutral lexicon (based on Old Russian texts). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2007, no. 1, pp. 81–90. (In Russ.)

Кретов А. А. *Основы лексико-семантической прогностики*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 390 с.

Kretov A. A. *Fundamentals of lexico-semantic prognostics*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2006. 390 p. (In Russ.)

Куприн А. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Произведения 1908–1913. Москва: Правда, 1964. 420 с.

Kuprin A. I. *Complete set of works*. Vol. 5. Works of 1908–1913. Moscow: Pravda, 1964. 420 p. (In Russ.)

Маканин В. С. *Асан*. Москва: Эксмо, 2017. 218 с.

Makanin V. S. *Asan*. Moscow: Eksp, 2017. 218 p. (In Russ.)

Прилепин З. *Обитель*. Москва: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2014. 745 с.

Prilepin Z. *The Monastery*. Moscow: Redaktsiia Eleny Shubinoi: AST, 2014. 745 p. (In Russ.)

Сальников А. Б. *Петровы в группе и вокруг него*. Москва: АСТ, 2017. 411 с.

Salnikov A. B. *The Petrovs in and around the Flu*. Moscow: AST, 2017. 411 p. (In Russ.)

Сенчин Р. В. *Елтышевы*. Москва: Эксмо, 2009. 320 с.

Senchin R. V. *The Eltyshyevs*. Moscow: Eksmo, 2009. 320 p. (In Russ.)

Серафимович А. С. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 3. Москва: Правда, 1980. 511 с.

Serafimovich A. S. *Collected works in 4 vols*. Vol. 3. Moscow: Pravda, 1980. 511 p. (In Russ.)

Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т.; под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Dictionary of the Russian language in 4 volumes (Small Academic Dictionary), edited by A. P. Evgenieva. Moscow: Russkii iazyk, 1985–1988. (In Russ.)

Сорокин Ю. С. *Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 годы XIX века*. Москва; Ленинград: Наука, 1965. 565 с.

Sorokin Yu. S. *The development of the vocabulary of the Russian literary language: 30–90 years of the XIX century*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 565 p. (In Russ.)

Терехов А. М. *Каменный мост*. Москва: АСТ, 2021. 832 с.

Terekhov A.M. *Stone bridge*. Moscow: AST, 2021. 832 p. (In Russ.)

Толстой А. Н. *Хождение по мукам. Трилогия*. Т. 1. Москва: Известия, 1964. 592 с.

Tolstoy A. N. *Walking through the Torments: Trilogy*. Vol. 1. Moscow: Izvestia, 1964. 592 p. (In Russ.)

Филин Ф. П. *Историческая лексикология русского языка*. Москва: ЛКИ, 2008. 173 с.
Filin F. P. *Historical lexicology of the Russian language*. Moscow: LKI, 2008. 173 p. (In Russ.)

Фурманов Д. А. *Чапаяев*. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979. 288 с.
Furmanov D. A. *Chapaev*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 288 p. (In Russ.)

Шаров В. А. *Будьте как дети*. Москва: АСТ, 2017. 448 с.
Sharov V. A. *Be like children*. Moscow: AST, 2017. 448 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Сергей Алексеевич Ермаков – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, <https://orcid.org/0000-0002-7557-475X>, sergey-ermakov.1811@mail.ru, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова (д. 8, ул. Тимирязева, 394087 Воронеж, Россия); **Sergey A. Ermakov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, <https://orcid.org/0000-0002-7557-475X>, sergey-ermakov.1811@mail.ru, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov, (8, ul. Timiryazeva, 394087 Voronezh, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 14.02.2025; Approved after reviewing 20.08.2025; Accepted for publication 10.09.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 68–78.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 68–78.

Научная статья

УДК 81'271

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-6>

<https://elibrary.ru/ngmlid>

Прагмалингвистический аспект взаимодействия речевого акта и дискурсема: на материале интернет-комментариев в YouTube

Евгений Борисович Иванников

Северо-Западный университет,

Санкт-Петербург, Россия

ivannikov_evgeni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5529-6230>

Аннотация. Статья посвящена прагмалингвистическому аспекту взаимодействия речевого акта и дискурсема. На материале русскоязычных интернет-комментариев к видеороликам на платформе YouTube анализируется, каким образом пользователи совершают коммуникативные действия, демонстрируется, как выбор определенного типа речевого акта с его иллокутивной целью обуславливает артикуляцию соответствующих дискурсем. Делается вывод о диалектической взаимосвязи речевого акта как динамического прагматического инструмента и дискурсема как статичного смыслового результата этого действия.

Ключевые слова: речевой акт, дискурсема, прагмалингвистика, интернет-дискурс, интернет-комментарии, дискурс-анализ

Для цитирования: *Иванников Е. Б.* Прагмалингвистический аспект взаимодействия речевого акта и дискурсема: на материале интернет-комментариев в YouTube // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 68–78. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-6>; EDN: NGMLID

Pragmalinguistic aspect of the interaction between speech acts and discoursemes: based on YouTube online comments

Evgenii B. Ivannikov

North-Western University,

St Petersburg, Russia

ivannikov_evgeni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5529-6230>

Abstract. This article explores the interaction between speech acts and discoursemes from a pragmalinguistic perspective. Analyzing Russian-language comments on the YouTube platform, the study investigates how users perform communicative actions in this online environment. It specifically demonstrates the mechanism by which the choice of a particular speech act type, driven by its illocutionary goal, influences the articulation of relevant discoursemes. The findings highlight a dialectical relationship: the speech act operates as a dynamic pragmatic instrument, while the discourseme emerges as the static semantic outcome of this communicative action.

Keywords: speech act, discourseme, pragmalinguistics, internet-discourse, internet-comments, discourse-analysis

For citation: Ivannikov E. B. Pragmalinguistic aspect of the interaction between speech acts and discoursemes: based on YouTube online comments. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 68–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-6>; EDN: NGMLID

Введение

Современное коммуникативное пространство немислимо без интернет-дискурса, ставшего неотъемлемой частью как повседневного общения, так и профессиональной и общественной сфер. Среди многообразия форм онлайн-взаимодействия особое место занимают комментарии пользователей к различному контенту – публикациям в социальных сетях, новостным статьям, видеороликам. Настоящая работа посвящена исследованию соотношения двух ключевых понятий прагмалингвистики и дискурс-анализа – речевого акта и дискурсема – в специфических условиях онлайн-комментирования видеороликов на платформе YouTube.

Осмысление комментариев как формы речевого взаимодействия опирается на теорию речевых актов, основополагающий тезис которой, сформулированный Дж. Остином, гласит: «говоря что-либо, мы совершаем действия»¹. Речь предстает не только как средство передачи информации, но и как активная деятельность, обладающая потенциалом влияния на действительность и на участников коммуникации. В рамках этой теории Остин выделяет три аспекта речевого действия: локутивный, иллокутивный и перлокутивный.

Локутивный акт определяется как собственно факт произнесения языковых единиц – акт «говорения чего-либо»². В данный аспект включается продуцирование лексических единиц («вокабул») в соответствии с грамматическими нормами³, то есть использование языка с присущими ему «смыслом» и «референцией», формирующими «значение»⁴.

Иллокутивный акт представляет собой действие, совершаемое в процессе говорения, например, информирование, приказ, предупреждение, принятие обязательства⁵. Ключевое различие состоит в том, что локуция – это акт произнесения высказывания, тогда как иллокуция – это акт, который совершается «говоря что-то, а не говоря о чем-то»⁶. Последний наделяет высказывание «иллокутивной силой»⁷, определяя его коммуникативную направленность.

¹ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 83.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Городецкий Б. Ю. От редактора // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 5.

Наконец, перлокутивный акт связан с итогами речевого действия, с «достижением определенных результатов» и «произведением определенных последствий»¹. Говорящий стремится оказать влияние на адресата посредством убеждения, уговоров, сдерживания, удивления, введения в заблуждение².

Наряду с речевым актом для анализа интернет-комментариев релевантным является понятие *дискурсема*. В современном дискурс-анализе *дискурсема* трактуется как сложная, многоуровневая единица смысла. Н. Ф. Алефиренко определяет ее как «некий квант амбивалентного знания, соответствующий одному фокусу дискурсивно-культурного сознания и являющийся носителем дискурсивной архитектуры речевого жанра»³, подчеркивая ее связь с когнитивными и социокультурными аспектами коммуникации. Важно, что дискурсема обычно совмещает «пропозициональные и пресуппозитивные знания»⁴.

А. С. Тимошук рассматривает дискурсема как «знаки присутствия правды»⁵, указывая на их роль в конструировании истинности в рамках дискурса. Дискурсема могут функционировать как «маркеры» или «реперные точки» и быть направлены на «поддержание негативного стереотипа»⁶.

Выделяются следующие атрибуты дискурсем: артикулированность, дискретность, интерсубъективность⁷. В условиях медиатизированного общества роль дискурсем особенно возрастает. Постоянная артикуляция и негоциация дискурсов формируют «единицу смысла, истинность которого поддерживается хрупкими социальными конвенциями сетевых сообществ и агентов медиа»⁸. Вследствие этого «дискурсема – самый настоящий интенциональный объект, дискутируемый фейк или вирусная публикация, оказывающие воздействие на будущее независимо от достоверности»⁹. Дискурсема активно используются для формирования картины мира и влияют на общественное сознание, занимая «место классического понятия “факт”» и становясь концептом «мира медийной реальности»¹⁰.

¹ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 88.

² Там же.

³ Алефиренко Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса // Вестник КемГУ. 2012. Т. 3, № 4 (52). С. 17.

⁴ Там же.

⁵ Тимошук А. С. Постгероическое время: цифровизация, прекариат, квалиметрия // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, часть 1. С. 217.

⁶ Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Ксеностереотипы в языковой картине мира и в дискурсе европейского парламента // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 77.

⁷ Тимошук Е. А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. 2012. № 4 (12). С. 70.

⁸ Тимошук Е. А. Феноменология объективности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. № 4. С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Тимошук А. С. Постгероическое время: цифровизация, прекариат, квалиметрия // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, часть 1. С. 217.

Таким образом, дискурсема в настоящем исследовании понимается как артикулированная, дискретная и интересубъективно воспринимаемая единица смысла. Она представляет собой квант амбивалентного знания, функционирует как маркер социокультурной действительности и играет ключевую роль в конструировании представлений об истинности в дискурсе, что особенно заметно проявляется в условиях современной медийной реальности.

Основная часть

Исследование соотношения речевого акта и дискурсема в интернет-комментариях позволяет понять механизмы конструирования смысла и социального взаимодействия. Речевой акт как осмысленное действие и дискурсема как минимальная смысловая единица социокультурной действительности находятся в неразрывной связи. Речевой акт выступает в качестве прагматического инструмента, посредством которого дискурсема артикулируются и обретают лингвистическую форму. Анализ типа речевого акта определяет его иллокутивную цель и общую направленность, тогда как исследование дискурсема выявляет конкретное содержание (позициональное и пресуппозитивное), наполняющее эту прагматическую рамку.

1. Репрезентатив-вердиктив

Продемонстрируем взаимосвязь речевого акта и дискурсема на примере анализа интернет-комментариев к видеоролику «Суд по делу о ДТП Эдуарда Игнатяна...»¹, размещенном на YouTube-канале **Юрист Антон Долгих**, в котором преобладают речевые акты типа *репрезентатив-вердиктив*. Данный тип является гибридным: с одной стороны, он наследует черты *репрезентатива*, в котором говорящий принимает ответственность «за истинность выражаемого суждения»², а с другой – функционирует как *вердиктив*, связанный с «вынесением... какого-либо суждения»³. В результате говорящий не просто сообщает факт, но одновременно с этим дает ему оценку.

Проанализируем комментарии к вышеуказанному видеоролику. В одном из них пользователь @brand6151 пишет: «В сторону судей посматривает не спроста. Удобная позиция дээбиллом прикинулся, кешам заряжен, мозгов не надо. Наглость и безсовестность. Даже если на встречу к тебе выехали, водитель обязан остановить автомобиль...»⁴. Здесь репрезентативно-вердиктивный акт, совмещающий констатацию фактов и высказывание суждения, вербализует дискурсема неискренности («посматривает не спроста», «дээбиллом прикинулся») и негативной моральной оценки («наглость и безсовестность»). Иллокутивная цель – вынесение вердикта –

¹ Юрист Антон Долгих. Суд по делу о ДТП Эдуарда Игнатяна. Юрист Антон Долгих ведет допрос Эдуарда Игнатяна. Часть 1 // YouTube. 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ydtHAB9g6uw> (дата обращения: 13.04.2025).

² Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 181.

³ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 170.

⁴ Здесь и далее оригинальные орфография и пунктуация сохранены.

направляет артикуляцию данных дискурсема посредством фокусировки на негативных атрибутах и использования оценочной лексики.

Таким образом, репрезентатив-вердиктив, оформленный в интернет-комментарии, предъявляет аудитории для негоциации не только содержание, но и иллокутивную силу (обвинение, оценка), влияя на реакцию и процесс intersубъективизации смысла.

2. Директив / экзерситив

Анализ прагматики интернет-коммуникации требует исследования разных типов речевого акта. Одним из них значится *директив*, представляющий собой «попытку... говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил»¹. При этом к *директиву* примыкает еще один тип речевого акта – *экзерситив*, «являющийся осуществлением власти, прав или влияния»², который в интернет-комментариях выражается в советах или предупреждениях экспертов.

В качестве исследования директива рассмотрим комментарий автора YouTube-канала @КОМПУКТЕР к собственному видеоролику «КАК СОБРАТЬ КОМПЬЮТЕР САМОМУ?»³: «Пацантре, важный момент. <...> Повторяю, крутите дополнительные крепежи на будущее на все только СВОБОДНЫЕ отверстия, которые ваша мать никак НЕ перекрывает и не касается. Обнял». Этот директивно-экзерситивный акт, опирающийся на экспертный статус автора, реализует иллокутивную цель проинструктировать и предостеречь аудиторию. В данном речевом акте артикулируются дискурсема, связанные с техническими аспектами сборки ПК и рисками: «важность установки стеноффов», «сохранить стеноффы», «крутить только свободные места».

В другом комментарии к вышеуказанному видеоролику пользователь @Y.T.888G пишет: «А как же хмп профиль включить, без него никак», что также можно классифицировать как директив (запрос информации), указывающий на необходимость настройки ХМР-профиля. В результате в речевом акте артикулируются такие дискурсема, как «как же хтр профиль включить?» (запрос инструкции) и «без него никак» (акцентирование важности).

Таким образом, директивы и экзерситивы служат инструментом, посредством которого артикулируются и транслируются дискурсема, содержащие инструкции, предупреждения, запросы информации, просьбы о помощи или описание проблемных ситуаций.

¹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 182.

² Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 119.

³ Kompukter. Как собрать компьютер самому? / Гайд по сборке игрового ПК с нуля для начинающих новичков // YouTube. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hr-siRhvApM> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Комиссив

Следующий тип речевого акта – *комиссив*, который, согласно Дж. Остину, «обязывает (commit) вас что-то выполнять»¹. Дж. Серль уточняет, что иллокутивная цель комиссива – «возложить на говорящего обязательство... совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения»². К *комиссиву* относятся обещания, клятвы, гарантии, выражения намерения.

В одном из комментариев к видеоролику «Как я бросил курить...»³ на YouTube-канале **Gennady Kuz'menko** пользователь @ШИРКАСИЛА пишет: «Случайно наткнулся на видео... Но эта история меня чем-то зацепила и я собираюсь бросить». Данный речевой акт выражает намерение совершить действие в будущем: бросить курить. Комиссив актуализирует фрагмент социокультурной действительности – личное решение об отказе от курения под влиянием стимула. Через этот речевой акт артикулируются такие дискурсема, как «случайно наткнулся на видео» (контекстуализация), «основная проблема курения...» (осознание проблемы), «эта история меня чем-то зацепила» (мотивация) и ключевая дискурсема намерения – «я собираюсь бросить».

В другом комментарии к вышеуказанному видеоролику пользователь @НадеждаНестеренко-б5т обращается к аудитории: «Доброго времени суток... и сказала, Бросаю!!! И обязательно, Вам сообщу, как все получилось у меня». В данном комментарии содержатся два комиссива: во-первых, заявление о намерении («Бросаю!!!») и, во-вторых, обещание («Вам сообщу...»). Как следствие, здесь идентифицируются дискурсема, отражающие решение, его спонтанность и намерение поделиться результатом: «Все по простому...», «вот слушала и все приняла...», «и сказала, Бросаю!!!», «И обязательно, Вам сообщу...».

Таким образом, комиссивы функционируют как вербальные действия, посредством которых конструируются и передаются дискурсема, выражающие обязательства, намерения, обещания, а также их мотивацию и контекст.

4. Экспрессив / бегахбитив

С точки зрения Дж. Серля, иллокутивная цель *экспрессива* – «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания»⁴. При этом *бегахбитив* по Дж. Остину является разновидностью *экспрессива*, связанного с «общественным поведением и взаимоотношениями людей» и охватывает извинение, поздравление, выражение симпатии и т.п.

¹ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 119.

² Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 182.

³ Gennady Kuz'menko. Как я бросил курить Стаж курильщика 30 лет // YouTube. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rUcSOx9xO3k> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 183.

Рассмотрим комментарии к видеоролику «Первая отечественная распаковка iPhone 15 Pro Max Blue Titanium»¹, размещенном на YouTube-канале **Wylsacom**. Пользователь @veandve41 пишет: «Как обычно раньше официальных продаж, горжусь!» Это экспрессивный речевой акт, выражающий чувство гордости. Он фокусируется на ситуации опережения официального старта продаж и артикулирует следующие дискурсема: «как обычно раньше официальных продаж» (контекстуализация) и ключевую – «горжусь!» (выражение гордости).

В другом комментарии к вышеуказанному видеоролику пользователь @ЛюбовьСоловьева-ь7д просто указывает имя: «Валя ♥» – лаконичный экспрессив / бехабитив, выражающий эмоциональное отношение к автору видео. Иллокутивная сила симпатии реализуется с помощью дискурсема «Валя ♥», в которой невербальный символ несет основную семантическую нагрузку.

Таким образом, экспрессивные речевые акты реализуют коммуникативную интенцию выражения эмоций или установления социального контакта. Артикулируемые ими дискурсема фиксируют психологическое состояние говорящего и его отношение к определенному аспекту социокультурной реальности.

5. Репрезентив-экспозитив

Репрезентив-экспозитив как сложный речевой акт объединяет черты *репрезентатива* и *экспозитива*. Показателем первого является «ответственность говорящего за истинность суждения»², а к признаку второго относится стремление «показать, какое место занимает наше высказывание в ходе спора или беседы, как мы используем слова...»³, служа целям разъяснения, аргументации и структурирования дискурса. В результате этот тип речевого акта не просто констатирует факт, но и встраивает его в систему аргументации.

Рассмотрим комментарии к видеоролику «Дебаты в США: Камала Харрис переговорила Трампа...»⁴, представленном на YouTube-канале **DW на русском**. Так, в одном из комментариев пользователь @giorgiabashidze4266 пишет: «Камалла вместе с модераторами не сумела победить Трампа, на сиенен модераторы были более объективными. Ей не задали ни одного острого вопроса». Данный комментарий представляет репрезентив-экспозитив, в котором оцениваются прошедшие дебаты. Соответственно, цель высказывания пользователя @giorgiabashidze4266 – объяснить, почему Харрис не одержала победу. Для реализации экспозитивной цели артикулируются следующие дискурсема, указывающие на внешние факторы: «камалла... не сумела победить Трампа» (констатация), «на сиенен модераторы были более объек-

¹ Wylsacom. Первая отечественная распаковка iPhone 15 Pro Max Blue Titanium // YouTube. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aEcvYmzMhGY> (дата обращения: 13.04.2025).

² Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 181.

³ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 119.

⁴ DW на русском. Дебаты в США: Камала Харрис переговорила Трампа. Кто победит на выборах? // YouTube. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OiFCrARM-Mk> (дата обращения: 13.04.2025).

тивными» (сравнение/причина), «ей не задали ни одного острого вопроса» (указание на отсутствие значимых вопросов/причина).

Пользователь @NayaoDataje, высказываясь о данном видеоролике, дает следующий комментарий: «Про то, что Камалла являлась переговорщиком по вопросу Украины очень сильный аргумент. Мне прям понравилось». Этот фрагмент интернет-комментария также является репрезентативом-экспозитивом, оценивающим значимость факта из биографии Харис. В данном высказывании артикулируются следующие дискурсы: «про то, что Камалла являлась переговорщиком...» (репрезентатив-факт), «очень сильный аргумент» (экспозитив-оценка значимости факта), «мне прям понравилось» (экспрессив, подкрепляющий оценку).

Таким образом, речевой акт типа репрезентатив-экспозитив реализует намерение сообщить и объяснить / аргументировать. Выявление этого акта и его иллокутивной цели позволяет идентифицировать релевантный фрагмент реальности и вычленил конкретные дискурсы, формирующие смысловое содержание высказывания в рамках аргументативной структуры.

6. Декларация

Уникальность *декларации* как речевого акта заключается в том, что она устанавливает «соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью»¹. Основная цель декларации – изменить реальность или статус-кво самим актом высказывания, фокусируясь на перформативном аспекте. Декларативный акт изменяет мир самим фактом своего произнесения. Однако для успеха декларации требуются институциональные полномочия и соблюдение конвенциональных процедур. В неформальной интернет-коммуникации пользователи обычно лишены таких полномочий, поэтому часто наблюдаются псевдодекларации – высказывания, претендующие на изменение реальности, но не обладающие реальной иллокутивной силой.

Проанализируем декларации, представленные в комментариях к видеоролику «В Греции зажгли Олимпийский огонь...»², размещенном на YouTube-канале **Euronews по-русски**. Пользователь @zninter, комментируя открытие соревнований, пишет: «Никаких Олимпийских игр в Греции в античности не существовало... Живите с этим!». Это пример псевдодекларации, оспаривающей достоверность научно доказанных исторических событий путем прямого отрицания. Иллокутивная сила псевдодекларации, опирающаяся на пресуппозицию ложности официальной истории, выражается через категоричные отрицания и императив, призванный утвердить так называемую «новую реальность». В результате артикулируются такие дискурсы, как «никаких Олимпийских игр... не существовало», «впрочем, как и самой античности», «тк это 100 % выдумка европейских шулеров...» (псевдообъяснение), «живите с этим!» (навязывание «альтернативной» реальности).

¹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986. С. 185.

² Euronews по-русски. В Греции зажгли Олимпийский огонь для Игр-2024 в Париже // YouTube. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fz3GruKhxxo> (дата обращения: 13.04.2025).

Аналогичный комментарий по поводу отношения к Олимпийским играм представлен у пользователя @konstanteentrushkov1879, который настаивает на том, что «это не Олимпиада, это полное Фуфло...». В данном случае псевдодекларация путем переименования артикулирует дискурсема «это не Олимпиада, это полное Фуфло...», направленную на делегитимацию события.

Таким образом, псевдодекларации в онлайн-комментариях свидетельствуют о стремлении пользователей не только выразить мнение, но и активно повлиять на восприятие реальности, конструируя альтернативные картины мира через артикуляцию соответствующих дискурсема даже при отсутствии научных доказательств.

7. Репрезентатив-декларация

Еще один тип декларативного речевого акта – *репрезентатив-декларация*, которая, в отличие от «чистой» декларации, стремящейся изменить мир самим актом речи, достигает своего эффекта опосредованно: данный акт одновременно сообщает о некотором положении дел (выполняя репрезентативную функцию) и утверждает его самим актом высказывания (декларативная функция). Здесь декларативная сила реализуется в установлении фактов (например, объявление приговора судьей)¹.

Так, в комментарии к видеоролику «Коррупцию легализуют для чиновников»² на YouTube-канале **Ramy Zaycman** пользователь @secret-tauna пишет: «2020 год введено крепостное право... 2023 год рейтинг медведея 1146%.....» – это репрезентатив-декларация, сатирически представляющая политическую ситуацию. Репрезентативные утверждения (о крепостном праве, передаче территорий, рейтинге), выстроенные хронологически, используются для декларативной цели – провозглашения антиутопической реальности. В результате артикулируются следующие дискурсема: «2020 год введено крепостное право», «2021 год территории отданы...», «2022 год медведев царь...», «2023 год рейтинг медведея 1146 %.....» (указание на абсурдность).

В другом комментарии к данному видеоролику пользователь @AKSIS77 замечает, что «за не указанные в декларации поместья в Англии никто ни у кого ни чего конфисковывать не будет...». В представленной репрезентатив-декларации подчеркивается невозможность борьбы с коррупцией. В данном утверждении («никто... конфисковывать не будет») выделяется дискурсема о невозможности конфискации, подкрепленная ироничными условиями.

Таким образом, для утверждения или установления определенного видения реальности, часто критического или альтернативного, в репрезентатив-декларации используются дискурсема, сообщающие о фактах (реальных или предполагаемых).

Выводы

Проведенный анализ комментариев пользователей к видеороликам на онлайн-платформе YouTube подтверждает тесную и неразрывную взаимосвязь между рече-

¹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Москва: Прогресс, 1986.

² Ramy Zaycman. Коррупцию легализуют для чиновников // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jzqkFOVPVqY> (дата обращения: 13.04.2025).

вым актом и дискурсемой в условиях интернет-коммуникации. Речевой акт как осмысленное вербальное действие выступает динамическим процессом реализации коммуникативной интенции говорящего. Дискурсема же представляет собой статичный результат этого действия – минимальную, артикулированную и интересубъективно значимую единицу смысла, зафиксированную в тексте и отражающую фрагмент социокультурной действительности. При этом именно дискурсема, артикулируемые в ходе совершения речевого акта, наполняют конкретным содержанием (пропозициональным и пресуппозитивным) прагматическую рамку, заданную его иллюкутивной силой.

Как показал анализ, репрезентативы-вердиктивы артикулируют дискурсема фактов и оценок для вынесения суждения; директивы – дискурсема проблем, потребностей и инструкций; комиссивы – дискурсема обязательств и намерений; экспрессивы – дискурсема эмоций и социальных установок; репрезентативы-экспозитивы используют фактуальные и оценочные дискурсема для построения аргументации; псевдодекларации конструируют дискурсема отрицания или утверждения альтернативной реальности.

Таким образом, речевой акт функционирует как прагматический инструмент, управляющий процессом артикуляции дискурсем, которые, в свою очередь, обретают лингвистическую форму и предъявляются интернет-пользователям, инстанцируя иллюкутивную силу речевого акта. Анализ типа речевого акта позволяет понять, какое воздействие оказывает говорящий, а исследование дискурсем раскрывает, как и с помощью каких смысловых единиц достигается коммуникативная цель.

Список литературы / References

Алефиренко Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса. *Вестник КемГУ*, 2012, т. 3, № 4 (52), с. 16–21.

Alifirenko N. F. The theory of speech genres and pragmatics of discourse. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, vol. 3, no. 4 (52), pp. 16–21. (In Russ.).

Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Ксеностереотипы в языковой картине мира и в дискурсе европейского парламента. *Политическая лингвистика*, 2015, № 3 (53), с. 74–79.

Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Xeno-stereotypes in the linguistic worldview and the discourse of European parliament. *Political Linguistics*, 2015, no. 3 (53), pp. 74–79. (In Russ.).

Городецкий Б. Ю. От редактора. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. Сборник*. Москва: Прогресс, 1986, с. 5–6.

Gorodetskii B. Yu. From the editor. *In New in Foreign Linguistics. Issue 17. Theory of Speech Acts. Collection*. Moscow: Progress, 1986, pp. 5–6. (In Russ.).

Остин Дж. Л. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. Сборник*. Москва: Прогресс, 1986, с. 23–129.

Austin J. L. How to do things with words. *In New in Foreign Linguistics. Issue 17. Theory of Speech Acts. Collection*. Moscow: Progress, 1986, pp. 23–129. (In Russ.).

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ.* Москва: Прогресс, 1986, с. 170–194.

Searle J. R. A Classification of illocutionary acts. *In New in Foreign Linguistics. Issue 17. Theory of Speech Acts. Collection (Translated from English)*. Moscow: Progress, 1986, pp. 170–194. (In Russ.).

Тимошук Е. А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания. *Вестник Пермского университета*, 2012, № 4 (12), с. 66–73.

Timoshchuk E. A. Discourse analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description. *Bulletin of Perm University*, 2012, no. 4 (12), pp. 66–73. (In Russ.).

Тимошук А. С. Постгероическое время: цифровизация, прекариат, квалиметрия. *Идеи и идеалы*, 2021, т. 13, № 4, часть 1, с. 204–222.

Timoshchuk A. S. Post-heroic time: Digitalization, precariat, qualimetry. *Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, no. 4, part 1, pp. 204–222. (In Russ.).

Тимошук Е. А. Феноменология объективности. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, 2019, № 4, с. 10–24.

Timoshchuk E. A. Phenomenology of objectivity. *The Buryat State University Bulletin. Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 10–24. (In Russ.).

Сведения об авторе

Евгений Борисович Иванников – кандидат филологических наук, декан факультета среднего профессионального образования; <https://orcid.org/0000-0001-5529-6230>, ivannikov_evgeni@mail.ru, Северо-Западный университет (д.7, лит. А, ул. Кавалергардская, 191015 Санкт-Петербург, Россия); **Evgenii B. Ivannikov** – Candidate of Philological Sciences, Dean of the Faculty of Secondary Vocational Education, <https://orcid.org/0000-0001-5529-6230>, ivannikov_evgeni@mail.ru, North-Western University (7, lit. A, ul. Kavalergardskaya, 191015 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.04.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 14.04.2024; Approved after reviewing 26.06.2024; Accepted for publication 03.09.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 79–91.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 79–91.

Научная статья

УДК 81'44

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-7>

<https://elibrary.ru/oztjzx>

Метафоры со сферой-источником «Музыка» как средства реализации внутреннего мира собаки в повести Дж. Лондона «Зов предков»

Ольга Сергеевна Камышева

Шадринский государственный педагогический университет,

Шадринск, Россия

olga.kamysheva.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>

Аннотация. Целью данной статьи является исследование метафор со сферой-источником «Музыка» как средств отражения внутреннего мира собаки в повести Дж. Лондона «Зов предков». На первом этапе работы была выделена доминантная развернутая метафорическая формула «Вой собак (волков) + инстинкт (выживание + связь с предками + единство с дикими животными) = музыкальное звучание (каденция + ноктюрн + песня + минорный лад + звучание нот + крещендо + хор)». На втором этапе были проанализированы второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка», которые репрезентируют важные качества внутреннего мира собаки: эстетическое наслаждение природой, одобрение справедливых действий хозяина, восторг от охотничьего инстинкта и приятные ощущения от своей прекрасной физической формы.

Ключевые слова: сфера-источник, сфера-магнит, фрейм, слот, музыкальная метафора

Для цитирования: Камышева О. С. Метафоры со сферой-источником «Музыка» как средства реализации внутреннего мира собаки в повести Дж. Лондона «Зов предков» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 79–91. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-7>; EDN: OZTJZX

Metaphors with the source sphere "Music" as a means of realizing the inner world of the dog in the novel "The Call of the Wild" by J. London

Olga S. Kamysheva

Shadrinsk State Pedagogical University,

Shadrinsk, Russia

olga.kamysheva.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>

Abstract. The purpose of this article is to explore the metaphors with the source sphere "Music" as a means of realizing the inner world of the dog in the novel "The Call of the Wild" by J. London. At the first stage of the study, the dominant detailed metaphorical formula "Howling of dogs (wolves) + instinct (survival + connection with ancestors + unity with wild animals) = musical sound (cadency + nocturne + song + minor scale + sound of notes + crescendo + chorus)" was identified. At the second

stage, the secondary metaphors with the source sphere "Music" were analyzed, which represent important qualities of the dog's inner world: aesthetic enjoyment of nature, approval of the owner's fair actions, delight in the hunting instinct and pleasant sensations from his excellent physical form.

Keywords: source sphere, magnet sphere, frame, slot, musical metaphor

For citation: Kamysheva O. S. Metaphors with the source sphere "Music" as a means of realizing the inner world of the dog in the novel "The Call of the Wild" by J. London. *Cherapovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 79–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-7>; EDN: OZTJZX

Введение

«Зов предков» Дж. Лондона был опубликован в 1903 году. Действие повести происходит во времена золотой лихорадки, когда существовала потребность в крупных и сильных собаках. Главный герой – пес (смесь сенбернара и шотландской овчарки) по кличке Бак. Его похищают с пастушьего ранчо солнечной Калифорнии, где он был любимцем семьи, и увозят в снежную и холодную Канаду, чтобы использовать в качестве ездовой собаки. Бак пытается выжить, невзирая на трудности: неподъемную работу, суровое и даже жестокое обращение новых хозяев, конкуренцию с другими псами в упряжке и тяжелые природные условия. Псу помогает проснувшийся инстинкт: сперва это были лишь некоторые отголоски, но затем «зов предков» обрел такую силу, что ему оказалось невозможно противостоять. В конце повести Бак покидает мир людей и дичает, становясь вожаком стаи волков.

Повесть Дж. Лондона «Зов предков», вызывая интерес читателей, остается актуальной до сих пор. Более того, она является предметом лингвистических исследований (Е. А. Огнева¹, К. С. Шиляев²). Тем не менее в настоящее время отсутствуют работы по анализу музыкальных метафор, которые обнаруживаются в данной повести и позволяют раскрыть непростой образ главного героя.

Целью статьи является исследование метафор со сферой-источником «Музыка» как средств реализации внутреннего мира собаки в повести Дж. Лондона «Зов предков».

Задачи исследования.

1. Проанализировать метафоры со сферой-источником «Музыка» в повести Дж. Лондона «Зов предков».
2. Вывести и описать метафорическую формулу доминантных метафор с использованием фреймо-слотовой концепции.
3. Охарактеризовать второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка», определив их основные стилистические функции.

¹ Огнева Е. А. Модель «Суровый Север» в когнитивно-сюжетной матрице произведения Дж. Лондона «Зов предков» // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 12 (48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.7> (дата обращения: 09.02.2025).

² Шиляев К. С. Ключевая текстовая метафора: текстообразующий аспект: на материале произведений Дж. Лондона и их переводов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. 23 с.

4. Привести количественные данные исследуемых метафор, взяв за основу сферу-магнит.

5. Определить значение доминантных и второстепенных метафор со сферой-источником «Музыка» для раскрытия внутреннего мира главного героя.

Методы и методология: метафорическое моделирование, фреймо-слотовая концепция, контекстуальный анализ, стилистический анализ, количественная обработка данных.

С конца XX века ученые-лингвисты стали активно применять когнитивные стратегии¹. Ввиду этого метафора рассматривается не просто как стилистический прием, а как ментальная операция, реализованная в модели. Например, «время – деньги», где «время» - сфера-магнит, а «деньги» - сфера-источник. В рамках каждой сферы возможно вычленение системы фреймов², которые, в свою очередь, делятся на более мелкие составляющие – слоты³. Такой алгоритм помогает четко и понятно представить языковую картину мира, скрытую в том или ином виде дискурса.

Первоначально когнитивные методики применялись при исследовании газетного, политического и рекламного текстов. Позднее возникли попытки использовать концепцию метафорических моделей при анализе художественных произведений (Н. В. Головенкина⁴, Е. Б. Рябых⁵, О. В. Тимофеева⁶, Э. Р. Хамитова⁷, О. М. Холомеенко⁸), что вызвало определенные трудности. Во-первых, в художественном дискурсе часто обнаруживаются сложные развернутые метафоры, в которых один троп может наслаиваться на другой. Соответственно, это усложняет выделение метафорических моделей. Во-вторых, довольно широкие рамки художествен-

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва. Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

² Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. 151 с.

³ Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. С. 71.

⁴ Головенкина Н. В. Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 22 с.

⁵ Рябых Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2006. 24 с.

⁶ Тимофеева О. В. Метафора в художественной репрезентации мира: на материале произведений английских и американских писателей: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Москва: Военный университет, 2011. 16 с.

⁷ Хамитова Э. Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX - XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. 24 с.

⁸ Холомеенко О. М., Сарыева М. М. Концептуальная метафора как средство выражения культурных кодов в художественном тексте // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 9 (111), 2023. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15937> (дата обращения: 09.02.2025).

ного текста позволяют метафорам по-разному функционировать, что также необходимо учитывать при их анализе.

В результате исследований метафор в разных видах художественного текста была выработана методология для разрешения сложившихся трудностей. Для решения первой проблемы предлагаем выделять не только метафорические модели, но и формулы¹. В рамках преодоления второй проблемы предлагаем использовать не только когнитивный, но и стилистический подход. В результате считаем необходимым определить ключевые (доминантные) и второстепенные метафорические модели, учитывая их стилистическое окружение в контекстах². Полагаем, что применение совокупности методик когнитивной лингвистики и традиционной стилистики позволит провести наиболее детальный анализ и получить предельно объективные результаты.

Основная часть

При внимательном прочтении повести Дж. Лондона «Зов предков» было обнаружено 23 метафоры со сферой-источником «Музыка». Как правило, подобные тропы описывают объекты и явления окружающего мира с помощью музыкальных образов. Рассмотрим их подробно в контекстах повести.

Вследствие полученного стресса при переезде в Канаду у Бака обостряется древний инстинкт, который уподобляется звукам музыки. Сначала это происходит при восприятии ночного воя собак в упряжке, а потом и диких волков в лесу. Следовательно, в авторской картине мира Дж. Лондона вой животных и инстинкт Бака – это одно целое. Как результат, сфера-магнит в метафорической модели усложняется, и она приобретает вид метафорической формулы: «Вой собак (волков) + инстинкт = музыкальное звучание», где «вой собак (волков) + инстинкт» — это сфера-магнит, тогда как «музыкальное звучание» является сферой-источником.

Фрейм «Вой собак (волков) + инстинкт» включает несколько аспектов, которые можно оформить в виде слотов.

Слот «Выживание»

Вой и инстинкт для Бака – это стремление выжить, несмотря на все лишения: тяжелые нагрузки, холод и темноту. Ср.:

*And his cadences were their cadences, the cadences which voiced their woe and what to them was the meaning of the stiffness, and the cold, and dark*³.

¹ Камышева О.С. Когнитивное исследование музыкальных метафор в поэме У. Уитмена «Песня о себе» // Вестник Череповецкого государственного университета. № 4 (97), 2020. С. 137–148.

² Камышева О. С. Ключевая метафора рэгтайма и второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка» в романе Э.Л. Доктору «Рэгтайм» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 2 (50), 2021. С. 250–253.

³ Лондон Дж. Зов предков; До Адама: повести; на англ. яз. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 30.

...this song of the huskies might have been the defiance of life... with long-drawn wailings and half-sobs, and was more the pleading of life, the articulate travail of existence¹.

Слот «Связь с предками»

Вой и инстинкт связаны с предками и их диким образом жизни. Ср.:

It was an old song, old as the breed itself – one of the first songs of the younger world in a day when songs were sad².

... he may be seen running at the head of the pack through the pale moonlight or glimmering borealis, leaping gigantic above his fellows, his great throat a-bellow as he sings a song of the younger world, which is the song of the pack³.

Слот «Единство с дикими животными»

Вой и инстинкт – это единение с дикими животными, свободными и независимыми от мира людей. Ср.:

Deep in the forest a call was sounding, and as often as he heard this call, mysteriously thrilling and luring, he felt compelled to turn his back upon the fire and the beaten earth around it, and to plunge into the forest, and on and on, he knew not where or why; nor did he wonder where and why, the call sounding imperiously, deep in the forest⁴.

Таким образом, в метафорической картине мира повести Дж. Лондона «Зов предков» детально представлен инстинкт Бака. Во-первых, он неразрывно связан с воем собак и волков, что значительно усложняет метафорическую модель и превращает ее в формулу. Во-вторых, сфера-магнит имеет несколько граней, что позволило выделить во фрейме несколько слотов: «выживание», «связь с предками» и «единство с дикими животными».

В метафорической формуле «Вой собак (волков) + инстинкт = музыкальное звучание» неоднозначно раскрывается и сфера-источник. Фрейм «Музыкальное звучание» представлен в нескольких слотах.

Слот «Музыкальная модуляция»

Вероятно, вой собак обладал определенным мелодическим рисунком, что отразилось в использовании термина «каденция» (типизированный гармонический оборот, завершающий любое музыкальное построение). Ср.:

¹ Лондон Дж. Зов предков; До Адама: повести; на англ. яз. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 42.

² Там же.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 85.

And his cadences were their cadences, the cadences which voiced their woe and what to them was the meaning of the stiffness, and the cold, and dark¹.

Слот «Ноктюрн»

Вой собак можно было услышать ночью, поэтому писатель сравнивает его не только с песней, но и с ноктюрном (музыкальный термин «ноктюрн» произошел от французского *nocturne* – «ночной») и означает небольшую пьесу лирического содержания). Ср.:

Every night, regularly, at nine, at twelve, at three, they lifted a nocturnal song, a weird and eerie chant, in which it was Buck's delight to join².

Слот «Песня»

Зов предков – это старая песня, которая возникла еще при зарождении мира. Минорный лад звучания этой мелодии охарактеризован в метафоре грустного настроения (наблюдается наложение метафор). Ср.:

It was an old song, old as the breed itself – one of the first songs of the younger world in a day when songs were sad³.

Слот «Лад»

Метафорическая песня собак, как и их непростая жизнь, была печальной. Тем самым актуализировался минорный лад звучания. Ср.:

...this song of the huskies might have been the defiance of life, only it was pitched in minor key, with long-drawn wailings and half-sobs, and was more the pleading of life, the articulate travail of existence⁴.

Слот «Звучание нот»

Ближе к концу повести музыкальным мотивом наделяется вой волков.

Первоначально «зов предков» просто «звучит», однако позже обретает форму нот. Ср.:

And closely akin to the visions of the hairy man was the call still sounding in the depths of the forest⁵.

¹ Лондон Дж. Зов предков; До Адама: повести; на англ. яз. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 30.

² Там же. С. 42.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 102.

*From the forest came **the call (or one note of it, for the call was many-noted)**, distinct and definite as never before, - a long-drawl howl, like, yet unlike, any noise made by husky dog¹.*

Слот «Крещендо»

Далее наблюдается усиление звучания, которое достигается путем употребления эпитетов в сравнительной степени. Ср.:

*But after two days **the call in the forest began to sound more imperiously than ever**².*

*It was the call, **the many-noted call, sounding more luringly and copellingly than ever before**³.*

Слот «Хор»

Вой волков в диком лесу звучит как единый хор, выражая согласие принять Бака в свою стаю. Ср.:

*... He stood up, listening and scenting. From far away drifted a faint, sharp yelp, followed by **a chorus of similar sharp yelps**⁴.*

*The wolves swung behind, **yelping in chorus**⁵.*

Таким образом, в повести Дж. Лондона «Зов предков» инстинкт Бака репрезентирован через разные аспекты музыкального звучания, что позволяет понять и почувствовать переживания главного героя.

Следует обратить внимание на повтор одних и тех же метафор с некоторыми вариациями, что, возможно, свидетельствует о неотступном проявлении инстинкта Бака. Вместе с тем все вышеупомянутые метафоры наделены положительной коннотацией. Вероятно, это указывает на то, что, несмотря на все трудности, «зов предков» вызывал у Бака радостные и приятные эмоции, которые помогали псу жить и выживать.

Итак, согласно проведенному анализу, инстинкт Бака передан в развернутой метафорической формуле: «Вой собак (волков) + инстинкт (выживание + связь с предками + единство с дикими животными) = музыкальное звучание (каденция + ноктюрн + песня + минорный лад + звучание нот + крещендо + хор)».

Отметим, что метафоры данной формулы встречаются на протяжении всего художественного произведения. Это дает нам основание считать их доминантными.

¹ Лондон Дж. Зов предков; До Адама: повести; на англ. яз. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 103.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 118.

Как отмечает А.П. Чудинов, такие метафоры «организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия»¹.

При развертывании доминантной метафорической формулы находят место и второстепенные музыкальные метафоры. Считаем, что их роль не менее важна, поскольку они также позволяют передать внутреннее состояние и мироощущение Бака.

Тяжелую жизнь Бака скрашивает окружающий его живописный пейзаж севера. Обладая тонким слухом собаки, он прекрасно улавливает шум природы, который, вероятно, вызывает у него эстетическое наслаждение. В результате возникает метафорическая модель «Шум природы – звучание музыки». Во фрейме «Шум природы» можно выделить следующие слоты.

Слот «Звуки сверчков»

Стрекотание сверчков уподобляется пению. Ср.:

Crickets sang in the nights, and in the days all manner of creeping, crawling things rustled forth into the sun².

Слот «Звуки птиц»

Голоса птиц традиционно сопоставляются с пением или песней. Ср.:

*Squirrels were chattering, **birds singing**, and overhead honked the wild-fowl driving up from the south in cunning wedges that split the air*³.

*And here, lying by the river bank through the long spring days, watching the running water, listening lazily to **the songs of birds** and the hum of nature, Buck slowly won back his strength*⁴.

Вероятно, хлопанье крыльев куропаток воспринимается Баком как удары в барабаны. Ср.:

*For a day at a time he would lie in the underbrush where he could watch the partridges drumming and strutting up and down*⁵.

Слот «Журчание реки»

Журчание горных рек напоминает музыку невидимых фонтанов. В данном случае наблюдается наложение метафор. Ср.:

*From every hill slope came the trickle of running water, **the music of unseen fountains***¹.

¹ Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2003. С. 112.

² Лондон Дж. Зов предков; До Адама: повести; на англ. яз. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 75.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Там же. С. 103.

Таким образом, ряд второстепенных метафор можно объединить в метафорическую модель «Звуки природы – звучание музыки», в которой сфера-источник представлена «пением», «песней», «барабанной дробью» и «музыкой». Метафоры данной модели реализуют эстетическую функцию.

Остальные второстепенные метафоры разрознены. Они выступают некими штрихами, подчеркивающими внутренние качества главного героя.

Метафорическая модель «Звуки хлыста – пение, песня» вызывает у Бака положительные эмоции, поскольку с помощью хлыста хозяин наказал собаку, которая пыталась украсть еду Бака. Ср.:

As Buck sprang to punish him, the lash of Francois's whip sang through the air, reaching the culprit first, and nothing remained to Buck but to recover the bone².

Данная метафора повторяется в дальнейшем контексте, где Франсуа пытается приучить собак к дисциплине. Ср.:

Francois swore strange barbarous oaths, and stamped the snow in futile rage, and tore his hair. His lash was always singing among the dogs, but it was of small avail³.

Метафорическая модель «Восторг собаки от охотничьего инстинкта – звучащий хор» находит место в той части повести, где рассказывается, как одна из собак поймала дикого кролика. Предсмертные звуки жертвы вызвали у Бака восторг, сопоставимый со звучанием адского хора. Ср.:

It was Spitz. The rabbit could not turn, and as the white teeth broke its back in mid air it shrieked as loudly as a stricken man may shriek. At sound of this, the cry of Life plunging down from Life's apex in the grip of Death, the fall pack at Buck's heels raised a hell's chorus of delight⁴.

Тело Бака, подобно музыкальному инструменту, подстраивалось под вызовы окружающего мира. В данном случае можно охарактеризовать метафорическую модель «Физическая готовность – настройка». Ср.:

Every part, brain and body, nerve tissue and fibre, was keyed to the most exquisite pitch; and between all the parts there was a perfect equilibrium or adjustment⁵.

Таким образом, во второстепенных музыкальных метафорах повести Дж. Лондона «Зов предков» отражены эстетическое восприятие Баком природного мира севера, действия хозяина, которые вызывают одобрение, восторг главного героя, связанный с охотничьим инстинктом, а также приятные ощущения от прекрасной физической формы. Вместе с тем используются музыкальные ассоциации: «песня», «пение», «хор» и «настройка». Такие метафоры выполняют эстетическую, эмотивную и оценочную функции.

¹ Лондон Дж. Зов предков; До Адама: повести; на англ. яз. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 75.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 108.

Музыкальные метафоры в повести Дж. Лондона «Зов предков»
Сферы-магниты

Сферы-магниты	Количество метафор	В проценте от общего количества метафор
Вой собак (волков) + инстинкт (выживание, связь с предками, единство с дикими животными)	14	60,9
Шум природы (насекомых, птиц, реки)	5	21,7
Звук хлыста	2	8,8
Восторг от охотничьего инстинкта	1	4,3
Физическая готовность	1	4,3
Всего	23	100

Согласно результатам, представленным в таблице, больше половины исследуемых метафор относятся к доминантной метафорической модели, которая, как было сказано выше, имеет вид формулы. Такие тропы на протяжении всей повести раскрывают сущность древнего инстинкта собаки. Второстепенная метафорическая модель представлена единичными примерами, которые, однако, также позволяют читателю составить впечатление об образе главного героя.

Полагаем, что музыкальное звучание, которое выступает в качестве сферы-источника метафор, дает возможность показать внутреннюю гармонию Бака. Его дух не сломлен. Пес с достоинством преодолевает трудности, выпавшие на его долю, радуется тому, что у него есть и что его окружает, и в конце жизни, подчиняясь своему инстинкту (зову предков), становится абсолютно счастливым.

Выводы

В повести Дж. Лондона «Зов предков» обнаружены и проанализированы 23 метафоры со сферой-источником «Музыка». На первом этапе исследования была выделена метафорическая формула «Вой собак (волков) + инстинкт = музыкальное звучание», где «вой собак (волков) + инстинкт» – это сфера-магнит, в то время как «музыкальное звучание» является сферой-источником. Во фрейме «Вой собак (волков) + инстинкт» были определены следующие слоты: «выживание», «связь с предками» и «единство с дикими животными». Фрейм «Музыкальное звучание» включает слоты: «каденция», «ноктюрн», «песня», «минорный лад», «звучание нот», «крецендо» и «хор». Метафоры, относящиеся к данной метафорической формуле, определены как ключевые (доминантные), поскольку они встречаются на протяжении всей повести, объединяя текст основной темой в единое целое. На втором этапе были проанализированы второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка», некоторые из которых оформились в метафорическую модель «Шум природы – звучание музыки». Такие тропы передают звуки насекомых, птиц и рек, реализуя преимущественно эстетическую функцию: несмотря на тяжелый труд, главный герой замечает красоту природы севера. Остальные метафоры отличаются разрозненным характером, однако они репрезентируют важные качества внутреннего мира собаки:

одобрение справедливых действий хозяина, охотничий восторг и приятные ощущения от своей прекрасной физической формы. Вместе с тем используются музыкальные ассоциации: «песня», «пение», «хор» и «настройка», выполняющие эмотивную и оценочную функции. На третьем этапе были приведены количественные данные, которые показали, что более 60% исследуемых метафор относятся к выделенной метафорической формуле, что еще раз подтверждает их доминирующую роль в повести. Остальные (второстепенные) метафоры представлены единичными примерами и выступают в качестве штрихов, выполняя, тем не менее, важную роль в сюжете художественного произведения и подчеркивая значимые черты внутреннего мира главного героя.

Список литературы / References

Головенкина Н. В. *Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 22 с.

Golovenkina N. V. *Metaphorical modeling of reality in the artistic picture of the world by M. A. Bulgakov*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Cheliabinsk: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2007. 22 p. (In Russ.)

Камышева О. С. Ключевая метафора рэгтайма и второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка» в романе Э. Л. Доктороу «Рэгтайм». *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*, 2021, № 2 (50), с. 250–253.

Kamysheva O. S. The key ragtime metaphor and secondary metaphors with the source sphere "Music" in the novel "Ragtime" by E. L. Doctorow. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2021, no. 2 (50), pp. 250–253. (In Russ.)

Камышева О. С. Когнитивное исследование музыкальных метафор в поэме У. Уитмена «Песня о себе». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2020, № 4 (97), с. 137–148.

Kamysheva O. S. Cognitive research on musical metaphors in the poem "Song of myself" by W. Whitman. *Cherepovets State University Bulletin*, 2020, no. 4 (97), pp. 137–148. (In Russ.)

Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Lakoff J., Johnson M. *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.)

Лондон Дж. *Зов предков; До Адама*: повести. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. 270 с.

London J. *The Call of the Wild; Before Adam*: stories; in English. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2007. 270 p. (In Russ.)

Минский М. *Фреймы для представления знаний*. Москва: Энергия, 1979. 151 с.

Minsky M. *A framework for representing knowledge*. Moscow: Energiia, 1979. 151 p. (In Russ.)

Огнева Е. А. Модель «Суровый Север» в когнитивно-сюжетной матрице произведения Дж. Лондона «Зов предков». *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, №12 (48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.7> (дата обращения: 09.02.2025).

Ogneva E. A. Model "The Harsh North" in the cognitive-plot matrix of J. London's "The Call of the Wild". *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 12 (48). Available at: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.7> (accessed: 02.09.2025). (In Russ.)

Рябых Е. Б. *Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе: на материале русского и немецкого языков*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2006. 24 с.

Riabykh E. B. *Metaphorization of concepts of natural phenomena in poetic discourse: based on the material of the Russian and German languages*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina, 2006. 24 p. (In Russ.)

Тимофеева О. В. *Метафора в художественной репрезентации мира: на материале произведений английских и американских писателей*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Военный университет, 2011. 16 с.

Timofeeva O. V. *Metaphor in the artistic representation of the world: based on the works of English and American writers*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Moscow: Voennyi universitet, 2011. 16 p. (In Russ.)

Чудинов А. П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

Chudinov A. P. *Metaphorical mosaic in modern political communication*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2003. 248 p. (In Russ.)

Хамитова Э. Р. *Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX–XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. 24 с.

Khamitova E. R. *The conceptual metaphor "nature – man" in the Russian poetic worldview of the XIX – XX centuries: linguistic, cultural and lexicographic aspects*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2008. 24 p. (In Russ.)

Холомеенко О. М., Сарыева М. М. Концептуальная метафора как средство выражения культурных кодов в художественном тексте. *Universum: филология и искусствоведение*, 2023, № 9 (111). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15937> (дата обращения: 09.02.2025).

Kholomeenko O. M., Saryeva M. M. Conceptual metaphor as a means of expressing cultural codes in literary text. *Universum: philology and art criticism*, 2023, no. 9 (111). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15937> (accessed: 02.09.2025). (In Russ.)

Шилияев К. С. *Ключевая текстовая метафора: текстообразующий аспект: на материале произведений Дж. Лондона и их переводов*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. 23 с.

Shiliaev K. S. *The key textual metaphor: the text-forming aspect: based on the works of J. London and their translations*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2014. 23 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Сергеевна Камышева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>, olga.kamysheva.79@mail.ru, Шадринский государственный педагогический университет (д. 3, ул. К. Либкнехта, 641871 Шадринск, Россия); **Olga S. Kamysheva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>, olga.kamysheva.79@mail.ru, Shadrinsk State Pedagogical University (3, ul. K. Libknekhta, 641871 Shadrinsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 09.02.2025; Approved after reviewing 25.02.2025; Accepted for publication 10.09.2025.

Научная статья

УДК 81'373

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-8>

<https://elibrary.ru/phlodb>

Имена собственные в учебном проекте словаря военной лексики к роману Л. Н. Толстого «Война и мир»

Наталья Витальевна Козловская^{1✉}, Елена Владимировна Сергеева²,
Евгений Евгеньевич Силантьев³, Олеся Сергеевна Бахтина⁴,

¹Институт лингвистических исследований РАН,

^{1,2,3}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

⁴колледж Научно-технологического университета «Сириус»,

Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}mnegolosbyl@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>

²e.vlad.sergeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8866-4829>

³z_dec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2504-992X>

Аннотация. В статье отражены основные этапы работы по извлечению и лексикографированию имен собственных одного художественного произведения. Охарактеризованы общие принципы создания дифференциального объяснительного словаря военной лексики одного произведения Л. Н. Толстого – романа «Война и мир», подведены итоги первого этапа работы над проектом, связанным с формированием и систематизацией рабочего словника: путь «от семантического словаря к тексту» позволил создать 21 группу слов и словосочетаний, объединенных по тематическому и семантическому основаниям. Подробно охарактеризована структура словарной статьи, определяемой типом создаваемого лексикографического издания: дифференциальный объяснительный словарь одного произведения.

Показаны основные методы извлечения и семантической обработки имен собственных с помощью аналитических инструментов Национального корпуса русского языка и системы Sketch Engine. Введено понятие когнитивно значимого имени собственного. Отражены результаты совместной работы с коллективом молодых программистов «Сириуса» и конечный продукт: полный список имен собственных разных типов. Описана специфика словарной статьи к имени собственному, представлены примеры словарных статей к именам собственным разных типов, играющих важную роль в лексической структуре романа.

Ключевые слова: авторская лексикография, идиостиль Толстого, словарная статья, имя собственное, частота, энциклопедическая информация, конкорданс

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена «Русская литературная классика как основа национальной культуры: методология изучения в аспекте историко-культурного контекста».

Авторы статьи выражают благодарность участникам учебного лексикографического проекта Амаян Жаклин Музафферовне, студенту 4 курса колледжа Научно-технологического университета «Сириус», zhaklin6108440@gmail.com, Кольцовой Людмиле Андреевне,

© Козловская Н. В., Сергеева Е. В., Силантьев Е. Е., Бахтина О. С., 2025

обучающейся бакалавриата Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, lucy.koltsova@mail.ru, Кошелевой Веронике Алексеевне, студенту 4 курса колледжа Научно-технологического университета «Сириус», nika.kosheleva.06@mail.ru, Лучкину Льву Сергеевичу, обучающемуся Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, saga@kodeks.com.

Для цитирования: *Козловская Н. В., Сергеева Е. В., Силантьев Е. Е., Бахтина О. С.* Имена собственные в учебном проекте словаря военной лексики к роману Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 92–106. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-8>; EDN: PHLODB

Proper names in the dictionary of military vocabulary for L. N. Tolstoy's novel "War and peace" (training project)

Nataliia V. Kozlovskaya^{1✉}, **Elena V. Sergeeva**², **Evgeny E. Silant'ev**³, **Olesya S. Bakhtina**⁴,

¹The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
^{1,2,3}A. I. Herzen Russian State Pedagogical University,

⁴Sirius University of Science and Technology, Sirius Multidisciplinary Gymnasium
St Petersburg, Russia

^{1✉}mnegolosbyl@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>

²vlad.sergeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8866-4829>

³z_dec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2504-992X>

Abstract. The article reflects the main stages of the work on extracting and lexicography of proper names from one fictional work. The authors characterize general principles of compiling a differential explanatory dictionary of military vocabulary from L. N. Tolstoy's novel "War and Peace", sum up the results of the first stage of work on the project related to the formation and systematization of the vocabulary: the way "from semantic dictionary to text" made it possible to create 21 groups of words and phrases united on thematic and semantic grounds. The structure of a dictionary entry is determined by the type of lexicographic publication and described in detail: a differential explanatory dictionary of one work.

The main methods of extracting and semantic processing of proper names using analytical tools of the Russian National Corpus and the Sketch Engine system are demonstrated. The authors introduced the concept of a cognitively significant proper name, reflected the results of joint work with a team of young Sirius programmers and described the final product: a complete list of proper names of different types. The authors also reveal the specificity of the dictionary entry with a proper name; give examples of dictionary entries with proper names of different types, which play an important role in the lexical structure of the novel.

Keywords: authorial lexicography, Tolstoy's idiostyle, dictionary entry, proper name, frequency, encyclopedic information, concordance

Acknowledgements. The study was supported by the grant "Russian classic literature as the basis of national culture: methodology of study in the aspect of historical and cultural context" from A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

The authors express gratitude to the participants of the educational lexicographic project: Jacqueline M. Amalyan, a 4th year student from the College of the Sirius University of Science and Technology, zhaklin6108440@gmail.com, Lyudmila A. Koltsova, a student of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, lucy.koltsova@mail.ru, Veronika A. Kosheleva V, a 4th year student from the College of the Sirius University of Science and Technology, nika.kosheleva.06@mail.ru, Lev S. Luchkin, a student of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, saga@kodeks.com.

For citation: Kozlovskaya N. V., Sergeeva E. V., Silantyev E. E., Bakhtina O. S. Proper names in the dictionary of military vocabulary for L. N. Tolstoy's novel "War and peace" (training project). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 92–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-8>; EDN: PHLODB

Введение

Статья посвящена одному из аспектов проекта лексикографического описания военной лексики романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»: извлечение и лингвистическое описание имен собственных. Проект заключается в составлении монографического (один автор) дифференциального (милитарная лексика) многопараметрового (частота, краткая грамматическая информация, толкование, контекстуальный компонент, энциклопедические сведения) словаря. Однако чрезвычайно велика также его актуальность и значимость с точки зрения рассмотрения эстетического потенциала имен собственных в рамках лингвоэстетического анализа художественного текста – в плане приобретения эстетического значения этими именами собственными.

Проект реализуется как учебный: в работе участвуют преподаватели и обучающиеся – участники научного кружка филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. В 2025 году в проект для решения конкретных научно-практических задач были привлечены обучающиеся колледжа Научно-технологического университета «Сириус».

На первом этапе проекта проведена общая выборка по 4-м томам романа, в результате которой сформирован предварительный словник объемом около 4000 единиц. Итоги формирования рабочего словника авторского лексикографического проекта и анализ основных подходов представлены в статье Н. В. Козловской¹ и отражены в выступлениях участников проекта на конференциях студенческого научного общества РГПУ им. А. И. Герцена.

За основу системного представления военной лексики в романе «Война и мир» был взят синопсис, предложенный коллективом авторов «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой. На основе аналогичной методики создан идеографический классификатор исходного лексического словника с возможностью распространения перечня: путь «от семантического словаря к тексту» позволил выявить 21 группу слов и словосочетаний, объединенных по тематическому и семантическому основаниям.

Например:

войсковые, боевые построения, порядки, участки фронта (*каре, колонна, линия, фланг, фронт, эшелон*); чины, звания, военные профессии (*запавала, мушкетер, пехотный офицер, фейерверкер*); снаряды и боеприпасы (*брандскугель, мина, пуля*); военные документы (*депеша, диспозиция, рескрипт*); названия военного транспорта (*военный обоз, телега, транспорт, форшпан*); глаголы с обобщенным значением

¹ Козловская Н. В. Лексикографическое описание военной лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: от словника к словарной статье // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 96–108. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.1.10>.

разрушения (*вывести, громить, крушить, перевести, разгромить, разорить, убить*) и др.

Следующей задачей после проведения систематической классификации лексики и частотного анализа стала разработка словарной статьи. Она включает следующие части: вокабула, краткие грамматические сведения, двойной показатель частоты – по фрагменту и по всему тексту романа, толкование, контекстуальный компонент, краткие энциклопедические сведения. Системный подход к тексту обусловил включение в статью информации о текстовых синтагматических связях, дополняющих толкование и иллюстративный материал. Структура словарной статьи определяется типом создаваемого лексикографического издания: это дифференциальный объяснительный словарь одного произведения¹. Объектом описания является индивидуальная система словоупотребления Л. Н. Толстого. При составлении дефиниций используются исторические толковые словари и специальные источники.

Предполагаемая словарная статья содержит информацию, необходимую и достаточную для словаря-справочника, описывающего военную лексику одного художественного произведения. Составители считают, что содержательная информация не должна приноситься в жертву формальному единообразию словарных статей: в толкованиях ключевых слов необходимо учитывать принцип когнитивной значимости. В зоне толкований использованы (с указанием источника) определения академических толковых словарей, словарей редких и забытых слов, а также – в сокращенном виде – определения энциклопедических словарей, в том числе военно-исторических. Иллюстративный материал представлен по эпизоду и по всему тексту.

Проектируемый словарь продолжает традицию создания тематических авторских словарей и включает военную лексику, извлеченную методом двойной сплошной выборки из произведения Л. Н. Толстого. Особым объектом лексикографирования являются имена собственные разных типов.

Основная часть

Одним из важнейших является вопрос о границах словаря: если двигаться «от текста», возникает потребность расширить словник за счет значимых имен собственных. Разработка критериев отбора лексики и решение проблемы «пределов» словаря – важная задача, которая решалась на втором этапе работы.

Отбор и комментирование имен собственных представляет особую трудность. При составлении статей к именам собственным разных типов использовался принцип, реализованный в «Словаре редкой лексики по произведениям школьной программы» Е. В. Генераловой и А. А. Степихова: «Словарь призван помочь адекватному и полноценному восприятию непонятных слов (в том числе авторских окказионализмов) при чтении классической русской литературы и быть культурологическим и энциклопедическим справочником»².

¹ Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. Москва: Языки славянских культур, 2011. с. 15

² Генералова Е. В., Степихов А. А. «Словарь редкой лексики по произведениям школьной программы»: теоретические вопросы создания и методические перспективы использования //

По предварительным данным, в произведении использовано более 700 имен собственных. После составления основного рабочего словника перед участниками проекта встала задача формирования словника имен собственных с учетом содержания и параметров разрабатываемого словаря. В настоящей статье охарактеризовано несколько способов отбора: традиционный, корпусный (и их сочетание), а также «облако слов» как аналитический инструмент.

Сплошная выборка как традиционный метод составления словника представляется излишне трудоемкой. Поскольку текст романа неоднократно становился объектом разноаспектного филологического анализа, списки имен собственных введены в научный оборот: так, на портале tolstoy-lit.ru представлен «указатель собственных имен», составленный З. Н. Ивановой. В этот список входят топонимы разных типов, обозначения исторических событий, названия книг, различных произведений искусства и пр., однако в перечень не включены когнитивно значимые имена собственные, отражающие идиостиль Толстого и художественный мир романа: название пушки Матвевна, данное Тушиным, оним с приложением Кутузов-отец, используемый в солдатской песне, различные номинации Наполеона и некоторые другие.

При отборе имен собственных возникает проблема выделения критериев отбора и уточнения понятия «значимый», т. е. «имеющий значение, ценность в образной структуре произведения»¹. Очевидно, что критерий когнитивной значимости не всегда соотносится с понятием частоты: например, имя собственное *Павлоградский (гусарский полк)* используется 16 раз, а имя собственное *Матвевна* – только 3. Напомним, что данное обращение капитана Тушина к *большой крайней старинного литья пушке* употреблено в тексте всего три раза в рамках батального эпизода первого тома. Однако значимость этого эпизода и «ассоциативный заряд» слова-стимула *Матвевна* в сознании знающего текст настолько велика, что его можно отнести к прецедентным именам, репрезентирующим роман «Война и мир» как хорошо знакомый любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества (термин В. В. Красных)².

Роман известен широкому читателю в педагогической интерпретации – в учительских пересказах, в кратком содержании и иных доступных формах отражения текста в коллективном языковом сознании. Эпизод подвига батареи Тушина при Шенграбене, точнее, представление о нем – один из обязательных компонентов романа как прецедентного текста, следовательно, этот фактор необходимо учитывать при формировании словника собственных имен.

В указатель З. И. Ивановой не включен параметр частоты, однако количество номеров страниц к каждому имени собственному косвенно указывает на количество употреблений слова в романе (без конкретных показателей). Отметим также, что из

Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 1. С. 87. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-78-88>.

¹ Козловская Н. В. Лексикографическое описание военной лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: от словника к словарной статье // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 98. DOI 10.31912/pvrl-2024.1.10.

² Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2. С. 7–18.

четырёх имен императора Франции в указатель включены только два: *Наполеон* и *Бонапарт*.

Сделаем предварительный вывод: существующий список не обладает достаточной степенью полноты и точности, уточнение и дополнение списка представляются излишне трудоемкими задачами.

Составители смогли точнее очертить круг имен собственных, подлежащих анализу и описанию, обратившись к инструментам корпусных исследований, т. е. используя сочетание традиционного и нового подходов.

Анализ опубликованного указателя в сочетании с методом конкорданса на базе пользовательских подкорпусов в НКРЯ или Sketch Engine.

Согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), имя собственное *Штраух* встречается в окончательной редакции романа только один раз в контексте, который трудно назвать репрезентативным и интересным: *В то время как князь Андрей сошелся с Несвицким и Жерковым, с другой стороны коридора навстречу им шли Штраух, австрийский генерал, состоявший при штабе Кутузова для наблюдения за продовольствием русской армии, и член гофкригсрата, приехавшие накануне.*¹ Однократное употребление и невыразительность эпизода являются факторами невысокой когнитивной значимости имени собственного Штраух, которое было извлечено из списка объектов лексикографирования.

Второй путь извлечения имен собственных для включения в словник – обращение к аналитическому инструменту Wordlist (список частот) в системе Sketch Engine без заданных специальных частотных характеристик на базе пользовательского подкорпуса, созданного составителями на основе предварительно обработанного текста романа, из которого были извлечены примечания, сноски, редакторская информация, знаки разметки (рис. 1).

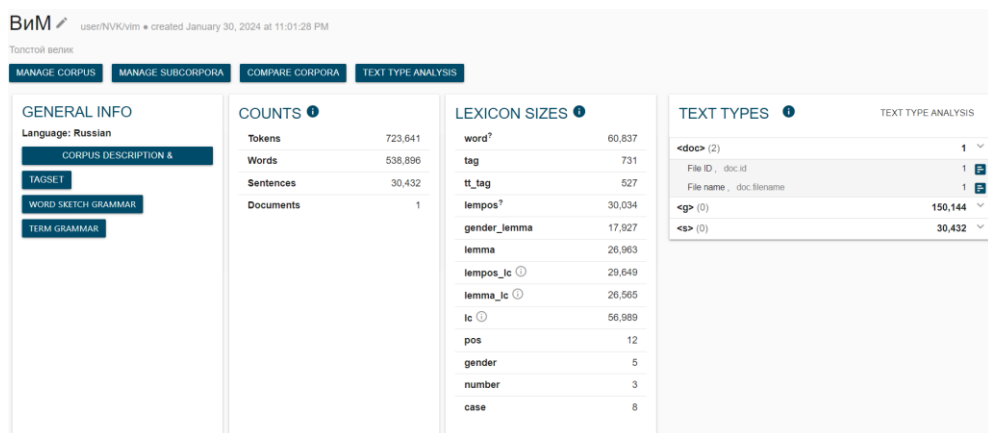

Рис. 1. Параметры пользовательского подкорпуса «Война и мир» (Вим) в системе Sketch Engine

¹ Л. Н. Толстой. Война и мир / Том первый (1869) (здесь и далее цитируется по: <https://tolstoy.ru>).

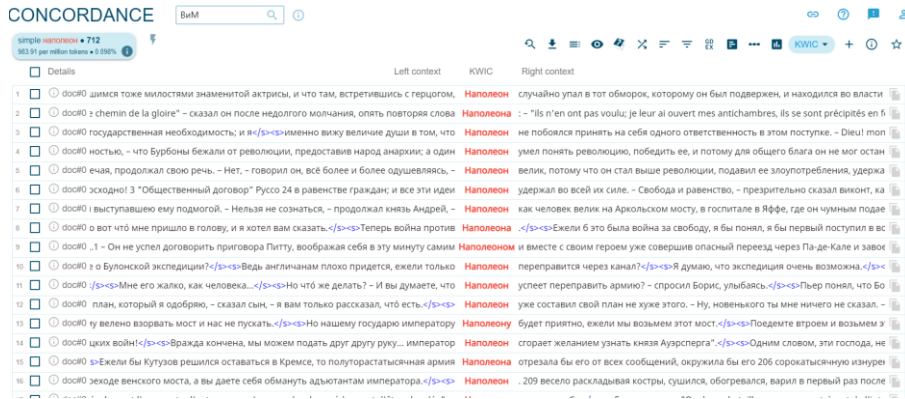

Рис. 3. Конкорданс к имени собственному *Наполеон* в системе Sketch Engine

Помимо традиционных корпусных технологий, статистическую оценку текста и первоначальную выборку слов можно осуществлять с помощью инструментов компьютерных библиотек. В поисках инструментов по автоматическому выявлению значимых имен собственных в тексте авторы статьи провели небольшой эксперимент по созданию «облака слов» к конкретным текстовым фрагментам. Для эксперимента были выбраны три фрагмента: полные описания Шенграбенского и Бородинского сражений, а также блок философских рассуждений Толстого о философии истории в конце романа. В рамках статьи ограничимся примерами из наиболее значимого батального эпизода – Бородинское сражение.

Текст фрагмента был обработан с помощью библиотеки *rumorphu2*, позволяющей определить начальную форму каждого слова в тексте, его частотную принадлежность и другие грамматические характеристики. Следующим шагом стала фильтрация слов по длине и исключение служебных слов, которые могут исказить общую картину анализа. На основе полученного частотного словаря сформировано облако слов (количество выбранных единиц – 100) с помощью библиотеки *Wordcloud*, которая позволяет настроить визуальное представление облака слов, включая цвет фона, максимальное количество слов и размер изображения. Визуализация произведена средствами библиотеки *Matplotlib*, широко применяемой для создания графиков и изображений в научных исследованиях.

Поскольку предметом статьи являются только имена собственные, остановимся на анализе «облаков существительных». В основе эксперимента лежит предположение о том, что в «облаке существительных» батального эпизода войдут наиболее значимые имена собственные, которые подлежат включению в словарь. Наиболее заметны в облаке на 100 немногочисленные имена собственные: *Наполеон* (размер шрифта визуализирует и подчеркивает значимость этой единицы в лексической структуре эпизода), *Москва*, *Шевардинский* (редут), *Бенигсен*, *Бородино*, *Семеновский* (рис. 4). Схема неидеальна: возможно, программа не опознала фамилию *Кутузов* как существительное и «вывела» ее за пределы облака – или облако отражает

реальные данные о частоте слова в эпизоде, в котором имя Кутузов менее значимо, чем Наполеон, Бородино и др.

Для уточнения данных о значимых именах собственных мы последовательно изменяли количество выбранных единиц: 100 – 200 – 300. При увеличении количества добавляются имена собственные (ИС): Барклай, Раевский, Мюрат, Шевардин, Бородинский, Татаринов (рис. 5–6).

Рис. 4. Облако существительных
к фрагменту «Бородино» (100 единиц)

Рис. 5. Облако существительных
к фрагменту «Бородино» (200 единиц)

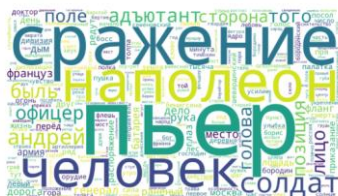

Рис. 6. Облако существительных
к фрагменту «Бородино» (300 единиц)

Полученные данные возвращают нас к проблемному вопросу о целесообразности включения: нельзя не заметить, что в центре Бородинского сражения у Толстого – Пьер и человек, что ставит проблему осмысления перспектив лексикографической интерпретации этих единиц.

Анализ текстового указателя имен, данных корпусов и экспериментальных «облаков слов», сгенерированных традиционными программными инструментами, позволил сделать выводы о том, что доступных, известных методов автоматического

выявления из текста имен собственных – по заданным характеристикам – не существует. В связи с этим авторами статьи поставлена задача разработки обучающего алгоритма нейросети, облегчающей данную задачу.

Следующий этап работы выглядит как своеобразное «возвращение на исходные позиции» и обучение нейросети автоматическому извлечению имен собственных. Однако данный этап представляется необходимым именно на финальной стадии составления уточненного полного рабочего словника. С целью получения размеченного текста с выделенными (подсвеченными) именами собственными был реализован совместный проект с обучающимися колледжа Научно-технологического университета «Сириус» (куратор – О. В. Бахтина). Мы сочли необходимым включение в статью краткого отчета технических специалистов¹.

Программисты выбрали библиотеку spaCy за ее простоту и готовый конвейер для NER-задач, включающий токенизацию, морфологический анализ и собственно выделение сущностей. Однако в процессе экспериментов стало ясно, что spaCy не справляется с узкоспециальными именами и терминами: полученный recall оказался слишком низким, а гибкости архитектуры явно не хватало для тонкой настройки на небольшом объеме данных.

Поэтому в следующей итерации программисты остановились на дообучении ruBERT — монолингвальной модели семейства Transformer, предобученной на огромном корпусе русскоязычных текстов, что сразу дает ей богатое понимание лексики и морфологии. Была сохранена схема отключения всех несущественных компонентов и проведено строгое выравнивание меток BIO на уровне субтокенов WordPiece, при этом «лишние» фрагменты разбивки получали метку –100, а продолжения сущностей переводились из B- в I-. Fine-tuning выполнялся с помощью Trainer из Hugging Face, с использованием стандартных настроек оптимизатора, при этом регулярно сохранялась версия с лучшим значением F1 на валидационной выборке. Такой подход позволил существенно поднять recall по узкоспециальным именам и терминологии, поскольку ruBERT учитывает контекст и грамматические формы русского языка, и одновременно сохранить высокий.

Таким образом, в дополнение к предварительному словнику в результате реализации совместного с программистами проекта был получен размеченный текст с выделенными именами собственными. Полученные данные легли в основу словарных статей к именам собственным.

Структура словарных статей к именам собственным особая: здесь нет зоны толкования, однако включена обширная энциклопедическая справка. Ее задача – не просто дать сведения о денотате, но связать исторические факты с действиями романа так, чтобы расширить исторический контекст для потенциального читателя.

Приведем примеры проектов словарных статей к именам собственным разных типов: название воинского подразделения (полка), гидроним и имена исторических персонажей. Цифры после вокабулы означают частотность по роману и по фрагменту, знак *D* открывает зону деривации, знак Σ – зону синтагматики, а знак \mathcal{E} указывает на зону энциклопедических справок.

¹ Отчет составлен Ж. М. Амаян и В. А. Кошелевой.

ПАВЛОГРАДСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК 4/4.

Гусарский Павлоградский полк стоял в двух милях от Браунау. Эскадрон, в котором юнкером служил Николай Ростов, расположен был в немецкой деревне Зальценек. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова, была отведена лучшая квартира в деревне. Т. 1, ч. 2, гл. IV. Вы, батюшка, в полку без году неделя; нынче здесь, завтра перешли куда в адъютантики; вам наплевать, что говорить будут: «Между павлоградскими офицерами воры!» А нам не все равно. Так, что ли, Денисов? Не все равно? Т. 1, ч. 2, гл. V. — Здесь-то я видел, ваше сиятельство, атаку павлоградцев, <...> Смяли два каре, ваше сиятельство. Т. 1, ч. 2, гл. XXI. Но левый фланг, который одновременно был атакован и обходим превосходными силами французов под начальством Ланна и который состоял из Азовского и Подольского пехотных и Павлоградского гусарского полков, был расстроен. Т. 1, ч. 2, гл. XIX.

□ Павлоградский, павлоградец.

▣ Павлоградский полк в делах потерял; служить в Павлоградском полку; павлоградскими офицерами; два эскадрона павлоградцев; к павлоградскому командиру; атаку павлоградцев; молодцы павлоградцы; дивизион павлоградцев

▣ Павлоградский гусарский полк сформирован 28.06.1783. Участвовал в рус.-австр.-франц. войне 1805 (сражался при Ламбахе, Шенграбене, Аустерлице), рус.-прусс.-франц. войне 1806-07 (сражался при Чарнове, Остроленке, Гольмине, Прейсш-Эйлау, Гейльсберге, Фридрихсбурге), походе в Галицию 1809.

ДУНАЙ -я, м. 14/16; нем. DIE DONAU 3/3 гидр. <...> русская тридцатипяти-тысячная армия, под начальством Кутузова, поспешно отступала вниз по Дунаю, останавливаясь там, где она бывала достигнута неприятелем, и отбиваясь арьергардными делами, лишь насколько это было нужно для того, чтоб отступить, не теряя тяжести. Т. 1, ч. 2, гл. IX. 28-го октября Кутузов с армией перешел на левый берег Дуная и в первый раз остановился, положив Дунай между собой и главными силами французов. 30-го он атаковал находившуюся на левом берегу Дуная дивизию Мортье и разбил ее. Т. 1, ч. 2, гл. IX. — Поедемте, говорят другие; и они отправляются и берут мост, переходят его и теперь со всею армией по сю сторону Дуная направляются на нас, на вас и на ваши сообщения. (реплика Билибина) Т. 1, ч. 2, гл. XII.

▣ На повороте Дуная; впадения Энса в Дунай; берег Дуная; на воду Дуная; за Дунаем горы; вниз по Дунаю; на той стороне Дуная; до устьев Дуная.

▣ После Волги самая большая река в Европе и самая важная по своему значению для населения Европы, так как она главный путь сообщения Средней Европы с Востоком. Брок. Ефр. Т. 21, стр. 232-237.

Особую сложность представляет лексикографирование имен собственных реальных исторических лиц, упоминаемых в романе. Так, имена Бельяр и Ланн, входящие в лексическую структуру двух значимых фрагментов (захват Таборского моста и

военный совет), отсылают читателя непосредственно к реальному историческому контексту.

Частота имени собственного *Бельяр* по НКРЯ низкая: Бельяр упоминается всего в трех текстах, один из которых — это историческая хроника, а оставшиеся два — «Война и мир». Маршал Ланн упоминается чаще — в 26 текстах, но частота как по фрагменту, так и по тексту у обоих имен низкая. Таким образом, можно говорить одновременно о редкости имен собственных и об их значимости для формирования историко-культурного подтекста произведения.

БЕЛЬЯР -а, м. 1/5. *На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюрат, Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост. (Заметьте, все трое гасконцы.) Господа,— говорит один,— вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован и что перед ним грозный tête de pont и пятнадцать тысяч войска, которому велено взорвать мост и нас не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будет приятно, ежели мы возьмем этот мост.* Т. 1, ч. 2, гл. XII.

☒ Мюрат, Ланн и Бельяр.

☒ Бельяр (Belliard) Огюст Даниэль (25.05.1769 – 28.01.1832), граф империи, франц. дивизионный генерал с 1800 г., но маршалом никогда не был. С 1805 начальник штаба резервной кавалерии Великой армии, отличился в кампаниях 1805 и 1806–07. С 12.06.1812 нач. штаба резервной кавалерии Великой армии, участвовал в сражениях при Островно, Смоленске, Бородине. Б. имел среди современников репутацию одного из самых способных генералов. Безот. Стр. 57–58.

ЛАНН -а, м. 4/4. *На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюрат, Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост. (Заметьте, все трое гасконцы.) Господа,— говорит один,— вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован и что перед ним грозный tête de pont и пятнадцать тысяч войска, которому велено взорвать мост и нас не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будет приятно, ежели мы возьмем этот мост.* Т. 1, ч. 2, гл. XII. *Но левый фланг, который единовременно был атакован и обходим превосходными силами французов под начальством Ланна и который состоял из Азовского и Подольского пехотных и Павлоградского гусарского полков, был расстроен.* Т. 1, ч. 2, гл. XIX. *Канонада и стрельба, сливаясь, гремели справа и в центре, и французские капоты стрелков Ланна проходили уже плотину мельницы и выстраивались на этой стороне в двух ружейных выстрелах.* Т. 1, ч. 2, гл. XIX.

☒ Мюрат, Ланн и Бельяр; под начальством Ланна; стрелков Ланна.

☒ Жан Ланн (фр. Jean Lannes) (10.04.1769–31.05.1809) – герцог, маршал Империи. С 1800 г. возглавил авангард резервной армии Наполеона. Л. внес значительный вклад в победу в сражении при Фридланде (1807). Имя маршала выбито на Триумфальной арке в Париже.

Приведенные примеры убеждают в важности обращения к энциклопедическим источникам и к исторической лексикографии для лексикографирования имен собственных, извлеченных из романа-эпопеи Толстого.

Выводы

Вычленение и лексикографирование имен собственных из художественного текста – сложная работа, основные этапы которой отражены в статье. Прделанный труд позволяет сделать вывод о необходимости сочетания корпусных методов исследования и методов работы с нейросетями с традиционной выборкой, которую целесообразно проводить по т. н. вторичному тексту исследовательского словника.

Словарная статья к имени собственному имеет особую структуру, из которой исключена дефиниция. Энциклопедическая информация в такой статье, как правило, преобладает над лингвистической.

Лексикографирование имен собственных способствует углубленному изучению историко-географического контекста романа и значительному уточнению фактуальной и содержательно-концептуальной информации произведения.

Составление учебного словаря к художественному тексту в студенческой аудитории в аспекте лексикографирования имен собственных решает весьма важные задачи.

Во-первых, это формирование лексикографической и культурной грамотности. Чтение словаря и разбор словарных статей – одна из полезнейших практик, но именно составление позволяет участникам проекта понять сущность и назначение каждого лексикографического параметра, осознать когнитивную значимость описываемой единицы.

Во-вторых, это практическое знакомство с методами – и традиционными, и новейшими: трудоемкая сплошная выборка, компонентный и дефиниционный анализ, овладение методами корпусной лингвистики.

В-третьих, это прагматически оправданная работа с лингвистическими и энциклопедическими словарями.

В-четвертых, это практическое знакомство студента с одним из важнейших направлений современной лексикографии – с авторской лексикографией. Участие обучающихся в составлении авторского словаря позволяет осознать, усвоить принципы составления такого словаря и понять, что каждый словарь, каким бы оригинальным ни была задумка его автором, является частью системы словарей и занимает свое место в типологии.

Наконец, это возможность применить в конкретном лексикографическом проекте методы корпусной лингвистики, объединяя таким образом методы различных направлений лингвистики, что весьма актуально в рамках современной научной парадигмы.

Несомненно, чрезвычайно важно проведенное исследование также в аспекте лингвоэстетического анализа художественного текста, поскольку демонстрирует эстетические возможности безобразной лексики. Помимо этого, рассмотрение имен собственных в романе Л. Толстого позволяет затронуть идеологические моменты, связанные с содержанием произведения, что способствует истинно патриотическому воспитанию молодежи.

Список литературы / References

Генералова Е. В., Степихов А. А. «Словарь редкой лексики по произведениям школьной программы»: теоретические вопросы создания и методические перспективы использования. *Русский язык в школе*, 2024, т. 85, № 1, с. 78–88. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-78-88>.

Generalova E. V., Stepihiov A. A. "A rare vocabulary dictionary based on school curriculum literature": theoretical issues of creation and methodological prospects for use. *Russian language at school*, 2024, vol. 85, no. 1, pp. 78–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-78-88>.

Глинкина Л. А. *Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка*. Москва: Мир, 2008. 428 с.

Glinkina L. A. *Illustrated explanatory dictionary of forgotten and difficult words of the Russian language*. Moscow: Mir, 2008. 428 p. (In Russ.)

Козловская Н. В. Лексикографическое описание военной лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: от словника к словарной статье. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2024, № 1, с. 96–108. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.1.10>.

Kozlovskaja N. V. Lexicographical description of the military vocabulary found in Leo Tolstoy's novel "War and Peace". *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2024, no. 1, pp. 96–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.1.10>.

Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований. *Вестник Московского университета*, серия 9: филология, 2013, № 2, с. 7–18.

Krasnykh V. V. Linguoculture as an object of cognitive studies. *Lomonosov Philology Journal*, 2013, no. 2, pp. 7–18. (In Russ.)

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Азбуконик, 1998–2007.

Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings; ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 1998–2007. (In Russ.)

Шестакова Л. Л. *Русская авторская лексикография: Теория, история, современность*. Москва: Языки славянских культур, 2011. С. 15.

Shestakova L. L. *Russian author's lexicography: Theory, history, modernity*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011. p. 15. (In Russ.)

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XXVI (51). Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1899. 500 с.

The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary: in 86 vols. (82 vols. and 4). Vol. XXVI (51). St Petersburg: Semenovskaja Tipolitografija (I. A. Efrona), 1899. 500 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Наталья Витальевна Козловская – доктор филологических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>, mnegolosbyl@gmail.com, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, заведующая кафедрой русского языка, Российский государствен-

ный педагогический университет им. А. И. Герцена (48, набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Nataliia V. Kozlovskaya** – Doctor of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>, mnegolosbyl@gmail.com, Leading Researcher at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Russian Language Department, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, nab. Reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Елена Владимировна Сергеева – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, <https://orcid.org/0000-0001-8866-4829>, e.vlad.sergeeva@gmail.com, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (48, набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Elena V. Sergeeva** – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Department, <https://orcid.org/0000-0001-8866-4829>, e.vlad.sergeeva@gmail.com, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, nab. Reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Евгений Евгеньевич Силантьев – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, z_dec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2504-992X>, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (48, набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Evgeny E. Silantsev** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, z_dec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2504-992X>, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, nab. Reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Олеся Сергеевна Бахтина – преподаватель колледжа Научно-технологического университета «Сириус», междисциплинарной гимназии «Сириус» (<https://college-it.ru/>); **Olesya S. Bakhtina** – Lecturer of the Russian language and literature, Sirius University of Science and Technology, Sirius Multidisciplinary Gymnasium (<https://college-it.ru/>).

Заявленный вклад авторов: Козловская Наталья Витальевна – 55 %, Сергеева Елена Владимировна – 15 %, Силантьев Евгений Евгеньевич – 15 %, Бахтина Олеся Сергеевна – 15 %. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Nataliia V. Kozlovskaya – 55 %, Elena V. Sergeeva – 15 %, Evgeny E. Silantsev – 15 %, Olesya S. Bakhtina – 15 %. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 05.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; Approved after reviewing 20.10.2025; Accepted for publication 05.11.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 107–120.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 107–120.

Научная статья

УДК 81`42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-9>

<https://elibrary.ru/rlqguk>

Сигналы времени в алтайских частушках советского периода

Ольга Викторовна Марьина^{1✉}, Вероника Юрьевна Краева²

^{1,2}Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

¹marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

²kraevaveronika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>

Аннотация. В статье обосновывается применение в работе аллюзивного подхода, обусловленного возможностью анализировать слова и их сочетания в частушках как сигналы времени. Благодаря этому появилась возможность определить, какие именно предметы быта, детали одежды были характерны для определенного времени (с 1920-х по 1950-е гг.), чем занимались герои, какие ситуации их волновали и др.

Представленные в исследовании выводы могут служить предпосылкой для дальнейшего анализа частушек как интеграционного явления, для изучения текстов данного жанра в динамике в зависимости от упомянутого в них времени.

Ключевые слова: сигналы времени, частушки советского периода, алтайские частушки, аллюзивный подход, смысловые группы частушек

Для цитирования: *Марьина О. В., Краева В. Ю.* Сигналы времени в алтайских частушках советского периода // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 107–120. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-9>; EDN: RLQGUК

Time signals in Altai ditties of the Soviet period

Olga V. Maryina^{1✉}, Veronika Yu. Kraeva²

^{1,2}Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia

¹marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

²kraevaveronika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>

Abstract. The use of the allusive approach in the work is due to the possibility of analyzing words and combinations as time signals, thanks to which it became possible to determine what household items, clothing details were characteristic of a certain time (from the 1920s to the 1950s), what the characters did, what situations worried them, etc. The conclusions presented in the work can become a prerequisite for further research of ditties as an integration phenomenon, for studying the texts of this genre in dynamics depending on the time mentioned in them.

Keywords: time signals, ditties of the Soviet period, Altai ditties, allusive approach, semantic groups of ditties

For citation: Maryina O. V., Kraeva V. Yu. Time signals in Altai ditties of the Soviet period. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 107–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-9>; EDN: RLQGUk

Введение

С позиции культурологического и исторического подходов оценка, понимание частушки, возможность отнесения её к определенной жанровой форме менялись на протяжении времени. Так, не все тексты, созданные в послереволюционные годы, по мнению некоторых исследователей (А. Мореевой, В. Сидельникова), можно назвать советскими. В указанную категорию следует включать лишь те произведения, темы которых «укладывались бы» в представление о счастливой жизни. Кроме того, с 1930-х гг. между советской и колхозной (деревенской) частушкой нельзя было поставить знак равенства именно потому, что последняя не отвечала идеологическим принципам общества, показывала жизнь простую, «низменную»¹. Анализ частушки – это один из путей изучения образа жизни и нравов молодежи, отношений между юношами и девушками². Она рассматривалась как фольклорный и музыкальный жанр, переходный, синкретичный³. Ее основное назначение – установление и поддержание коммуникации посредством исполнения произведения. Данный факт обуславливает появление в текстах частушек множественных прямых обращений (*Подруга моя, / Подруга задушевная, / Подруга, выручи меня / Из горя сокрушительного*). На близость говорящего / поющего и его собеседника / слушателя указывает и личное местоимение «ты» (*Ты пошёл, так иди, / Не скажу, что погоди. / Ты не то что нашей улицей, / Задами не ходи*) – это обращение к равному себе, знакомому, с кем находишься в тесных отношениях. В связи с необходимостью ответить собеседнику / перепеть партнера возникают диалоговые, или парные, частушки, которые построены по двум моделям: вопрос – ответ (1. *В поле рожь, в поле рожь, / Кто её посеял? / Распроклятую любовь, / Кто её затеял?* 2. *В поле рожь, в поле рожь / Мужики посеяли. / Распроклятую любовь / Мальчики затеяли*); история – новая история (1. *Меня милый провожал. / Крепко за руку держал. / Как до дому проводил. / Заиграл, пошел один.* 2. *Меня милый провожал / И сказал: «Уматывай! / Ягодиночка моя, / Тюрмы не зарабатывай!»*).

Изучение частушек лингвистами и литературоведами ведется по нескольким направлениям. Первое предполагает описание тематических групп, обусловленных определенным периодом или местом возникновения и бытования частушки. Второе направление связано с раскрываемым в тексте образом. Третье вызвано интересом к территориальным диалектам. Четвертое подразумевает частушек как жанра фольк-

¹ Буртин Ю. О частушках // *Новый мир*. 1968. № 1. С. 211–238.

² Шаповалова С. П., Истомина И. В. Отражение добрачных отношений в деревенской молодежной среде во второй половине XIX – начале XX вв. в народных частушках // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2016. № 1 (222). С. 101–108.

³ Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2004. 312 с.

лора. Пятое посвящено изучению языковых особенностей текстов частушек. Особое место в исследованиях произведений данного жанра отводится их классификации, имеющей различные основания. Согласно позиции И. В. Зырянова, необходимо учитывать тот факт, что жанр частушки активно развивается. Следовательно, все, что связано «с его генетическими истоками» и что возникает позднее, должно быть включено в типологию. Классификацию, предложенную данным исследователем, составляют восемь групп (лирические припевки, юмористические и сатирические куплеты, детские песенки, частушки-припляски, пословичные частушки, нескладухи-перевертыши, гимнические произведения и лозунговые частушки)¹. Некоторые из них утратили свою актуальность (например, детские песенки), какие-то продолжают существовать (преимущественно в репертуаре фольклорных коллективов). У С. Г. Лазутина в основе выделения групп частушек лежит композиционный принцип, обусловленный предназначением текста произведения, например, частушка-монолог или частушка-афоризм. Кроме того, исследователь обращает внимание на многострочную и четырехстрочную, одночастную и двучастную структуру частушки². З. И. Власова и А. А. Горелов определяют необходимость изучения частушек в зависимости от их принадлежности к одной из двух выделенных этими исследователями групп: объективно-лирической или субъективно-лирической³.

Основная часть

Методология исследования

Частушки представляют собой тексты, по отдельным словам, сочетаниям которых исследователи могут определять исторический период ее бытования, как совпадающий со временем создания, так и не совпадающий с ним. З. И. Власова и А. А. Горелов считают, что к частушкам «хронологический принцип неприменим потому, что, основываясь только на дате записи, исследователи не в праве прикреплять лирические произведения, подчас живущие в народе целые десятилетия, именно и только к этой дате»⁴.

Целью данной работы является описание сигналов времени, благодаря которым материал исследования (тексты частушек, собранные в ходе фольклорных практик в г. Барнауле Алтайского края с 1991 г. по 1996 г. авторами статьи (О. В. Марьиной, В. Ю. Краевой) и находящиеся в архиве кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета) может быть отнесен к советскому периоду возникновения, а в нем в свою очередь установлен более узкий временной промежуток. Слова, словосочетания, воспроизводимые в тексте, благодаря которым читатель понимает, какие предметы

¹ Зырянов И. В. Поэтика русской частушки. Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического института, 1974. 174 с.

² Лазутин С. Г. Русская частушка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1960. 263 с.

³ Власова З. И., Горелов А. А. Частушки в записях советского времени. Москва – Ленинград: Наука, 1965. 495 с.

⁴ Там же.

быта, детали одежды были характерны для определенного времени (создания и / или исполнения частушек), чем занимались герои в указанный период, ситуации, их волновавшие, – это знак, примета времени, то есть то, что определяет понятие «сигналы времени».

Наше исследование выполнено в русле аллюзивного подхода, активно используемого при изучении различного рода намеков, отсылок к ранее созданным текстам, историческим событиям, фактам, личностям и др. Предметом изучения в данной работе становятся приметы, сигналы – слова и сочетания слов, позволяющие определить, о каком времени идет речь в частушках. Н. А. Фатеева полагает, что в случае с аллюзией «заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка текста-донора, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы “за текстом” – только имплицитно»¹. То есть «текст-донор» является проводником в знания, которыми владеет говорящий и должен овладеть слушающий, чтобы раскодировать имеющуюся в тексте информацию. Для читателя частушки слово, указывающее на время, – это аллюзия, посредством которой выстраивается понимание всего текста и диалог между автором и читателем; это то, о чем М. М. Бахтин писал: «Диалогические отношения – <...> это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение»².

Аллюзивное слово или сочетание выступает в качестве знака ситуационной модели, с которой посредством ассоциаций соотносится текст, содержащий аллюзию³. Таким образом, понимание читателем частушки становится возможным, если аллюзивные отсылки – слова и выражения – не только оказываются понятными сами по себе, позволяют воспринимать текст в целом, но и указывают на определенное время.

Исследование и его результаты

В ходе работы с материалом мы выделили три смысловые группы частушек: *головной убор и одежда, время, предметы* – в каждой из них встречаются слова, выражения, которые позволяют соотнести «происходящее», «названное» в частушки с определенным временем.

Первая группа – *головной убор и одежда*

В анализируемых текстах упоминается **фуражка** (*Ты не стой у ворот, / Не маши фуражкой, / Я теперь не твоя, / Не зови милашкой*) – мужской головной убор, который ранее назывался «фуражная шапка» и являлся форменным головным убором в вооружённых силах и ведомствах различных государств; в русской армии с 1811 г. Сразу после Октябрьской революции фуражки в армии были заменены буденовками, но в 1924 г. снова стали предметом форменного обмундирования⁴. В словаре

¹ Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Москва: КомКнига, 2007. 282 с.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 424 с.

³ Христенко И. С. К истории термина «аллюзия» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1992. Вып. 6. С. 38–44.

⁴ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

И. В. Даля фуражка толкуется как «шапка известного происхождения», в качестве иллюстраций представлены словосочетания *форменная фуражка, гражданская фуражка, студенческая фуражка*¹. Фуражка в частушке не является форменным головным убором, начиная с 1920-х гг. её носят гражданские лица.

В одной из частушек (*Я любила Кольку – / Волоса под польку, а теперь Паишку – / Кудри под фуражку*), помимо фуражки, находим ещё несколько указаний на время действия. Первое – **волоса под польку** – имеется в виду стрижка, которая называлась «полька» / «под польку», пик ее популярности приходился на 1930–1940-е гг. Это видоизменение старинной стрижки «под горшок», пришедшей в Россию от Донского казачества. Существует мнение, что такую стрижку носили бедные люди, у которых не было возможности и необходимости обращаться к мастеру. Второе – **кудри под фуражку** – служит подтверждением представленного выше тезиса о том, что фуражку носили и гражданские лица, поскольку имеется указание на «кудри», которых не могло быть у военных.

Часто герой частушек носит **картуз** (*Ты не стой у ворот, / Не маши картузиком, / Я с тобой гулять не буду, / С таким карапузиком*) – 1. Мужской головной убор с козырьком, неформенная фуражка². То есть картуз – гражданская разновидность фуражки. В словаре В. И. Даля картуз понимается как «фуражка с козырьком, легкая летняя шапочка различного вида, кожаная или из ткани»³. Кроме того, автор обращается к слову «картузник(ница)» – делающий картузы, шапочник, фуражечник. Деривационно-синонимический способ толкования (включение слов «картуз» и «фуражка» в синонимический ряд) позволяет отметить одновременное существование названных головных ubopов начиная с 1920-х гг.

В частушках идет речь еще об одном головном уборе – о **кепке** (*У меня матаня был, / Звали его Михаил. / Черну кепочку во клеточку / Всегда с собой носил*). Кепка (кепи) изначально – 1. Форменная фуражка с небольшим твердым доньшком и с прямым козырьком, ранее носили в армиях некоторых стран и в русских мужских гимназиях в XIX в.⁴ О том, что кепка исходно не являлась гражданским головным убором, отмечается и в словаре В. И. Даля – это «шапка, фуражка прежнего военного покроя»⁵, что позволяет предположить более позднее распространение данного головного ubopа по сравнению с фуражкой и картузом среди гражданского населения. Кроме того, суффиксальное образование слова «кепка» от кепи также указывает на более позднее появление слова. В тексте частушки имеется «подсказка», касающаяся времени, о котором идет речь (*черну кепочку во клеточку*): кепка не однотон-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998. 3712 с.

² Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998. 3712 с.

⁴ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998. 3712 с.

ная (как было первоначально), значит, не форменная (как было до 1917 г.), а используемая гражданским населением в более поздний период.

Из предметов одежды упоминается **тужурка** (*Шурку бьют, / Тужурку рвут. / А я пала на него, / Не бейте Шурку моего*) – (франц. *toujours* – постоянно, всегда) – домашняя или форменная куртка, обычно двубортная¹; будничная одежда барынь, домашняя; будничный мужской сюртук, частный или форменный². В данном случае ключевыми словами в понимании названной универсальной одежды выступают «постоянно», «всегда», «будничный». Указанный вид одежды был распространен среди студентов (в словаре В. И. Даля в качестве примера приводится *студенческая тужурка*³), которые должны были носить тужурку как знак отличия, принадлежности к учебному заведению. Когда после революции форма была отменена, в тужурках ходили регулярно. Ношение данного вида одежды героем частушки обусловлено объективным фактором – отсутствием возможности разнообразить свой гардероб. Помимо этого, куртка как вид одежды, пришедший на замену тужурке, стал популярен только во время Второй мировой войны и после неё. То есть имеется в виду промежуток между 1920-м и 1940-м гг.

В частушках упоминается такой предмет одежды, как **кофта** (*Вася, Вася, я снялася / В белой кофте под ремень, / Не в которой я хотела, / А в которой ты велел*). С одной стороны, это часть гардероба, имеющаяся и у современного человека. С другой стороны, обращение к словарю⁴ позволяет выявить иное значение: «2. Прост. название женской блузки». Слово «кофта» было заимствовано в русский язык в XVIII веке и называло «женскую куртку разного покроя», но употребляться в значении «блузка – плечевая женская и для девочек одежда длиной до бедер и ниже» стало только к концу XIX века, когда в женском гардеробе лиф окончательно занял самостоятельную позицию⁵. Одежда белого цвета всегда считалась классической и одновременно нарядной. В связи с этим обратимся еще к одному слову – «снялася», то есть сфотографировалась. Этот процесс предполагал тщательную предварительную подготовку (в том числе выбор одежды для особого случая). Фотоателье находились в городах, и сделать фотографию на память оказывалось целым событием. Белый цвет кофты также указывает на время: до конца XIX вв. одним из негласных правил, касающихся одежды снимающегося, был ее темный (черный) цвет.

Из обуви в частушках упоминаются **ботиночки** (*Попляшите-ка, ботиночки, / Вам больше не плясать. / Выйду замуж, буду плакать, / Вам на полочке лежать*) как вид невысокой обуви на шнурках, пуговицах или молнии, которая закрывает тыль-

¹ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998, 3712 с.

³ Там же.

⁴ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998, 3712 с.

ную часть стопы и нижнюю часть голени выше лодыжки¹. Если ботинки – полусапожки женские, сапожки с короткими поротыми голенищами, на завязках, застежках, то боты – мужские полусапожки, ботинки². Это разделение произошло в XX в., тогда как в XIX в. они означали обувь, подходящую представителям обоих полов. В России ботинки пришли на смену сапогам и получили распространение у женщин уже в XX в., вероятнее всего, в качестве обуви «на выход» (рабочей по-прежнему остаются сапоги). Внимание к «ботиночкам» в текстах частушек подтверждает данный факт: девушки надевали их по особым случаям, в том числе на вечерки (*Я на том на берегу / Ботиночки оставила. / Песни складывать меня / Изменушка заставила*).

Вторая группа – время

Прямым или косвенным указанием на время в частушках может служить упоминание происходящих событий, исторических деятелей, мест и др. Так, в одном из текстов (*У моего у милого / Да еще у милого / Чуб большой на кепке вьется, / Как у Ворошилова*) темпоральной отсылкой является сравнение «как у Ворошилова». Упоминание имени советского военачальника в песнях и частушках оказалось возможным только тогда, когда он стал известным на всю страну политическим деятелем, то есть после 1925 г., когда он был назначен наркомом по военным и морским делам, а позднее – наркомом обороны.

В следующей частушке упоминается об одном из увеселительных занятий молодых людей: *Я на речке, на дощечке / Дроби бить училась. / Я не знаю, почему / Измена получилась. Дроби бить – частить, часто и мелко переступать*³. Гуляния русской деревни Алтая соответствовали историческим истокам, но имели свои особенности. Во-первых, русские переселенцы принесли в Сибирь свои образцы веселья, традиции. Так, переселенцы из южнорусских губерний привезли с собой громкие пляски с частушками и «дробью» под гармонию. В говорах Алтая это закрепилось в выражениях *бить в подпляску* – «пристукивать чем-либо во время танца в ритм»; *плясать с припевом* – «плясать с частушками»⁴.

В нескольких текстах частушек упоминается комбинат (*Комбинат, комбинат, / Он работает водой. / Закрутил мою головушку / Мальчишка молодой* или *Комбинат, комбинат, / Чтob ты провалился, / На работе я была, / Мотанечка женился*). Опираясь на архивные документы, можно установить, какое предприятие Алтайского края имелось в виду и, следовательно, к какому времени можно отнести упоминание о нем. Так, одним из наиболее крупных проектов Генерального плана развития народного хозяйства на Алтае в 1928–1932/33 гг. оказалось строительство Барнауль-

¹ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Terra-Книжный клуб, 1998. 3712 с.

³ Там же.

⁴ Краева В. Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. С. 124.

ского меланжевого комбината, запуск которого состоялся в 1934 г.¹ Вероятнее всего, в частушках речь идет именно о нем, а значит, о времени после 1934 г.

Отдельные слова и выражения, встречающиеся в частушках, указывают на такую сторону жизни советского человека как защита родины, выполнение гражданского долга. Например: *Я миленка проводила / В Красну армию служить, / Мне такого уважительного / Больше не нажить*. Словосочетание «В Красну армию» связано с определенным историческим периодом – с 1918 г. по 1946 г., именно в это время вооруженные силы именовались как Рабоче-крестьянская Красная Армия. Слово «служить» в противовес слову «воевать» позволяет предположить, что речь идет о довоенном периоде, однако фатальность выражения «мне такого уважительного больше не нажить» теперь уже не исключает и участие «миленка»-солдата в боевых действиях (в связи с чем слова рассказчицы-героини выглядят как своеобразное прощание). На возможность участия в войне указывает и следующая частушка: *Пароход идет, / Вода кольцами, / Будем службу нести, / С добровольцами*. Добровольцами называли тех, кто вступал «в армию во время войны по собственному желанию, добровольно»². Не представляется возможным определить, о каком конкретно военном событии упоминается, не помогает в данном случае и слово «пароход», так как активное использование подобного вида судов закончилось во второй половине XX в.

В частушке *Дачная идет, / Семафор закрытый, / Получила письмецо – / Матанечка убитый* – упоминается электропоезд – *дачная*. Именно так местные жители называли пригородную электричку. В 1930-е и 1940-е гг. добраться до города можно было только на ней. Автобусные маршруты между населенными пунктами появились только после Великой Отечественной войны. Что касается семафора – сигнального устройства в виде мачты с установленными на ней подвижными крыльями и сигнальными фонарями, посредством которых машинисту поезда подаются сигналы, разрешающие или запрещающие движение поезда, то они (семафоры) просуществовали до 1950-х гг., а затем практически повсеместно были заменены светофорами³. Третьим временным маркером оказывается слово «убитый», подтверждающее период Великой Отечественной войны.

Третья группа – предметы

Окружающие героев предметы, вещи, которыми они пользуются, очень разные, часто связаны как с родом их деятельности, так и с личными интересами. Так, в частушках *Трактор идет, / Тракториста не видать. / Все платочки перемыла, / Не успела передать* и *Трактор идет, / Тракториста видно. / Все платочки перемыла, / Передать-то стыдно* повторяется слово «трактор» и производное от него – «тракторист». Упоминание самой машины и профессии, связанной с ее управлением и

¹ Бородин В. А. Становление промышленности Алтайского края (1900–1940 гг.). URL: <https://spa22.ru/altaj-promyshlennyj/stanovlenie-promyshlennosti-altajskogo-kрая-1900-1940-gg> (дата обращения: 25.12.2024).

² Словарь русского языка. Т. 1. А–Й. Москва: Русский язык, 1981, 696 с.

³ Энциклопедия техники. URL: <https://rus-technical-enc.slovaronline.com/4086-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 25.12.2024).

работой на ней, весьма частотно на Алтае, так как край является аграрным регионом страны. Отмеченные слова оказываются сигналом времени: выпуск отечественных тракторов в СССР был запущен в 1922–1923 гг., а масштабное производство сложилось только к 1930-м гг. Помимо этого в октябре 1941 г. Высший Совет народного хозяйства СССР принял постановление о строительстве Алтайского тракторного завода в г. Рубцовске. С 1944 г. начался выпуск данной сельскохозяйственной техники, однако серийное производство датируется 1950-ми гг.¹ Следовательно, начало периода определяется, но установить более четкие его рамки не представляется возможным.

В текстах частушек встречаются слова, свидетельствующие о вредных привычках героев. Например: *Милый курит папиросы, / Дым пускает на меня. / А я сразу догадалась: / Изменить хочет меня. Папироса* – бумажная трубочка, набитая табаком, для куренья². Отметим, что табачные фабрики появляются в России только в начале XX в., часть из них сохраняется и после революции. Очевидно, что широкому потребителю папиросы стали доступны тогда, когда в стране «стала налаживаться» жизнь, то есть не ранее второй половины 1930-х гг. (после первой пятилетки). В первую очередь папиросы становятся доступными горожанам и только потом жителям деревни. Во время Великой Отечественной войны папиросы выдавались исключительно офицерскому составу, а рядовые солдаты довольствовались самокрутками. Пик популярности и распространения папирос приходился на 1950-е гг.³

В ряде анализируемых текстов можно встретить упоминание о музыкальных инструментах, под аккомпанемент которых исполнялись частушки. Например: *Заиграла балалаечка / На каменном мосту, / Спородила меня мамочка / На горе, на тоску. Балалайка* как музыкальный инструмент был популярен на протяжении нескольких веков. Точно установить время, о котором идет речь в частушке, нельзя, но следует отметить, что пик популярности балалайки приходится на первую половину XX в.: до 1950-х гг. она «была очень популярна в крестьянских семьях»⁴. Об указанном временном периоде свидетельствует упоминание еще об одном музыкальном инструменте – **гармони**: *На гармошку новую, / Не вешай, милый, голову, / У тебя другая есть, / Надо быть веселому*. Интерес к ней, так же как и к балалайке, постепенно угасает в связи с переселением людей из деревни в города, то есть после войны⁵, хотя на окраинах, в рабочих районах, звук гармошки слышался вплоть до 1980-х гг.

¹ Завод «Алтайский трактор». URL: <https://alttrac.ru/catalog/info/istoriya-altaiskogo-traktornogo-zavoda> (дата обращения: 25.12.2024).

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998, 3712 с.

³ Музей торговли. Товарный словарь. URL: <http://www.mintorgmuseum.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴ Как и когда появилась балалайка. История возникновения балалайки. Сколько лет балалайке. URL: <https://sevenzip.ru/kak-i-kogda-poyavilas-balalaika-istoriya-vozniknoveniya-balalaiki-skolko.html> (дата обращения: 21.12.2024).

⁵ Кто и когда изобрел гармони? URL: <https://nauka.club/istoriya/kto-i-kogda-izobrel-garmon.html> (дата обращения: 21.12.2024).

В частушках встречается также предмет, знакомый по выражениям «язык как помело», «врать, что помелом мести» и др. Например: *Мой миленок – пьяница / Не велит румяниться, / А я схватила помело / И нарумянила его. Помело* – метелка из гусиных перьев для выметания из печи золы перед выпечкой хлебов¹. Временем его выхода из «активного» употребления можно считать середину 1950-х гг., что в большей степени обусловлено переездом жителей деревень в город. В данном случае, благодаря контексту самой частушки и лексикографическому описанию слова, представляется возможным установить время, которое может подразумеваться. «Румяниться», то есть прихорашиваться перед посиделками – вечерками; «гусиные перья» относятся к хозяйству, а именно к разведению домашних птиц; «выпечка хлебов» – все эти занятия во взаимодействии имели место не ранее второй половины 1920-х гг., когда было разрешено выйти из колхоза и (или) вернуться к индивидуальному хозяйству периода глобальной коллективизации. Кроме того, слово «румяниться» – прихорашиваться перед вечерками – сигнализирует об определенном временном периоде. Исследователи истории западносибирской деревни отмечают, что вечерки были самой распространенной формой молодежного досуга в деревне вплоть до 1930-х гг.²

Выводы

Изучение частушек с позиции аллюзивного подхода позволило выделить три тематические группы (*головной убор и одежда, время, предметы*). Это стало возможным благодаря словам и словосочетаниям – маркерам, содержащимся в текстах. Также в процессе анализа их значений и соотнесения с историческим контекстом употребления удалось установить время действий, о которых идет речь в частушках. Результаты применения названного подхода представляются весьма важными для лингвистики, культурологии и истории. Лингвисты получают возможность «оценить» изменение словарного запаса с позиции активного / пассивного, исконного / заимствованного; культурологи – соотнести фрагменты жизни обычного человека с национальными традициями и / или требованиями нового времени; историки – установить степень причастности «создателя» и «исполнителя» частушек к событиям страны в целом.

В группу *головной убор и одежда* входят такие слова, как *фуражка, картуз, кепка, тужурка, кофта, ботиночки*. Их использование в тексте и сам контекст позволили прийти к выводу, что данные предметы гардероба были распространены / популярны / использовались в особых случаях совершенно по объективным причинам – в период с 1920-х по 1940-е гг. не было возможности выбрать что-то другое.

К группе *время* отнесены слова *Ворошилов, комбинат, Красная Армия, пароход, добровольцы, дачная, семафор*. Это наиболее неоднородная категория, которую составляют в том числе имена собственные, оказалась наиболее значимой в установле-

¹ Словарь русских говоров Алтая. Т. 3, ч. II. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1997. С. 127.

² Бондаренко С. И. Организация «нового» досуга в повседневной жизни западносибирской деревни в 1920-е гг. История Алтайского края. XVII–XX вв. Научные и документальные материалы. Барнаул: Издательство БГПУ, 2005. С. 270–292.

нии соответствия текста частушки времени действия в них. С одной стороны, названные маркеры подтверждают результаты, полученные в ходе изучения первой группы (головной убор и одежда), имеется в виду период 1920-х – 1940-х гг., с другой стороны, позволяют «расширить» время действия в частушках до второй половины 1940-х гг., 1950-х гг.

В группу *предметы* входят такие слова, как *трактор, тракторист, папиросы, балалайка, гармонь, помело*. Работа со словарными статьями, контекст позволяют выделить для данной категории временной промежуток с начала 1920-х гг. до 1950-х гг. Более точный период установить не представляется возможным, поскольку, появляясь, предметы бытуют на протяжении длительного времени, и даже если они вышли из употребления или утратили свое первоначальное предназначение, память о них продолжает жить главным образом в ближайшие к названным периоды.

Таким образом, изучение и описание языковых источников, собранных в ходе фольклорных практик, представляется актуальным и перспективным, а предложенный для работы с ними аллюзивный подход дает возможность их комплексного анализа, включающего лингвистические, культурологические и исторические аспекты, что способствует объективности и полноте исследования.

Список литературы / References

Адоньева С. Б. *Прагматика фольклора*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2004. 312 с.

Adon'eva S. B. *Pragmatics of folklore*. St Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2004. 312 p. (In Russ.)

Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979. 424 с.

Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p. (In Russ.)

Бондаренко С. И. Организация «нового» досуга в повседневной жизни западносибирской деревни в 1920-е гг. *История Алтайского края. XVII–XX вв. Научные и документальные материалы*. Барнаул: Издательство БГПУ, 2005, с. 270–292.

Bondarenko S. I. Organization of “new” leisure in everyday life of the West Siberian village in the 1920s. *History of the Altai Territory. XVII–XX centuries. Scientific and documentary materials*. Barnaul: Izdatel'stvo BGPU, 2005, pp. 270–292. (In Russ.)

Бородин В. А. *Становление промышленности Алтайского края (1900–1940 гг.)*. URL: <https://spa22.ru/altaj-promyshlennyj/stanovlenie-promyshlennosti-altajskogo-kraya-1900-1940-gg> (дата обращения: 25.12.2024).

Borodin V. A. *Development of the industry of the Altai Territory (1900–1940)*. Available at: <https://spa22.ru/altaj-promyshlennyj/stanovlenie-promyshlennosti-altajskogo-kraya-1900-1940-gg> (accessed: 25.12.2024). (In Russ.)

Буртин Ю. О частушках. *Новый мир*, 1968, № 1, с. 211–238.

Burtin Iu. About ditties. *New World*, 1968, no. 1, pp. 211–238. (In Russ.)

Власова З. И., Горелов А. А. *Частушки в записях советского времени*. Москва – Ленинград: Наука, 1965. 495 с.

Vlasova Z. I., Gorelov A. A. *Chastushkas in Soviet-era recordings*. Moscow – Leningrad: Nauka, 1965. 495 p. (In Russ.)

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Москва: Terra-Книжный клуб, 1998. 3712 с.

Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Vol. 1–4. Reprint reproduction of the 1903–1909 edition. Moscow: Terra-Knizhnyi klub, 1998. 3712 p. (In Russ.)

Завод «Алтайский трактор». URL: <https://alttrac.ru/catalog/info/istoriya-altaiskogo-traktornogo-zavoda> (дата обращения: 25.12.2024).

Altai Tractor Plant. Available at: <https://alttrac.ru/catalog/info/istoriya-altaiskogo-traktornogo-zavoda> (accessed: 25.12.2024). (In Russ.)

Зырянов И. В. *Поэтика русской частушки*. Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического института, 1974. 174 с.

Zyrianov I. V. *Poetics of Russian ditty*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1974. 174 p. (In Russ.)

Как и когда появилась балалайка. История возникновения балалайки. Сколько лет балалайке. URL: <https://sevenzip.ru/kak-i-kogda-poyavilas-balalaika-istoriya-voznikoveniya-balalaiki-skolko.html> (дата обращения: 21.12.2024).

How and when the balalaika appeared. The history of the balalaika. How old is the balalaika. Available at: <https://sevenzip.ru/kak-i-kogda-poyavilas-balalaika-istoriya-voznikoveniya-balalaiki-skolko.html> (accessed: 21.12.2024). (In Russ.)

Краева В. Ю. *Диалектная фразеология русских говоров Алтая: лингвокультурологический аспект*: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул: Издательство БГПУ, 2007. 255 с.

Kraeva V. Yu. *Dialectal phraseology of Russian local dialects of Altai: linguocultural aspect*: Cand. thesis in Philological sciences. Barnaul: Izdatel'stvo BGPU, 2007. 255 p. (In Russ.)

Кто и когда изобрел гармонь? URL: <https://nauka.club/istoriya/kto-i-kogda-izobrel-garmon.html> (дата обращения: 21.12.2024).

Who and when invented the button accordion? Available at: <https://nauka.club/istoriya/kto-i-kogda-izobrel-garmon.html> (accessed: 21.12.2024). (In Russ.)

Лазутин С. Г. *Русская частушка*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1960. 263 с.

Lazutin S. G. *Russian ditty*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1960. 263 p. (In Russ.)

Музей торговли. Товарный словарь. URL: <http://www.mintorgmuseum.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

Museum of Trade. Commodity Dictionary. Available at: <http://www.mintorgmuseum.ru/> (accessed: 25.12.2024). (In Russ.)

Орленко Л. В. *Терминологический словарь одежды*. Москва: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.

Orlenko L. V. *Terminological dictionary of clothing*. Moscow: Legprombytizdat, 1996. 344 p. (In Russ.)

Словарь русских говоров Алтай. Т. 3, ч. II. Барнаул: Издательство Алтайского гос. университета, 1997. 191 с.

Dictionary of Russian local dialects of Altai. Vol. 3, Part II. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997. 191 p. (In Russ.)

Словарь русского языка. Т. 1. А–Й. Москва: Русский язык, 1981. 696 с.

Dictionary of the Russian language. Vol. 1. A–J. Moscow: Russkii iazyk, 1981, 696 p. (In Russ.)

Фатеева Н. А. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. Москва: КомКнига, 2007. 282 с.

Fateeva N. A. *Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality*. Moscow: KomKniga, 2007, 282 p. (In Russ.)

Христенко И. С. К истории термина «аллюзия». *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 1992, вып. 6, с. 38–44.

Khristenko I. S. On the history of the term “allusion”. *Lomonosov Philology Journal*, 1992, iss. 6, pp. 38–44. (In Russ.)

Шаповалова С. П., Истомина И. В. Отражение добрачных отношений в деревенской молодежной среде во второй половине XIX – начале XX вв. в народных частушках. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 2016, № 1 (222), с. 101–108.

Shapovalova S. P., Istomina I. V. Premarital relations in the peasant youth environment in the second half of the 19th – early 20th centuries as reflected in folk chastushkas. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*, 2016, no. 1 (222), pp. 101–108. (In Russ.)

Энциклопедия техники. URL: <https://rus-technical-enc.slovaronline.com/4086-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 25.12.2024).

Encyclopedia of technical equipment. Available at: <https://rus-technical-enc.slovaronline.com/4086-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80> (accessed: 25.12.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Викторовна Марьяна – доктор филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>, marina_olvik@mail.ru, Алтайский государственный педагогический университет (55, ул. Молодежная, 656031 Барнаул, Россия); **Olga V. Maryina** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>, marina_olvik@mail.ru, Altai State Pedagogical University (55, ul. Molodezhnaia, 656031 Barnaul, Russia).

Вероника Юрьевна Краева – кандидат филологических наук, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>, kravaveronika@mail.ru, Алтайский государственный педагогический университет (55, ул. Молодежная, 656031 Барнаул, Россия); **Veronika Yu. Kraeva** – Candidate of Philologi-

cal Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>, kraevaveronika@mail.ru, Altai State Pedagogical University (55, ul. Molodezhnaia, 656031 Barnaul, Russia).

Заявленный вклад авторов: Марьина О. В. – разработка концепции, написание 60 % статьи, Краева В. Ю. – написание 40 % статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Olga V. Maryina – concept development, 60 % of the article, Veronika Yu. Kraeva – 40 % of the article. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 19.02.2025; Approved after reviewing 25.07.2025; Accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 121–132.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 121–132.

Научная статья
УДК 82-1/-29
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-10>
<https://elibrary.ru/tpcgfe>

**Пейзаж в романе в стихах «Судьба» А.-К. Залимханова
и проблема преемственности поэтических традиций А. С. Пушкина**

Джаннет Бадировна Темуркаева¹,
Сабина Низамиевна Ханбалаева^{2✉}, Разият Абдуллаевна Ахмедова³

¹ МБОУ СОШ № 59 им. А. Г. Николаева,
Махачкала, Россия

² Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия

³ ГБУ «ИнгНИИ» им. Ч.Э. Ахриева,
Магас, Россия

¹temurkaeva1985@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-4484-3483>

^{2✉}sabinamgimo@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8142-2074>

³raziyathanum@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6437-590X>

Аннотация. Творческое освоение наследия А. С. Пушкина, определившего художественное сознание многих национальных писателей XX века, является актуальной проблемой современного литературоведения. В данной статье предпринята попытка обнаружить пушкинские традиции в создании образов природы в произведении кумыкского поэта А.-К. Залимханова «Судьба». В этом романе в стихах природа становится метафорой движения жизни, а смена времен года определяет хронологию сюжета. Реалистично изображенная дагестанская природа отражает среду обитания кумыкского народа, создавая картину быстро меняющегося мира, в который вплетены судьбы героев. Пейзаж в романе «Судьба»

А.-К. Залимханова, как и в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, используется для изображения чувств и переживаний героев, служит средством раскрытия их внутреннего мира, а также является фоном для авторских лирических отступлений, значительных событий эпохи, для замедления или ускорения повествования.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, кумыкская поэзия, А.-К. Залимханов, пейзаж, роман в стихах, «Судьба», пушкинские традиции, дагестанская литература

Для цитирования: Темуркаева Д. Б., Ханбалаева С. Н., Ахмедова Р. А. Пейзаж в романе в стихах «Судьба» А.-К. Залимханова и проблема преемственности поэтических традиций А. С. Пушкина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 121–132. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-10>; EDN: TPCGFE

**Landscape in the novel in verse “Fate” by A.-K. Zalimkhanov
and the problem of continuity of A. S. Pushkin’s poetic traditions**

Jennet B. Temurkaeva¹, Sabina N. Khanbalaeva^{2✉}, Raziyat A. Akhmedova³

¹ Comprehensive Secondary School no. 59 named after A. G. Nikolaev,
Makhachkala, Russia,

² Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia

³ State Budgetary Institution “Ingush Research Institute of Humanities” named after Ch. E. Akhriev,
Magas, Russia

¹temurkaeva1985@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-4484-3483>

^{2✉}sabinamgimo@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8142-2074>

³raziyathanum@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6437-590X>

Abstract. The creative development of A. S. Pushkin’s heritage, which determined the artistic consciousness of many national writers of the 20th century, is a topical issue of contemporary literary studies. This article attempts to discover Pushkin’s traditions in creating images of nature in the work of the Kumyk poet A.-K. Zalimkhanov “Fate”. In this novel in verse, nature becomes a metaphor for the movement of life, and the change of seasons determines the chronology of the plot. The Dagestani nature realistically depicted in the novel reflects the habitat of the Kumyk people and creates a picture of a rapidly changing world with the fates of the characters woven into its plot. The landscape in A.-K. Zalimkhanov’s novel in verse “Fate”, as well as in A. S. Pushkin “Eugene Onegin” is used to depict the feelings of the characters, to reveal their inner world, is a background for reflecting the author’s lyrical digressions, significant events of the era, as well as for revealing, slowing down or accelerating the development of the plot.

Keywords: A. S. Pushkin, Kumyk poetry, A.-K. Zalimkhanov, landscape, novel in verse, “Fate”, Pushkin’s traditions, Dagestan literature

For citation: Temurkaeva J. B., Khanbalaeva S. N., Akhmedova R. A. Landscape in the novel in verse “Fate” by A.-K. Zalimkhanov and the problem of continuity of A. S. Pushkin’s poetic traditions. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 121–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-10>; EDN: TPCGFE

Введение

А. С. Пушкин является «культурным кодом», нравственным и художественным ориентиром для писателей XX века, что представляет собой неисчерпаемую тему в современном литературоведении, поскольку литературное наследие классика «на многие годы вперед определило развитие отечественной словесности»¹.

Творческое освоение поэзии А.С. Пушкина определило художественное сознание кумыкского поэта А.-К. Залимханова, что отразилось в описании пейзажей в его романе в стихах «Судьба».

¹ Журбин А. А. Пушкинские традиции в творчестве Леонида Губанова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskie-traditsii-v-tvorchestve-leonida-gubanova> (дата обращения 17.02.2025).

В статье использованы сравнительно-типологический и аксиологический методы, позволяющие более полно рассмотреть влияние и творческое освоение поэзии А.С. Пушкина современными национальными писателями Дагестана.

Методологической и теоретической основой данной статьи явились работы, посвященные творчеству А. С. Пушкина, таких ученых, как Н. А. Полевой¹, Г. С. Глебов², В. Б. Шкловский³, Д. Д. Благой⁴, Г. Н. Поспелов⁵, Ю. М. Лотман⁶, Ю. Н. Тынянов⁷, М. М. Журбин⁸, К. А. Кедров⁹, Н. А. Семенова¹⁰, а также дагестанских литературоведов: Г. Г. Гамзатова¹¹, Г. Г. Ханмурзаева¹², Г. Б. Мусахановой¹³, У. А. Батыровой¹⁴, Р. А. Ахмедовой¹, М. А. Гусейновой².

¹ Полевой Н. А. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Пушкина // Московский телеграф. 1833. Ч. 2. № 5. С. 43–51.

² Глебов Г. С. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 183–212.

³ Шкловский В. Б. «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. 221 с.

⁴ Благой Д. Д. «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Москва: Гослитиздат, 1960. 598 с.

⁵ Поспелов Г. Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман // Пушкин. Сборник статей / под редакцией А. Еголина. 1941. Москва: ОГИЗ, 1941. С. 75–155.

⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Ленинград: Просвещение, 1983. 416 с.

⁷ Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 52–78.

⁸ Журбин А. А. Пушкинские традиции в творчестве Леонида Губанова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskie-traditsii-v-tvorchestve-leonida-gubanova> (дата обращения 17.02.2025).

⁹ Кедров К. А. Человек и природа в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Писатель и жизнь: сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. Москва: МГУ, 1978. С. 146–152.

¹⁰ Семенова Н. А. Фольклорная традиция в пейзаже А. С. Пушкина: «Евгений Онегин», лирика. 2001. URL: <https://www.disserscat.com/content/folkloronaya-traditsiya-v-peizazhe-s-pushkina-evgenii-onegin-lirika> (дата обращения 17.02.2025).

¹¹ Гамзатов Г. Г. А. С. Пушкин и Кавказ: некоторые аспекты и проблемы // А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988. С. 11–20.

¹² Ханмурзаев Г. Г. Особенности отражения национального характера горца и принципы его художественного раскрытия в поэме А.С. Пушкина «Тазит» // А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988. С. 26–35.

¹³ Мусаханова Г. Б. Традиции Пушкина и творчество Расула Гамзатова // А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988. С. 35–44.

¹⁴ Батырова У. А. Некоторые параллели повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романа А.-Г. Ибрагимова «Аманхор» // А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988. С. 44–48.

Цель настоящего исследования заключается в глубоком анализе отражения пушкинских традиций в создании природных образов в романе в стихах А. К. Залимханова «Судьба», где метафорой динамики жизни служит смена времен года и пейзажных зарисовок, определяющая хронологию сюжета.

Обсуждение и результаты

Как доказывают труды Н. А. Полевого, Г. С. Глебова, В. Б. Шкловского, Д. Д. Благого, Г. Н. Поспелова, Ю. М. Лотмана, Ю. Н. Тынянова, М. М. Журбина, К. А. Кедрова, Н. А. Семеновой, А. С. Пушкин оказал значительное влияние на развитие жанра романа в стихах в многонациональной российской поэзии.

В «Евгении Онегине» А.С. Пушкин, «благодаря своему возвышенно-поэтическому дару, открыл внутреннее богатство человека, неразрывно связанного с красотой живой природы»³.

Влияние пушкинских традиций на дагестанскую литературу рассматривается в исследованиях таких литературоведов, как Г. Г. Гамзатов, Г. Г. Ханмурзаев, Г. Б. Мусаханова, У. А. Батырова, чьи статьи вошли в сборник «А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана».⁴

Однако творчество талантливого кумыкского поэта второй половины XX века А.-К. Залимханова до сих пор остается недостаточно изученным в литературоведении. Лишь немногие работы (статья М. А. Гусейнова⁵ «Удивительная “Судьба” Абдул-Керима Залимханова» и глава в книге Р. А. Ахмедовой⁶ «Любовь, достойная романа») затрагивают его литературное наследие.

Особое место в творчестве А.-К. Залимханова занимает роман в стихах «Судьба», в котором прослеживается глубокое осмысление традиций русского классика А. С. Пушкина.

В этом романе кумыкский поэт рассказал трогательную историю любви, основанную на автобиографических мотивах и отражающую сложные драматические события середины XX века. А.-К. Залимханов, следуя традициям русской классики, представил многогранное изображение жизни дагестанцев, кумыков и жителей села Утамыш в произведении, события которого развиваются в хронологической последовательности. Роман построен на двух сюжетных линиях: первая – любовь Юлдуз и

¹ Ахмедова Р. А. О благородстве, щедрости и чести. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2022. 288 с.

² Гусейнов М. А. С литературой наедине: По страницам национальной словесности. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2020. 256 с.

³ Глебов Г. С. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. Вып. 2. 194 с.

⁴ Пушкин А. С. и художественная культура Дагестана: сборник статей. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988. 106 с.

⁵ Гусейнов М. А. С литературой наедине: По страницам национальной словесности. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2020. 256 с.

⁶ Ахмедова Р. А. О благородстве, щедрости и чести. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2022. 288 с.

Мурата; вторая затрагивает ключевые периоды советской истории – 1930-1941 гг., Великую Отечественную войну, жизнь в тылу и послевоенные годы. Таким образом, временные рамки повествования охватывают три десятилетия – с 1930 по 1960 годы. Содержательная основа произведения обогащена авторскими рассуждениями, органично встроенными в сюжет: размышлениями о героизме и патриотизме, которые имеют глубокие корни в кумыкском и дагестанском фольклоре.

Как отмечает М. А. Гусейнов, в романе А.-К. Залимханова «Судьба» «романные традиции А. С. Пушкина гармонично усвоены и преломлены в художественной ткани»¹.

Подобно «Евгению Онегину», в произведении А.-К. Залимханова многие главы начинаются с пейзажных зарисовок или лирических отступлений, предвещающих новые сюжетные повороты.

Если у А. С. Пушкина значительная часть действия связана с деревенской темой, то у А.-К. Залимханова повествование насыщено описаниями его родного села Утамыш, которое в эпоху Петра I представляло собой Утамышский султанат.

В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин детально изображает долгую русскую зиму, чтобы подчеркнуть «русскость». При этом лето поэт называет «довольно скучной порой», уделяя ему всего четыре строчки, весне посвящает «единственное описание», а любимой осени – «одно лирическое отступление».

В противоположность этому А.-К. Залимханов в своем романе в стихах создает картину южной дагестанской природы, показывая красоту всех времен года. Следуя пушкинской традиции, автор начинает «Судьбу» с первой главы «Сюювно яшлары» – «Дети любви», представляя читателю пейзаж с горой Амин-тебе, который проходит через весь роман, меняясь в соответствии с разными временами года:

Тав башлагъа къалгъан бёркдей гийилип,
Булут тура гюргюрлейин гёпмеге.
Авуллардан къатарбашлар жыйылып,
Чана чаба минип Амин-тебеге².

Одев вершины гор, в папах,
Облака как индюки надулись.
Сорванцы из аулов гурьбою
В саях несутся с Амин-горы³.

Времена года и пейзажные зарисовки реалистично отражают природную среду кумыкского общества. Особенно интересно изображение весны как отражение зимы: автор отмечает, что снежная зима предвещает засушливую весну («Ойылны къышы

¹ Гусейнов М. А. С литературой наедине: По страницам национальной словесности. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2020. 155 с.

² Залимханов А.-К. Избранные произведения. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2000. Т. 1. С. 333.

³ В стихотворных текстах орфография и пунктуация авторов сохранены. – *Прим. ред.*

кърарлы, Язбашы кърургакъ геле» – «В тот год снежная зима / Весну засушливую принесла»).

Описание жаркого лета, когда люди с нетерпением ждут осадков для полива полей, сопровождается изображением народного обряда вызывания дождя: «Мевшевлер эте» – «Делают Мевшевлер». Таким образом, А.-К. Залимханов вводит в повествование кумыкские национальные обряды и фольклорные мотивы. В этом он близок А. С. Пушкину, чье глубокое познание народной культуры оказало значительное влияние на собственное творчество¹.

Особенно выразителен олицетворенный образ осени, представленный в лирическом отступлении автора как «плаксивый» («йылавуч»), растрепанный («чачал»).

Йылавуч гюз танг белгиде салгъан чыкъ
Къырав йимик сувукъ къувлуй тав якьда.
Денгиз устен чачал башын гѣтерип,
Туман чакьда-чакьда тюзге ел чыгъа².

Плаксивая осень с раннего утра моросит
Как иней холодный блестит на горе.
Из моря, подняв свою растрепанную голову
Туман стелется, направляя ветер на равнину.

В романе «Судьба» А.-К. Залимханов мастерски использует прием пушкинских лирических отступлений. Это одно из самых интересных композиционных художественных открытий классика, которое дает представление о вкусах и взглядах автора, отражает культурные особенности эпохи³.

Через этот прием создается динамичная картина изменяющегося мира, где переплетаются судьбы героев: Мурата, Юлдуз, Салимат, Хасболата, Ани и других персонажей.

Природа Утамышы выполняет важную характеризующую функцию, раскрывая внутренний мир героев. Как и А. С. Пушкин, А.-К. Залимханов использует антропоморфные эпитеты и сравнения при описании природы⁴.

Образ природы приобретает особую выразительность в главе «Яшав ёлну башында» – «В начале жизненного пути», где тоска молодого Мурата передается через сравнение отношений героев со взаимодействием Неба и Земли:

¹ Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 52–78.

² Залимханов А.-К. Избранные произведения. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2000. Т. 1. С. 489.

³ Ахмедова Р. А. О благородстве, щедрости и чести. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2022. 227 с.

⁴ Глебов Г. С. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. Вып. 2. 194 с.

Ярыкъларын базмайгъандай якъмагъа,
Кёк де, Ер де бозара бир-бирине.
Арив юзюн ачып аршгъа чыкъмагъа
Ай озенни отрасында кирине.
Къакъаларда сютдей туман акъса да,
Ахшам гёкге бояп тура бар затны.
Ата юртну алты айланып чыкъса да,
Сагъынгъаны тайп битмей Муратны¹.

Чтобы свет своим благосклонно осветить.
Небо и Земля высматривают друг друга.
Красивый лик, открыв и выйдя на простор
Посреди реки купается луна
Как молоко льется туман в ущельях
Вечером, в синеву окрашивая все вокруг.
Хоть шесть раз обойди аул отца
Не проходит тоска Мурата.

Романтический, мечтательный образ Юлдуз часто представлен на фоне беспокойного Каспийского моря, на берегу которого раскинулся Утамыш: «Ол маралны этегинден ай тувгъан» – «От подола этой красавицы родилась луна», «Денгиз йимик толкъунлана генг тёшю» – «Ее душа как море необъятна», «Гъар айтылгъан сёзю тенг бир алтынгъа» – «Каждое сказанное ею слово равно золоту», «Иржайыву исив бере арекден» – «Ее улыбка согревает издалека».

В главе «Гюндешлер» пейзажные зарисовки помогают автору раскрыть сложные человеческие взаимоотношения.

В главе «Яшыртгъын гёкюнч» – «Тайное разочарование» автор передает свою идею с помощью необычных, оригинальных сравнений, что в переводе на русский язык звучит примерно так: «Как будто река пеной вырвала края, а мост, как поперхнувшееся горло, хрипит» – «Ягъалагъа гёбюк къусгъан озенни Кёпюр бувуп-чырыллайгъан тамакъдай».

Образ горы Амин-тёбе вновь возникает в главе «Гечеги гъувун» – «Ночной переполох», где спокойная, умиротворенная природа с помощью сравнения и олицетворения противопоставляется поступкам людей: «Отемиш юрт къалгъый талгъан адамдай» – «Утамыш дремлет, словно уставший человек», «Чанг сыпатлы кёкге булут тёшелген» – «Как на пыльное лицо небо накрыла туча», «Маркачаны къанатыны тубюнде» – «Под крылом сумерек».

Реалистичные зимние пейзажи дагестанских снежных гор «тавлар къар сюрюлюп» – «горы снегом занесло» с их «щемящим блистанием» каплей дождя «йыртыллай» и воем вьюги «боран борай» предвещают тревожные события – вражду семей главных героев.

¹ Залимханов А.-К. Избранные произведения. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2000. Т. 1. С. 452.

Суровая горная зима выступает фоном для изображения событий Великой Отечественной войны в главе «Къувунлу заманлар».

Къышгъы юрт юн тютюлеген булкъадай.
Къар тобулгъан йимик тунукъ къырлагъа.
Чачал боран, чабанлашгъан бугъадай,
Къабургъасын хашый къаршы ярлагъа¹.

Зимнее село будто шерсть собралось чесать
Снега по колени намело на померкшую улицу.
Лохматый буран как нерасторопный бык
О скалы бок свой чешет.

А.-К. Залимханову удалось передать не только живописную красоту и национальный колорит природы Дагестана, но и благоухание осенних садов, созвучное радостному настроению героев в главе «Къайтыв» – «Возвращение».

Бир тамаша ийис геле бавлардан.
Октябрьны онгъан ойлю гюнлери.
Алысларда дангырлайгъан тавларда
Уча йырткъь булугланы юнлери².

Удивительный запах идет с садов.
В отцветающие, задумчивые октябрьские дни
Далеко в горах звеня,
Летают порванные облака как ключья шерсти.

Выводы

Таким образом, смена времен года и пейзажные зарисовки в романе «Судьба» А.-К. Залимханова служат метафорой изменчивой жизни, определяя хронологическую структуру сюжета.

Символический образ дагестанской природы в произведении раскрывает судьбы персонажей через выразительные описания родного Утамышы, дагестанских ландшафтов и Каспийского моря, отражающие национально-культурные традиции и эстетику кумыкского народа.

Особенность художественного восприятия природы А.-К. Залимхановым проявляется в доминировании временного аспекта над пространственным. Для поэта природа предстает живым организмом, на фоне которого особенно ярко проявляется жизнь его героев.

¹ Залимханов А.-К. Избранные произведения. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2000. Т. 1. С. 400.

² Там же. С. 564.

Лирические отступления в романе отличаются автобиографичностью, насыщены личными воспоминаниями автора.

Особое значение в композиции произведения приобретают дагестанские пейзажи, выполняющие в романе «Судьба» многофункциональную роль: передают эмоциональное состояние героев, создают атмосферу повествования, раскрывают внутренний мир персонажей, служат фоном для изображения военных событий середины XX века, регулируют темп развития сюжета и обрамляют авторские лирические отступления. Поэтический язык А.-К. Зелимханова, образный и многогранный, продолжает привлекать внимание исследователей и ценителей поэзии, открывая новые перспективы для литературоведческого анализа и художественного осмысления.

Список литературы / References

Ахмедова Р. А. *О благородстве, щедрости и чести*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2022. 288 с.

Akhmedova R. A. *About nobility, generosity and honor*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2022. 288 p. (In Russ.)

Батырова У. А. Некоторые параллели повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романа А.-Г. Ибрагимова «Аманхор». *А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей*. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988, с. 44–48.

Baturova U. A. Some parallels of A. S. Pushkin's story "The Captain's Daughter" and A.-G. Ibragimov's novel "Amankhor". *A. S. Pushkin and artistic culture of Dagestan: collection of articles*. Makhachkala: Tipografiia DagFAN SSSR, 1988, pp. 44–48. (In Russ.)

Благой Д. Д. Евгений Онегин. *Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т., т. 4*. Москва: Гослитиздат, 1960. 598 с.

Blagoi D. D. Eugene Onegin. *Pushkin A. S. Collected Works: in 10 vols., vol. 4*. Moscow: Goslitizdat, 1960. 598 p. (In Russ.)

Гамзатов Г. Г. А. С. Пушкин и Кавказ: некоторые аспекты и проблемы. *А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей*. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988, с. 11–20.

Gamzatov G. G. A. S. Pushkin and the Caucasus: some aspects and problems. *A. S. Pushkin and the artistic culture of Dagestan: collection of articles*. Makhachkala: Tipografiia DagFAN SSSR, 1988, pp. 11–20. (In Russ.)

Глебов Г. С. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике А. С. Пушкина. *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936, вып. 2, с. 183–212.

Glebov G. S. Philosophy of nature in Pushkin's theoretical statements and creative practice. *Pushkin. Chronicle of the Pushkin Commission*. Moscow, Leningrad: AN SSSR, 1936, iss. 2, pp. 183–212. (In Russ.)

Гусейнов М. А. *С литературой наедине: По страницам национальной словесности*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2020. 256 с.

Guseinov M. A. *With literature alone: Through the pages of national literature*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2020. 256 p. (In Russ.)

Журбин А. А. Пушкинские традиции в творчестве Леонида Губанова. *Вестник Астраханского государственного технического университета*, 2006, № 5 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskie-traditsii-v-tvorchestve-leonida-gubanova> (дата обращения 17.02.2025).

Zhurbin A. A. Pushkin's traditions in Leonid Gubanov's works. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2006, no. 5 (34). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskie-traditsii-v-tvorchestve-leonida-gubanova> (accessed: 17.02.2025). (In Russ.)

Зелимханов А.-К. *Избранные произведения*: в 2 т. Т. 1. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2000. 611 с.

Zalimkhanov A.-K. *Selected works*. Makhachkala Tipografiia DNTs RAN, 2000. vol. 1. 611 p. (In Russ.)

Кедров К. А. Человек и природа в романе Пушкина «Евгений Онегин». *Писатель и жизнь*: сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. Москва: МГУ, 1978, с. 146–152.

Kedrov K. A. Man and nature in Pushkin's novel "Eugene Onegin". *Writer and life: collection of historical and literary theoretical and critical art*. Moscow: MGU, 1978, pp. 146–152. (In Russ.)

Лотман Ю. М. *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий*. Ленинград: Просвещение, 1983. 416 с.

Lotman Ju. M. *Pushkin's novel "Eugene Onegin": commentary*. Leningrad: Prosveshchenie, 1983. 416 p. (In Russ.)

Мусаханова Г. Б. Традиции Пушкина и творчество Расула Гамзатова. *А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей*. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988, с. 35–44.

Musakhanova G. B. Pushkin's traditions and Rasul Gamzatov's works. *A. S. Pushkin and artistic culture of Dagestan: collection of articles*. Makhachkala: Tipografiia DagFAN SSSR, 1988, pp. 35–44. (In Russ.)

Полевой Н. А. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Пушкина. *Московский телеграф*, 1833, ч. 2, № 5, с. 43–51.

Polevoi N. A. "Eugene Onegin", a novel in verse. The work of Alexander Sergeevich Pushkin. *Moskovskii telegraf (Moscow Telegraph)*, 1833, part 2, no. 5, pp. 43–51. (In Russ.)

Поспелов Г. Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман. *Пушкин: сборник статей*, под редакцией А. Еголина. Москва: ОГИЗ, 1941, с. 75–155.

Pospelov G. N. "Eugene Onegin" as a realistic novel. *Pushkin. Collected articles*, edited by A. Egorin. Moscow: OGIZ, 1941, pp. 75–155. (In Russ.)

Семенова, М. А. *Фольклорная традиция в пейзаже А. С. Пушкина: («Евгений Онегин», лирика): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Волгоград: [б. и.], 2001. 219 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/folklorная-traditsiya-v-peizazhe-s-pushkina-evgenii-onegin-lirika> (дата обращения 17.02.2025).

Semenova N. A. *Folklore tradition in the landscape of A. S. Pushkin: ("Eugene Onegin", lyrics): Abstract Cand. Thesis in Philological Sciences*, 2001. Available at: <https://www.dissercat.com/content/folkloronaya-traditsiya-v-peizazhe-s-pushkina-evgenii-onegin-lirika> (accessed: 17.02.2025). (In Russ.)

Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина». *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: Наука, 1977, с. 52–78.

Tynianov Iu. N. About the structure of "Eugene Onegin". *Tynianov Iu. N. Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow: *Nauka*, 1977, pp. 52–78. (In Russ.)

Ханмурзаев Г. Г. Особенности отражения национального характера горца и принципы его художественного раскрытия в поэме А. С. Пушкина «Тазит». *А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей*. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1988, с. 26–35.

Khanmurzaev G. G. Characteristics of the highlander's national character reflection and the principles of its artistic disclosure in the poem of A. S. Pushkin "Tazit". *A. S. Pushkin and the artistic culture of Dagestan: collection of articles*. Makhachkala: Tipografiia DagFAN SSSR, 1988, pp. 26–35. (In Russ.)

Шкловский В. Б. «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн). *Очерки по поэтике Пушкина*. Берлин: Эпоха, 1923. 221 с.

Shklovskii V. B. "Eugene Onegin" (Pushkin and Stern). *Essays on Pushkin's poetics*. Berlin: *Epokha*, 1923. 221 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Джаннет Бадировна Темуркаева – и.о. директора, <http://orcid.org/0009-0002-4484-3483>, temurkaeva1985@mail.ru, МБОУ СОШ № 59 им. А. Г. Николаева (2, ул. 3-я Акгельная, 367000 Махачкала, Республика Дагестан, Россия); **Jennet B. Temurkaeva** – Acting Principal, <http://orcid.org/0009-0002-4484-3483>, temurkaeva1985@mail.ru, Comprehensive Secondary School no. 59 named after A. G. Nikolaev (2, ul. 3-ia Akgel'naia, Makhachkala, the Republic of Dagestan, Russia).

Сабина Низамиевна Ханбалаева – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка; <http://orcid.org/0000-0002-8142-2074>, sabinamgimo@mail.ru, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России (76, проспект Вернадского, 119454 Москва, Россия); **Sabina N. Khanbalaeva** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, the Department of the English Language, <http://orcid.org/0000-0002-8142-2074>, sabinamgimo@mail.ru, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (76, pr. Vernadskogo, 119454 Moscow, Russia).

Разият Абдуллаевна Ахмедова – доктор филологических наук, профессор, ст. научный сотрудник ГБУ Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч. Э. Ахриева (11, ул. Дошлако Мальсагова, 386001 Магас, Республика Ингушетия, Россия); **Raziyat A. Akhmedova** – Doctor of Philological Sciences, Professor, Senior Researcher, State Budgetary Institution "Ingush Research Institute of Humanities" named after Ch. E. Akhriev (11, ul. Doshlako Mal'sagova, 386001 Magas, the Republic of Ingushetia, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 09.03.2025; принята к публикации 24.04.2025.

The article was submitted 16.12.2024; Approved after reviewing 09.03.2025; Accepted for publication 24.04.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 133–140.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 133–140.

Научная статья
УДК 82–32:81–11:8–42
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-11>
<https://elibrary.ru/tvfrth>

**Многослойность жанрового дискурса м. е. Салтыкова-Щедрина.
Элегизм жанрового мышления в 1860-е гг.**

Сергей Михайлович Шаврыгин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия

svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>, SPIN 5293–9196

Аннотация. В статье рассматривается динамика жанрового мышления М. Е. Салтыкова-Щедрина в период 1858–1862 годов. Автор анализирует тексты, которые должны были образовать новый цикл «об умирающих», и отмечает, что писатель, как и в предыдущих произведениях, акцентирует внимание на темах взяточничества, деспотизма, лицемерия и помещичьего произвола, но теперь на первый план выходят настроение, самоощущение и душевные порывы представителей власти.

Особое внимание уделяется речеведческому аспекту и методу жанроведения, который позволяет понять индивидуальный феномен художественной речи Салтыкова-Щедрина. В статье также обсуждаются понятия жанрового фрейма, травестии и когниотипа жанра, которые помогают лучше понять процесс создания и развития художественных произведений писателя.

В тексте рассматривается присутствие элегических настроений и мотивов в юношеской лирике Михаила Салтыкова-Щедрина, а также их влияние на его художественный дискурс. Автор статьи отмечает, что, несмотря на быстрое разочарование Салтыкова-Щедрина в своем стихотворном увлечении, элегический жанр обогатил художественное творчество писателя.

Особое внимание уделяется роли элегических текстов в формировании замысла Салтыкова-Щедрина создать цикл произведений, посвященных теме умирания и смерти. Автор статьи анализирует, как элементы элегического жанра трансформируются в прозаическом сатирическом рассказе, и как они связаны с интенциональным и пропозициональным развертыванием темы смерти.

Статья также рассматривает переход от драматического к комическому эффекту в ранних текстах задуманного цикла, где тема смерти предстает в фарсовом ключе. Автор статьи выделяет персональную элегическую перспективу текста, включающую мотивы и концепты сентиментальной идиллии.

Ключевые слова: жанр, дискурс, фрейм, элегия, когниотип, травестия, М. Е. Салтыков-Щедрин

Для цитирования: *Шаврыгин С. М.* Многослойность жанрового дискурса М. Е. Салтыкова-Щедрина. Элегизм жанрового мышления в 1860-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 133–140. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-11>; EDN: TVFRTH

© Шаврыгин С. М., 2025

**The multilayered nature of M. E. Saltykov-Shchedrin's genre discourse.
The elegy of genre thinking in the 1860s**

Sergey M. Shavrygin

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”,
Moscow, Russia

svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>, SPIN 5293–9196

Abstract. The article examines the dynamics of M. E. Saltykov-Shchedrin's genre thinking in the period 1858-1862. The author analyzes the texts that were supposed to form a new cycle “about the dying” and notes that the writer focuses on the themes of bribery, despotism, hypocrisy and landlord arbitrariness, but now the mood, self-esteem and emotional impulses of the authorities come to the fore.

Special attention is paid to the linguistic aspect and the method of genre studies, which makes it possible to understand the individual phenomenon of artistic speech by Saltykov-Shchedrin. The article also discusses the concepts of genre frame, travesty, and genre cogniotype, which help to better understand the process of creating and developing the writer's fiction.

The text examines the presence of elegiac sentiments and motifs in Mikhail Saltykov-Shchedrin's youthful lyrics, as well as their influence on his artistic discourse. The author of the article notes that, despite the rapid disappointment of Saltykov-Shchedrin in his poetic passion, the elegiac genre enriched his artistic work.

Special attention is paid to the role of elegiac texts in shaping Saltykov-Shchedrin's idea to create a cycle of works focused on the theme of dying and death. The author of the article analyzes how the elements of the elegiac genre are transformed in a prose satirical story and how they relate to the intentional and propositional unfolding of the theme of death.

The article also examines the transition from dramatic to comic effect in the early texts of the cycle, where the theme of death appears in a farcical way. The author of the article highlights the personal elegiac perspective of the text, which includes motifs and concepts of sentimental idyll.

Keywords: genre, discourse, frame, elegy, cogniotype, travesty, M. E. Saltykov-Shchedrin

For citation: Shavrygin S. M. The multilayered nature of M. E. Saltykov-Shchedrin's genre discourse. The elegy of genre thinking in the 1860s. *Cherapovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 133–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-11>; EDN: TVFRTH

Введение

Динамизм жанрового мышления М. Е. Салтыкова-Щедрина и, как следствие, декриптивный характер его жанровой системы — основополагающие признаки художественного мира писателя, конституирующие появление и закрепление самых разнообразных жанровых систем и в итоге оригинальных межжанровых структур в его творчестве.

Характерно для Салтыкова-Щедрина эстетическое ощущение полной утраты цельности в жизни и в литературе, что приводило его самого к потере способности создавать системно целостные тексты и к попыткам обрести утраченную целостность в своих текстовых экспериментах конца 1850-х гг. Как отмечает А. С. Бушмин, «для Салтыкова пятилетие его литературной деятельности после “Губернских

очерков», то есть 1858–1862 годы, было периодом сложных идейно-творческих исканий»¹, колебаний, поисков не только идеологических и социально-политических, но и в первую очередь эстетических, попыток синтеза основ «нового языка литературы», индивидуальной художественно-эстетической системы.

Методология

На сегодняшний день речеведческий аспект, базирующийся на представлении о жанре как о модели высказывания в рамках определенных коммуникативных стратегий, является одним из самых востребованных методов жанроведения (генристики). Этот подход позволяет понять, «двигаясь» от автора, его замыслов и предварительных условий общения к способам языкового воплощения РЖ (речевого жанра. – С. Ш.), в которых для адресата закодирована вся необходимая для успешного общения жанровая информация»², индивидуальный феномен художественной речи, модель жанра и ее конкретное речевое выражение.

Речевая модель жанра обладает конститутивными признаками, основные из которых выделил М. М. Бахтин (П. Н. Медведев): тематическая ориентация жанра и тематическая проблема, то есть превращение фактов действительности в систему концептов (смыслов), их порождение и трансформация; трактовка темы как целого речевого выступления; высказывания как комплексы (фреймы, «материально выраженные внутренние акты ориентации человека в действительности», ведущие к ее пониманию); образ героя как единство одной жизни; единство фабулы/сюжета (сцены и сценария)³.

Т. В. Шмелева добавляет еще несколько признаков жанровой модели: коммуникативная цель, образ автора и его отношения с адресатом, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, языковое воплощение речевого жанра⁴. Все эти элементы образуют своеобразную когнитивную модель, схему или фрейм, применяемые для верификации и интерпретации жанра. Б. Пэлтридж считает ключевыми понятиями прототипы, наследование и интертекстуальность⁵.

Жанровый фрейм, или «коммуникативно-когнитивная модель, детерминирующая характер речемышлительной деятельности субъекта, его речевого поведения в рамках определенной коммуникативной ситуации и имеющая результатом своего действия речевые произведения определенного типа»⁶, может быть реализован в раз-

¹ Цит. по: Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Невинные рассказы. 1857–1863. Сатиры в прозе. 1859–1862. Москва: Художественная литература, 1965. С. 551.

² Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник статей. Саратов: Колледж, 1997. С. 90.

³ Бахтин М. М. [Медведев П. Н.]. Формальный метод в литературоведении. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. С. 175–191.

⁴ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник статей. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.

⁵ Paltridge B. Genr, frames, and writing in research settings. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing. 1997. P. 47–61. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(99\)00023-X](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00023-X)

⁶ Сологуб О. П. Особенности реализации жанрового фрейма в коммуникативной ситуации «обращение в официальную инстанцию» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2.

личных вариантах, в том числе как контаминированный, синкретичный фрейм, возникающий на основе межфреймовых связей и взаимоотношений. В художественном дискурсе могут быть выделены компоненты разных (по меньшей мере двух) жанровых фреймов и исследованы этапы и типы их взаимодействия, в результате которого формируется новая когнитивная структура¹, в дискурсе Салтыкова-Щедрина травестирующая накладывающиеся друг на друга компоненты взаимосвязанных жанровых фреймов.

В художественном дискурсе писателя преобладают приемы пародирования и гротескной фантастики. Процесс пародирования у Салтыкова-Щедрина сопровождается «деформацией каждого из жанровых параметров» (коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, временная перспектива, событийное содержание, языковое воплощение) и в целом жанровой модели². На наш взгляд, точнее говорить о травестировании жанровой модели (без ее разрушения). При этом «перелицовка осуществляется не только в сфере поэтической речи (фамильярно-площадная речь затопляет мир героя), но и на других структурных уровнях произведения. Формы времени и *хронотопа*, сюжетные *мотивы*, поэтика *композиции*, *образ автора* и *образ героя* – все претерпевает изменения»³ (Здесь и далее курсив наш. – С.Ш.). Результатом травестии у Салтыкова-Щедрина всегда становится абсурдный фарс.

Результаты исследования

В период 1858–1862 годов М. Е. Салтыков-Щедрин пишет тексты, которые должны были образовать новый цикл «об умирающих»: «Царство смерти» («Смерть Пазухина») (1857), явившее собой переход от «Губернских очерков» к новому циклу, «Яшенька» (1857), «Два отрывка из “Книги об умирающих”» (1858), «Генерал Зубатов» (1857) («Зубатов» 1859), «Гегемониев (Из книги об умирающих)» (1859), «Госпожа Падейкова (Из книги об умирающих)» (1859), «Погребенные заживо. Драматическая сцена» («Недовольные») (1859), «Скрежет зубовный», впоследствии отнесенные писателем к эпическому жанру «невинного» рассказа и на данном основании рассматриваемые только в рамках феноменологии этой формы. Изображая в перечисленных рассказах высшие слои губернской администрации, продолжая логику «Губернских очерков», писатель акцентирует внимание на темах взяточничества, деспотизма, лицемерия, помещичьего произвола. Однако теперь на первом плане оказываются настроение, самоощущение, душевные порывы представителей власти,

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-zhanrovogo-freyma-v-kommunikativnoy-situatsii-obraschenie-v-ofitsialnuyu-instantsiyu> (дата обращения: 15.01.2025).

¹ Иванова С. В., Артемова О. Е. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов преседентного жанра «Лимерик» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnyy-freym-kak-kognitivnaya-osnova-tekstov-pretседentnogo-zhanra-limerik> (дата обращения: 15.01.2025).

² Тарасова И. А. Когнитивные и языковые механизмы восприятия сатирической пародии (на материале «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Прозоров В. В. и др. Феноменология власти в сатире. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 232.

³ Жеребин А. И. Травестия // Новый филологический вестник. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travestiya> (дата обращения: 15.01.2025).

усиливается лирический модус художественного дискурса писателя, усложняется когнитивный жанра (ментально-лингвистический фрейм). Смешиваются когнитивные макроструктуры разных жанров, что и демонстрируют различные речевые фрагменты дискурса «об умирающих».

Смещение различных типов жанровых фреймов предполагал и сам автор, писавший И. С. Аксакову: «*Очерки, которые я готовлю... носят заглавие «Умирающие». Дело начинается запиской, в которой, в песенном складе, объясняется, как проснулся дурак-Иванушко, пошел на дорогу и встречает ветхих людей. Затем следуют четыре рассказа о ветхих людях: старый приказный, старый забулдыга, генерал-администратор и идеалист. В заключение: эпилог, в котором Иванушко-дурачок снова выступает на сцену: судит и рядит, сначала робко, а потом все лучше и лучше. Эпилог мною еще не написан, а он-то и будет в особенности труден, потому что я предположил употребить в дело сказочный тон, требующий очень много работы...»¹*

Однако основным коммуникативным событием, определяющим коммуникативную цель дискурса этого цикла, предстает событие «умирания, прощания». Поэтому жанрово-когнитивный анализ позволяет считать, что в перечисленных текстах писатель попытался в пародийно-сатирических целях связать эпическое слово с лирическим, соединив этологический рассказ с медитативной элегией.

Элегические настроения господствуют в юношеской лирике Салтыкова-Щедрина, некоторые стихотворения демонстрируют хорошее владение будущим сатириком этой поэтической формой («Вечер», опубликовано в журнале «Современник», 1845, № 3; «Зимняя элегия», опубликовано в журнале «Современник», 1845, № 1; «Весна (Из моих отрывков)», опубликовано в журнале «Современник», 1844, № 4). Мотивы романтической и философской элегии пронизывают переводы стихотворений Дж. Байрона («Когда печаль моя, как мрачное виденье...», «Разбит мой талисман, исчезло упоенье!»), лирических миниатюр Г. Гейне и В. Гюго: «неудовлетворенность жизнью, “злая печаль” от сознания разлада между юношескими идеалами и казарменным бездушием окружающей жизни»². И хотя писатель по причине послелицейского столкновения с действительностью быстро разочаровался в своем стихотворном увлечении и отзывался о нем саркастически, когнитивные макроструктуры элегического жанра обогатили художественный дискурс.

М. Е. Салтыков-Щедрин не был первым на пути создания особых межжанровых единств разнородных форм на основе элегического фрейма. До него подобные модели создавал Карамзин, стремясь сформировать прозаический эквивалент жанра, внося в структуру прозаических произведений элементы «лирических медитаций в прозе», ритмизованную медитацию в лирических отступлениях, повышенную эмоциональность и субъективность рассказа³.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Невинные рассказы. 1857–1863. Сатиры в прозе. 1859–1862. Москва: Художественная литература, 1965. С. 554–555.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. Художественная проза. Рецензии. Стихотворения. 1840–1849. Москва: Художественная литература, 1965. С. 446–447.

³ Вацуру В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 13.

Сама основная тема задуманного Салтыковым-Щедриним цикла – умирающие, умирание как процесс, смерть как итог – уже определяла элегический модус как основной, а элегические тексты (от А. П. Сумарокова до А. С. Пушкина) как претексты будущих произведений. С первого же рассказа писатель создает «психологическую ситуацию элегии»¹, используя память о классическом треносе, трансформированном в основное семантическое поле жанра: элегической скорби по чему-либо утраченному². Однако процедуры репрезентации элегических когнитивных полей, ассоциаций³ в дискурсе прозаического сатирического рассказа в разных текстах этого цикла различны.

В наиболее ранних текстах задуманного цикла: «Царство смерти» («Смерть Пазухина»), «Яшенька» (все — 1857 год), составляющих переходный тип дискурса от «Губернских очерков» к новым замыслам, элементы элегического когнитивного типа связаны прежде всего с интенциональным и пропозициональным развертыванием темы СМЕРТИ, темы, однако, трагестированной, вызывающей во многом противоположный драматическому эффект, перелицовывающей трагедию, которая предстает современными фарсом. В комедии «Царство смерти» (первоначальный вариант комедии «Смерть Пазухина») движение темы приобретает комический модус, так как акцентируется внимание не на самом умирающем герое, а на ожидании его смерти окружающими персонажами, каждый из которых одержим собственными корыстными интересами. Личностные модальности общающихся героев пересекаются, перекрещиваются, усиливают, конкретизируют друг друга, определяя общую модальную перспективу: стремление нажиться за счет богатства умирающего героя. Так возникает персональная элегическая перспектива текста, включающая мотивы и концепты сентиментальной идиллии, формирующая элегический текстовый модуль, соотносимый с одним из персонажей.

Заключение

Эти поиски и формирующиеся структуры сознания несколько прямолинейно интерпретировались исследователями в качестве основания для преобладания малых литературных жанров в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и невозможности появления в его библиографии большой формы. Столкновение жизненных стихий означает и противостояние, а затем инфильтрацию жанровых форм в литературе и появление новых жанровых моделей.

¹ Вацуру В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 18.

² Токарева Г. А. О жанре элегии и элегическом модусе // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanre-elegii-i-elegicheskom-moduse> (дата обращения: 01.02.2025). С. 8.

³ См. подробнее: Баранов А. Г. Когнитивность текста: (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 9–10.

Список литературы / References

Баранов А. Г. Когнотиичность текста: (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности). *Жанры речи*, 1997, № 1, с. 4–12. EDN: YNQGHR

Baranov A. G. Cognotipicity of the text: (on the levels of abstraction of textual activity). *Speech Genres*, 1997, no. 1, pp. 4–12. EDN: YNQGHR (In Russ.)

Бахтин М. М. [Медведев П. Н.]. *Формальный метод в литературоведении*. Нью-Йорк: Serebrianyi vek, 1982. 231 с.

Bakhtin M. M. [Medvedev P. N.]. *The formal method in literary studies*. New York: Silver Age, 1982. 231 p. (In Russ.)

Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». Санкт-Петербург: Наука, 1994. 240 с.

Vatsuro V. E. *The lyrics of Pushkin's time. "The Elegiac School"*. St Petersburg: Nauka, 1994. 240 p. (In Russ.)

Жеребин А. И. Травестия. *Новый филологический вестник*, 2008, № 2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travestiya> (дата обращения: 15.01.2025). EDN: MTASRD

Zherebin A. I. Travesty. *The New Philological Bulletin*, 2008, no. 2 (7). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/travestiya> (accessed: 15.01.2025). EDN: MTASRD (In Russ.)

Иванова С. В., Артемова О. Е. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «Лимерик». *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2005, № 3 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnyy-freym-kak-kognitivnaya-osnova-tekstov-pretседentnogo-zhanra-limerik> (дата обращения: 15.01.2025). EDN: IIQYCB

Ivanova S. V., Artemova O. E. The scene frame as a cognitive basis of texts belonging to the precedent genre of limerick. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2005, no. 3 (4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnyy-freym-kak-kognitivnaya-osnova-tekstov-pretседentnogo-zhanra-limerik> (accessed: 15.01.2025). EDN: IIQYCB (In Russ.)

Кольцов А. В. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1958. 305 с.

Koltsov A. V. *The complete collection of poems*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1958. 305 p. (In Russ.)

Салтыков-Щедрин М. Е. *Собрание сочинений: в 20 т.* Москва: Художественная литература, 1965–1977.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Collected works: in 20 volumes*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1965–1977. (In Russ.)

Сологуб О. П. Особенности реализации жанрового фрейма в коммуникативной ситуации «обращение в официальную инстанцию». *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2009, № 2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-zhanrovogo-freyma-v-kommunikativnoy-situatsii-obraschenie-v-ofitsialnyu-instantsiyu> (дата обращения: 15.01.2025). EDN: KVMKID

Sologub O. P. Specific realization of genre frame in the communicative situation of “appeal to official authority”. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2009, no. 2. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-zhanrovogo-freyma-v-kommunikativnoy-situatsii-obraschenie-v-ofitsialnuyu-instantsiyu> (accessed: 15.01.2025). (In Russ.) EDN: KVMKID

Тарасова И. А. Когнитивные и языковые механизмы восприятия сатирической пародии (на материале «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина). *Феноменология власти в сатире*. Саратов: Наука, 2008. С. 230–239.

Tarasova I. A. Cognitive and linguistic mechanisms of satirical parody perception (based on the material of “The History of a City” by M. E. Saltykov-Shchedrin). *Phenomenology of Power in Satire*. Saratov: Nauka, 2008, pp. 230–239. (In Russ.)

Токарева Г. А. О жанре элегии и элегическом модусе. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*, 2017, № 1 (29), с. 7–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanre-elegii-i-elegicheskom-moduse> (дата обращения: 01.02.2025). EDN: ZTUTUB

Tokareva G. A. On the genre of elegy and elegiacal mode. *Bulletin KRASEC. Humanities*, 2017, no. 1 (29), pp. 7–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanre-elegii-i-elegicheskom-moduse> (accessed: 02.01.2025). EDN: ZTUTUB (In Russ.)

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра. *Жанры речи*, 1997, № 1, с. 88–98. EDN: VLXZCJ

Shmeleva T. V. The model of the speech genre. *Speech Genres*, 1997, no. 2, pp. 88–98. EDN: VLXZCJ (In Russ.)

Paltridge B. *Genre, frames, and writing in research settings*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1997. 192 p. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(99\)00023-X](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00023-X)

Сведения об авторе

Сергей Михайлович Шаврыгин – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии факультета лингвистики, svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>, SPIN 5293–9196, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (9/14с1, Мещанская улица, 129090 Москва, Россия); **Sergey M. Shavrygin** – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Philology Department, Faculty of Linguistics; svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>, SPIN 5293–9196, Moscow Financial and Industrial University “Synergy” (9/14s1, Meshchanskaia ul. 129090 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 14.03.2025; Approved after reviewing 28.03.2025; Accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 141–155.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 141–155.

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-12>

<https://elibrary.ru/vzktkh>

Первичный текст как промежуточное звено при пересказе (интерпретация сокращений)

Дарья Сергеевна Яшина

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

d.s.yashina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5180-6352>

Аннотация. В статье рассматривается процесс пересказа как трансформация текста, включающая три формы: исходный текст, первичный текст (черновик) и вторичный текст (чистовой вариант). В результате восприятия исходного текста в первичном тексте частично фиксируются словесные образы. Параллельно им создаются референты в референтных ситуациях, составляющих референтное пространство как ментальное образование – результат восприятия исходного текста. Пересказ – это воссоздание референтного пространства посредством вторичного текста словесными образами, как правило, несколько отличными от словесных образов первичного текста. Все изменения референтных ситуаций, представленных во вторичном тексте, являются результатом взаимодействия первичного текста и референтного пространства. Основное внимание уделяется механизму взаимодействия первичного текста с референтным пространством при работе с сокращениями и их последующей интерпретацией. Успешность воссоздания референтных ситуаций зависит от способности реципиента к адекватной интерпретации элементов, зафиксированных в черновике, при поддержке этого процесса ясным референтным пространством.

Ключевые слова: пересказ, трансформация текста, первичный текст, референтная ситуация, референтное пространство, сокращения

Для цитирования: Яшина Д. С. Первичный текст как промежуточное звено при пересказе (интерпретация сокращений) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 141–155. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-12>; EDN: VZKTKH

The primary text as a mediating element in retelling process: abbreviation interpretation

Daria S. Yashina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,

Veliky Novgorod, Russia

d.s.yashina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5180-6352>

Abstract. The paper focuses on examining the process of retelling as a transformation of text, which includes three forms: the original text, the primary text (draft), and the secondary text (final version). As a result of perceiving the original text, verbal images are partially fixed in the primary text. In

© Яшина Д. С., 2025

parallel, referents are created in referent situations that make up the referent space as a mental formation — the result of perceiving the original text. Retelling is the recreation of the referent space through the secondary text by verbal images, which are usually somewhat different from the verbal images of the primary text. All changes in the referent situations presented in the secondary text are the result of the interaction between the primary text and the referent space. The main focus is on the mechanism of interaction between the primary text and the referent space when working with abbreviations and their subsequent interpretation. The success of recreating referent situations depends on the recipient's ability to adequately interpret the elements recorded in the draft, with this process being supported by a clear referent space.

Keywords: retelling, text transformation, primary text, secondary text, referential situation, referential space, abbreviations

For citation: Yashina D. S. The primary text as a mediating element in retelling process: abbreviation interpretation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 141–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-12>; EDN: VZKTKH

Введение

Тексты изложений представляют собой ценный исследовательский материал, позволяющий глубоко изучить механизмы восприятия и порождения текста в процессе пересказа. Особое значение имеет анализ трансформаций, которым подвергается исходный текст при его преобразовании во вторичный. В процессе исследования механизмов текстообразования особое внимание привлекает изучение механизмов функционирования некоего промежуточного звена, «руководящего» процессом пересказа. Этот феномен рассматривается в работах А. И. Новикова и Н. Л. Сунцовой¹, Н. Л. Сунцовой², Н. Д. Голева в соавторстве с Н. В. Сайковой³ и Л. Г. Ким⁴, а также в исследованиях Л. М. Яхиббаевой⁵, Н. В. Мельник⁶, Н. М. Нестеровой и Ю. К. Поповой⁷. При написании изложения это руководящее промежуточное звено определяется взаимодействием черновика и возникающей в сознании воспринима-

¹ Новиков А. И., Сунцова Н. Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // *Обработка текста и когнитивные технологии*. 1999. № 3. С. 158–166.

² Сунцова Н. Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 1999. 22 с.

³ Голев Н. Д., Сайкова Н. В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*. Барнаул, 2000. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (дата обращения: 05.03.2025).

⁴ Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 27. С. 12–20. EDN: KWCTDX.

⁵ Яхиббаева Л. М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13, № 4. С. 1029–1031. EDN: JKPEAJ.

⁶ Мельник Н. В. Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты. Москва, 2014. 278 с.

⁷ Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ). Проблемы языкознания и педагогики*. 2017. № 4. С. 52–61. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2017.4.5>. EDN: YNIPGJ.

ющего текст картиной (референтным пространством). Особенностью черновика изложения является наличие сокращений. Полагаем, что проблему взаимодействия черновика и референтного пространства прояснит рассмотрение того, как воспринимающий работает с сокращениями.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности работы с сокращениями в черновике изложения, определить характер их взаимодействия с референтным пространством и установить закономерности их интерпретации при создании вторичного текста (чистовика изложения). Особое внимание уделяется исследованию того, как качество этого взаимодействия влияет на успешность воссоздания референтной ситуации.

Основная часть

В научной литературе для наименования «промежуточного звена» употребляют различные понятия: «смысловой сгусток», «концепт исходного текста», «инвариант преобразования исходного текста» и др. Эти термины отражают результат понимания исходного текста, который затем разворачивается в новую текстовую форму. Исследования преимущественно фокусируются на структуре и особенностях этого феномена, оставляя недостаточно разработанным вопрос его формирования. Как отмечают Н. Д. Голев и Н. В. Сайкова¹, «при восприятии текста происходит его свертывание в некий “смысловой сгусток” (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты)».

Особую значимость в понимании данной проблемы вносит концепция И. Т. Касавина, который рассматривает первичные и вторичные тексты через призму творческой деятельности. Согласно его позиции, разграничение первичного и вторичного текстов основано на характере работы: первичная работа является творческой, побуждаемой личным интересом автора, тогда как вторичная обусловлена внешними обстоятельствами. Первичный текст в понимании И. Т. Касавина – «результат осмысления исследователем действительности на стадии создания понятий и образов», это «начальный продукт приложения индивидуального опыта к пониманию новой реальности», своего рода черновик, которому предстоит стать вторичным текстом. Вторичный текст формируется в ответ на социальные, академические или институциональные запросы: это рецензии, компиляции, учебные материалы или адаптации, где авторская роль сводится к систематизации, интерпретации или популяризации уже существующих идей². И. Т. Касавин иллюстрирует ситуацию создания первичного текста примером работы географа, описывающего неизвестную местность. В этом случае исследователь опирается на предшествующее знание и убеждение о единообразии законов природы, создавая первичный текст как первую попытку упорядочения нового.

¹ Голев Н. Д., Сайкова Н. В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сборник статей. Барнаул, 2000. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (дата обращения: 05.03.2025).

² Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка. Москва: Канон+, 2008.

Так, в концепции И.Т. Касавина первичный текст выступает как этап создания текста, выражающего мысль, а вторичный текст – как результат социальной объективации этой мысли. При этом первичный текст не является исходным текстом-объектом, а является промежуточной стадией познания новой реальности. В случае написания изложения испытуемый поставлен в условия понимания новой реальности, представленной исходным текстом и начальным продуктом приложения индивидуального опыта испытуемого.

Мы считаем, что первичный текст (черновик) – это особый семиотический феномен, который не является полноценным текстом. Конститутивные свойства текста с опорой на работы Л. М. Лосевой¹, В. А. Лукина², З. Я. Тураевой³, В. И. Заики⁴ и других применительно к исследованию изложения как вторичного текста перечислены в нашей работе⁵. Это знаковость, связность, цельность. Специфика первичного текста заключается в том, что, хотя он обладает важнейшим текстовым признаком – знаковостью, другие конститутивные признаки текста проявляются в нем весьма специфически.

Связность в первичном тексте неполноценна, часто носит фрагментарный характер: автор использует индивидуальные знаки, смысл которых зачастую непонятен и самому испытуемому. В черновике могут присутствовать не только полные слова и словосочетания, но и схемы, рисунки, фигуры, а также различные сокращения, грамматические характеристики которых могут восстанавливаться только из контекста.

Цельность (наличие смысла) первичного текста обеспечивается преимущественно за счет референтного пространства. Референтное пространство мы понимаем как результат референции – создания референтов реципиентом на основании словесных образов и личного опыта. При этом важно учитывать, что референтное пространство представляет собой результат переживания новой реальности, изложенной в исходном тексте и служит основой создания первичного текста как семиотического объекта, а затем и вторичного текста.

Семиотическая природа черновика проявляется в том, что он фиксирует свернутые речевые образы посредством упрощений и графических сокращений. Содержание используемых знаков и слов глубоко личностно нагружено и известно преимущественно самому автору.

¹ Лосева Л. М. Как строится текст: пособие для учителей. Москва: Просвещение, 1980. С. 4.

² Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва: Ось-89, 1999. С. 5.

³ Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика. Москва: URRS, 2018. С. 11.

⁴ Заика В. И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2006. 407 с. EDN SBNNPX.

⁵ Заика В. И., Яшина Д. С. Учебный вторичный текст: к вопросу о содержании понятия // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 6(51). С. 729–743. DOI 10.34680/2411-7951.2023.6(51).729-743. EDN RMTUNF.

Референтное пространство состоит из отдельных компонентов – референтных ситуаций. Каждая референтная ситуация является совокупностью взаимосвязанных референтов, составляющих определенное событие. Существенным для нашей работы является разграничение референтов сильных и слабых. Это характеристики референтов с точки зрения воспринимающего. Например, в работе М. К. Головановской¹, сильными референтами считаются те, которые имеют реальный «прототип» (например, *стол*). У слабых (к примеру, *грусть, идея*) такого «прототипа» нет. Слабые референты часто имеют большое количество синонимов, и их границы размыты, что затрудняет понимание.

Особенностью референтных ситуаций является их неоднородность по степени сложности. Простые референтные ситуации могут включать минимальное количество референтов и предикатов, ограничиваясь описанием конкретных действий или состояний. Значительную сложность представляют референтные ситуации, осложненные речью персонажей, большим количеством событий, выраженных полипро-позитивными конструкциями.

При создании пересказа, то есть воссоздания референтного пространства посредством вторичного текста словесными образами, как правило, отличными от словесных образов первичного текста, испытуемый использует первичный текст (черновик), развертывание которого происходит во взаимодействии с референтным пространством.

Определить особенности механизма этого взаимодействия мы попытались посредством рассмотрения работы с сокращениями, которыми изобилует первичный текст.

Анализ материала. Были проанализированы 33 работы (20 работ студентов и 13 работ школьников²), написанные по исходному тексту «Портрет Толстого». Все работы включали как первичные (черновые), так и вторичные (чистовые) материалы.

Исходный текст взят из сборника материалов для изложений³ с несущественными изменениями.

ПОРТРЕТ ТОЛСТОГО

I. (1) В конце августа 1873 года Лев Николаевич Толстой с семьей возвратился из Самарской губернии в Ясную Поляну. (2) В пяти километрах от усадьбы Толстого жил тогда же на даче художник Крамской. (3) По просьбе Третьякова, желающего иметь в своей галерее портрет Толстого, художник отправился в Ясную Поляну уговаривать писателя позировать ему.

II. (4) Толстой встретил художника приветливо, но несколько настороженно. (5) Как только Крамской завел речь о позировании, Толстой с досадой произнес, что все сговорились, чтобы его отвлекать. (6) Крамской скромно, но твердо стал

¹ Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка: некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. Москва: Языки славянской культуры, 2009. С. 17.

² Изложение проведено со студентами-филологами 1 курса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, а также с учащимися 10 класса СОШ № 10 г. Великий Новгород.

³ Ткаченко Н. Г. Сборник текстов для изложений. Москва: Рольф, Айрис-Пресс, 1997. С. 102–103.

настаивать, приводя всевозможные доводы. (7)Он обещал написать портрет чрезвычайно быстро. (8)Но Толстой оставался неумолимым. (9)Вдруг Крамской воскликнул: «Но ведь портрет Ваш должен быть и будет в галерее!»

(10) – Как так? – удивился Толстой.

(11) – Будет портрет и притом очень скверный, – продолжал горячо Крамской. – Я его не напишу, но лет через 30, 50 он будет написан. (12) И тогда... тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно.

(13)Толстого сразил неожиданный оборот разговора, и он пристально взглянул на молодого художника. (14)Наконец он поддался на уговоры, но попросил писать сразу два портрета. (15)Один – для Третьякова, другой – для детей.

III. (16)Сеансы начались. (17)Толстой позировал в мужицкой рубахе серо-синего цвета, какие часто можно было видеть на крестьянах Тульской губернии. (18)Крамской увлеченно трудился. (19)Толстой спокойно размышлял. (20)Его мысли тогда занимал роман «Анна Каренина».

IV. (21)Уже после трех сеансов Толстой и его жена остались портретом весьма довольны, находя, что Крамской отлично работает.

V. (22)Вскоре оба портрета были закончены. (23)Один оставался в Ясной Поляне, другой – Крамской увез с собой в Петербург, куда специально приехал к этому времени и Третьяков. (24)Рассматривая картину, Третьяков был поражен. (25)С холста глядел в упор прозорливо и испытующе не граф Толстой, а мудрец в мужицкой рубахе. (26)Взгляд его таил силу, вначале почти ошеломляющую. (27)Да и написан он был как-то особенно просто. (28)Третьяков, подойдя к художнику, благодарно протянул ему руку.

VI. (29)Толстой тоже не забыл Крамского. (30)Встреча с художником подсказала ему новые страницы романа. (31)Художник Михайлов в «Анне Карениной» – своего рода литературный портрет Крамского. (32)Их знакомство не прошло бесследно. (33)Оно осталось навсегда в искусстве.

Текст, содержащий 330 слов, 33 предложения, можно определить как повествовательный. Он имеет высокую степень номинативности: содержит более 60 существительных, около 20 прилагательных, а также 40 глаголов, 6 причастий, 3 деепричастия, 15 наречий.

В исходном тексте выделены части, изображающие 6 референтных ситуаций (РС).

Разные по объему РС содержат разное количество и состав референтов и предикатов.

Наиболее простыми по синтаксису, лексике, количеству референтов и предикатов являются РС-III и РС-IV.

В РС-III процесс позирования Толстого и работы Крамского выражен пятью предложениями и включает преимущественно сильные референты (*рубаха, крестьяне, художник, портрет* и др.). Здесь мы видим только позирование Толстого и работу Крамского, что делает ситуацию довольно простой по содержанию. РС-IV состоит из одного предложения (21) и также включает преимущественно сильные референты (*портрет, Крамской*).

Наиболее сложные РС-II и РС-V. РС-II изображена 12 предложениями, содержит прямую речь и большое количество пропозиций, в том числе и выраженных пропозитивными именами (*желание, просьба, досада, сговор* и др.). В этой РС также используются полипропозитивные конструкции. Предложение (5) содержит 6 пропозиций, описывающих сложную коммуникативную ситуацию недовольства и противодействия. РС-V также насыщена событиями и содержит значительное количество слабых референтов (*оценка, достоинства, работа*).

Процесс трансформации непосредственно связан с характером фиксации информации в первичном тексте. Обычным в этой ситуации является применение сокращений. Процедуру развертывания сокращений можно назвать интерпретацией, потому что примерно в половине случаев сокращения приводят к затруднениям воспроизведения референтной ситуации, изображенной в исходном тексте.

Прежде чем рассматривать сокращения, отметим, что в первичных текстах присутствуют высказывания (иногда полноценные) без сокращений:

В конце августа 1873 года Лев Николаевич Толстой с семьей возвратился из Самарской губернии в Ясную Поляну.

В некоторых случаях сокращается значительная часть слов в предложении:

По пр. иметь портр. В гал. Третьякова, худ. отпр. В Ясн. п. угов. Писат. Позир. В к. авг. 1873 Л.Н.Т. с сем. Возвр. из Сам. губ. в Я.п.

Однако преобладают первичные тексты с меньшим количеством сокращенных слов:

К 1803 толстой из сам.губ.

Как уже видно из приведенных примеров, сокращаются слова разных частей речи. Это существительные *худ.* (художник), *руб.* (рубашка), *губ.* (губерния), прилагательные: *мол.* (молодой), *скверн.* (скверный); глаголы: *возвр.* (возвратился), *позир.* (позировать), служебные слова: *что.* (чтобы).

Сокращенные слова обозначают как сильные, так и слабые референты, а также различные предикаты. Сокращаются антропонимы *Т.* (Толстой), *Кр.* (Крамской), топонимы: *Ясн. п.* (Ясная Поляна), название произведения: *А.К.* (Анна Каренина), сильные референты: *худ.* (художник), *порт.* (портрет); слабые референты: *позыр.* (позирование); *встр.* (встреча); предикаты: *возвр.* (возвратился), *угов.* (уговаривать), *отл.* (отлично).

Анализ черновиков изложений позволил выявить закономерности в использовании сокращений.

Чаще всего слова сокращены до нескольких начальных букв: *пор.* (портрет), *отпр.* (отправился), *рассм.* (рассматривая). Такие формы характерны для частотных слов. Сокращение до первой буквы обычно применяется для имен собственных или ключевых слов, регулярно повторяющихся в исходном тексте, например: *х.* (художник), *п.* (писатель), *Л.Н.Т.* (Лев Николаевич Толстой), *К.* (Крамской) и др. Эти сокращения требуют знания контекста, но восстанавливаются без ошибок, что свидетельствует об устойчивости референта. Также не вызывают затруднений восстановления общепринятые сокращения: *км* (километр), *г.* (год), *т.к.* (так как).

Комбинированный способ фиксации начала и конца слова (*х-к, х-ник, худ-к (художник), пис-ля (писателя), лит-ный (литературный)* и др.) также восстанавливается корректно.

При фиксации последних букв слова сокращения восстановлены ошибочно: *ков (Третьяков как Третьяковский) и сной (Ясной как Красной)*.

Многие сокращения оказываются не востребованными при создании вторичного текста.

Так, нередко не востребованными являются обстоятельства места: это приводит либо к сокращению описания, либо к полной потере обстоятельства:

Исходный текст (ИТ): *из Самарской губернии*

Первичный текст (ПТ): *из сам. губ.*

Вторичный текст (ВТ)¹: *из губернии*

ИТ: *портрет Ваш должен быть и будет в галерее!*

ПТ: *Портрет Ваш долж быть и буд в гал.*

ВТ: *портрет Ваш должен быть и будет написан.*

Также часто не востребуются сокращения, если во вторичном тексте используется более простая синтаксическая конструкция:

ИТ: *Как только Крамской завел речь о позировании*

ПТ: *как тлк речь зашла о позировании*

ВТ: *речь зашла о позировании*

Не востребованными иногда становятся слова, конкретизирующие референты и предикаты:

ИТ: *с досадою произнес*

ПТ: *с дос. Произнес*

ВТ: *произнес*

ИТ: *сразил неожиданный оборот разговора*

ПТ: *поразил неож. поворот разговора*

ВТ: *поразил поворот разговора*

В этих примерах отсутствие признака действия и характеристики оборота разговора не являются существенными для описываемой референтной ситуации.

Причина не востребованности сокращенно зафиксированного может быть связана с потерей информации о субъекте действия при усечении деепричастного оборота:

ИТ: *Рассматривая картину, Третьяков был поражен.*

ПТ: *Рассматр. картину Третьяков был поражен.*

ВТ: *Третьяков был поражен.*

В исходном тексте связь между действием и субъектом эксплицирована, но в первичном тексте сокращение устраняет грамматические показатели, нарушая прозрачность синтаксических отношений. При создании вторичного текста автор, возможно, столкнулся с двусмысленностью: остается неясным, кто осуществляет действие – Третьяков или другой субъект (например, Толстой). Так, устраняя спорный элемент, автор минимизирует риски смысловых искажений.

Рассмотрим еще один случай не востребованности сокращения:

¹ Далее будут использованы аббревиатуры ИТ, ПТ, ВТ.

ИТ: *Один – для Третьякова, другой – для детей.*

ПТ: *Один для взр. третья, ~~одни~~ второй – для детей.*

ВТ: *Один – для Третьякова, второй – для детей.*

В первичном тексте автор, работая с черновиком, скорее всего, после первого прослушивания, зафиксировал между строк сокращение *взр.* (*взрослых*). Вероятно, он испытуемый, опираясь на здравый смысл, предположил, что если один портрет предназначен для детей, то второй должен быть для взрослых. Однако при повторном прослушивании он обнаружил, что исходный текст прямо называет адресата второго портрета – *Третьякова*. Это объясняет невостребованность сокращения *взр.* во вторичном тексте и демонстрирует работу референтного пространства.

В трех случаях

В трех случаях неполной фиксации элементов первичного текста и недостаточного их количества испытуемым не удалось воссоздать референтную ситуацию по сокращениям, например:

ИТ: *Крамской скромно, но твердо стал настаивать, приводя всевозможные доводы.*

ПТ: *Крскр наст дов*

ВТ: –

Развертывание сокращений – это взаимодействие между первичным текстом и референтной ситуацией, которая является частью референтного пространства. Референтное пространство выступает своеобразной картой событий, с которой «сверяется» испытуемый в процессе интерпретации сокращений. Именно наличие четкой референтной ситуации позволяет правильно восстановить как смысловые компоненты, так и грамматические формы исходного текста.

Эффективность развертывания сокращений напрямую зависит от качества этого взаимодействия: чем более полно и четко представлена референтная ситуация в сознании реципиента, тем успешнее происходит процесс интерпретации и восстановления исходного текста. При этом сам процесс развертывания является не механическим, а осмысленным, что подтверждает его интерпретационную природу.

Благополучно восстанавливаются разные слова с разной степенью сокращения:

ИТ: *По просьбе Третьякова*

ПТ: *По пр. Третьякова*

ВТ: *По просьбе Третьякова*

ИТ: *Иметь в своей галерее портрет*

ПТ: *Иметь в своей гал. порт.*

ВТ: *Иметь в своей галерее портрет*

Полноценно восстанавливаются разное количество сокращенных слов предложения, обозначающих разные элементы референтной ситуации. На правильность развертывания сокращения, кроме ясного представления референтной ситуации, конечно, влияет достаточный контекст несокращенных слов предложения.

При восстановлении имен существительных, в том числе имен собственных, изменения грамматических форм практически отсутствуют, что связано с зависимостью грамматических форм в первую очередь от управляющих глаголов:

ИТ: *Третьяков, подойдя к художнику, благодарно протянул ему руку.*

ПТ: *Т. подойдя к К., протянул ему р.*

ВТ: *Третьяков, подойдя к Крамскому, протянул ему руку.*

Менее точные интерпретации связаны со стилистическими трансформациями, использованием синонимов и частичными содержательными изменениями. При восстановлении референтной ситуации эти трансформации создают лишь незначительные расхождения с исходным материалом.

Сокращение слов изменяемых частей речи часто приводит к восстановлению с изменениями грамматические формы. «Уязвимыми» являются вид и время глагола:

ИТ: – *Как так?* – **удивился Толстой.**

ПТ: «*Как так?*» – **удив.** Толстой

ВТ: «*Как так?*» – **удивлялся Толстой.**

Не вполне точное воспроизведение предиката не существенно изменяет описываемую референтную ситуацию.

К несущественным изменениям можно отнести и такое сокращение, которое фиксирует только самое общее значение предиката, позволяющее воспроизвести синоним:

ИТ: *Крамской был **неумолим***

ПТ: *Крамской был **не.***

ВТ: *Крамской был **непреклонен***

ИТ: *желающего **иметь***

ПТ: *жел. **им.***

ВТ: *Желающего **обладать***

В одной из работ существенная деталь исходного текста – упоминание двух портретов – была утрачена при интерпретации сокращений:

ИТ: *Вскоре оба **портрета** были закончены.*

ПТ: ***Вск. Портр.** Были зак....*

ВТ: *Вскоре **портрет** был закончен.*

Во вторичном тексте количество портретов сокращается с двух до одного, несмотря на форму множественного числа в черновике. Здесь влияние референтного пространства оказалось недостаточным для более точной интерпретации.

При неточных интерпретациях в процессе работы с текстом возникают заметные, но не критические искажения смысла. Несмотря на заметность этих отклонений, они не разрушают исходную референтную ситуацию.

В редких случаях (в 5 работах) возникают трудности при восстановлении имен собственных:

ИТ: *В Ясную Поляну*

ПТ: *В Я. пол.*

ВТ: *В Яркую Поляну/ в Красную поляну / В Съесную Поляну*

ИТ: *По просьбе Третьякова*

ПТ: *По пр. Трет.*

ВТ: *По прошении Третьяковского*

Развертывание сокращения *Трет.*, очевидно, связано с известным испытуемому словосочетанием Третьяковская галерея.

В двух работах заменен союз цели *чтобы* на сокращенно зафиксированный союз причины *так как*:

ИТ: *Как только Крамской завел речь о позировании, Толстой с досадою произнес, что все сговорились, **чтобы** его отвлекать.*

ПТ: *Толстой сказал сговор, **тк** все отнимают и отвле время.*

ВТ: *Толстой Л.Н. сказал, что все сговорились, **потому что** отвлекают его от работы.*

Стоит отметить, что оба испытуемых фиксируют *т.к.* между строк уже в процессе работы с черновиком – после прослушивания, что свидетельствует о влиянии референтного пространства.

В чистовиках сокращение *т.к.* заменяется на синонимичный союз *потому что*. Так, если в исходном тексте речь идет о том, что все *сговорились с целью* отвлекать Толстого, то в итоговой интерпретации получается, что люди *сговорились, потому что* отвлекают писателя от работы. Возможно, такое изменение обусловлено неясностью для испытуемого семантики глагола *сговорились*, и в придаточном предложении «оправдывается» этот глагол, понимаемый как оценочный («он так сказал, потому что это его отвлекает»).

Абсурдные интерпретации возникают при полном нарушении связи между первичным текстом и референтным пространством. В результате референтная ситуация становится нелогичной, противоречащей здравому смыслу.

Часто результатом развертывания сокращений является неверная их интерпретация:

ИТ: *художник **отправился** в Ясную Поляну*

ПТ: *Кр **от-ся** в я.п.*

ВТ: *и тогда Крамской **отозвался** в Ясной поляне.*

ИТ: *Толстой оставался **неумолимым**.*

ПТ: *Но Толстой оставался **не***

ВТ: *Но Толстой оставался **неуловимым**.*

Столь же значительное изменение вызывает и неверная интерпретация сокращения союза:

ИТ: *Толстой с досадою произнес, **что** все сговорились*

ПТ: *Толстой с досадою произнес, **чт**. Все сговорились*

ВТ: *Толстой с досадою произнес, **чтобы** все сговорились*

Здесь придаточное цели разрушает референтную ситуацию больше, чем в рассмотренном выше примере с развертыванием сокращения *тк*.

Отдельно рассмотрим еще один случай абсурдной интерпретации, который демонстрирует, как незначительное сокращение в первичном тексте может привести к полному искажению смысла:

ИТ: *Толстой позировал в мужицкой рубахе серо-синего цвета, какие часто можно было видеть на **крестьянах** Тульской губернии.*

ПТ: *В муж.р.сине серого цвета – **крест**. Тульской губер.*

ВТ: *Толстой был в мужицкой рубахе серого цвета, с **крестиком** из Тульской губернии.*

Испытуемый записал лишь начальные буквы слова *крестьян*. Причиной неверной интерпретации сокращения стало неясное референтное пространство. В результате произошло формирование совершенно новой, абсурдной референтной ситуации, где крестьянский наряд превратился в *крестик из Тульской губернии*.

Результаты исследования. Использование сокращений достигает примерно 90 %, что обусловлено, вероятно, наличием большого количества имен собственных (Толстой, Третьяков и др.) и сильных референтов, которые легче зафиксировать сокращенно при аудитивном восприятии. При этом в первичных текстах, фиксирующих разные референтные ситуации, наблюдается и разное количество сокращений. Например, в работе с наиболее простой РС-IV самая высокая частотность использования сокращений – примерно 90 %. А самый низкий процент сокращений при фиксации сложной РС-VI – около 80 %.

Наиболее последовательно используется сокращение существительных (почти половина всех сокращений) и глаголов. В большинстве случаев (около 70 %) сокращения восстанавливаются корректно, либо трансформируются в синонимы, сохраняющие исходный смысл. Однако в 30 % сокращения затрудняют создание вторичного текста: они или неверно интерпретированы, или вообще не востребованы.

Анализ показал, что процесс развертывания сокращений может протекать по-разному: от точной передачи исходного смысла до существенных искажений. Точная интерпретация сокращений обеспечивается наличием референтного пространства, которое позволяет корректно восстановить как грамматические формы, так и смысловые компоненты исходного текста. К неточным интерпретациям мы отнесли искажения имен собственных, неверную атрибуцию действий (приписывание их не тем субъектам). Эти отклонения создают заметные, но не критические искажения исходного смысла. К абсурдным интерпретациям мы отнесли те, в которых искажения приводят к формированию нелогичных, противоречащих здравому смыслу референтных ситуаций, что свидетельствует об отсутствии ясного референтного пространства.

Результаты исследования показывают, что качество интерпретации напрямую зависит от наличия и сохранности референтного пространства. В случае его неясности возрастает вероятность возникновения существенных искажений, вплоть до формирования абсурдных интерпретаций. Это подчеркивает необходимость особого внимания к процессу фиксации и последующей интерпретации текстовой информации, а также указывает на первостепенную важность сохранения целостности референтного пространства при работе с сокращениями.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о роли первичного текста как промежуточного звена в процессе пересказа. Первичный текст и референтное пространство в их единстве – динамическая система, обеспечивающая трансформацию исходного материала во вторичный текст.

Референтное пространство, состоящее из различных по сложности референтных ситуаций, играет ключевую роль в процессе интерпретации. Сокращения в первичном тексте – особый механизм фиксации информации, требующий последующей

интерпретации при воссоздании референтной ситуации. Эффективность этой интерпретации напрямую зависит от качества взаимодействия первичного текста и референтного пространства.

Особого внимания заслуживает тот факт, что референтное пространство представляет собой недостаточно изученный феномен, поскольку испытуемые при первом прослушивании исходного текста чаще всего сразу приступают к составлению черновика, механически пытаются зафиксировать как можно больше слов. Можно предположить, что проведение первого аудирования без фиксации позволит более детально исследовать механизмы формирования референтного пространства и проследить его динамику в чистом виде, без влияния процесса механической записи.

Список литературы / References

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии). *Вестник ЧелГУ*, 2009, № 27, с. 12–20. EDN KWCTDX.

Golev N. D., Kim L. G. Variative-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, no. 27, p. 12–20. (In Russ.) EDN KWCTDX.

Голев Н. Д., Сайкова Н. В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов. *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*. Барнаул, 2000. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (дата обращения: 05.03.2025).

Golev N. D., Saikova N. V. On the foundations of derivational interpretation of secondary texts. *Linguistic existence of a human and ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects*. Barnaul, 2000. Available at: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (accessed: 05.03.2025). (In Russ.)

Голованивская М. К. *Ментальность в зеркале языка: некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских*. Москва: Языки славянской культуры, 2009. 372 с.

Golovanivskaia M. K. *Mentality in the mirror of language: some basic worldview concepts of French and Russian people*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2009. 372 p. (In Russ.)

Заика В. И. *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2006. 407 с. EDN SBNNPX.

Zaika V. I. *Essays on the theory of fictional speech*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo, 2006. 407 p. (In Russ.) EDN SBNNPX.

Заика В. И., Яшина Д. С. Учебный вторичный текст: к вопросу о содержании понятия. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2023, №6 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-vtorichnyy-tekst-k-voprosu-o-soderzhanii-ponyatiya> (дата обращения: 23.03.2025). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.6\(51\).729-743](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.6(51).729-743); EDN: RMTUNF.

Zaika V. I., Iashina D. S. Educational secondary text: concept content. *Memoirs of NovSU*. 2023. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-vtorichnyy-tekst-k-voprosu-o-soderzhanii-ponyatiya> (accessed: 25.03.2025). (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.6\(51\).729-743](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.6(51).729-743); EDN: RMTUNF.

Касавин И. Т. *Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка*. Москва: Канон+, 2008. 544 с.

Kasavin I. T. *Text. Discourse. Context: introduction to the social epistemology of language*. Moscow: Kanon+, 2008. 544 p. (In Russ.)

Лосева Л. М. *Как строится текст: пособие для учителей*. Москва: Просвещение, 1980. 96 с.

Loseva L. M. *How the text is constructed: a manual for teachers*. Moscow: Prosveshchenie, 1980. 96 p. (In Russ.)

Лукин В. А. *Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа*. Москва: Ось-89, 1999. 191 с.

Lukin V. A. *Fictional text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis*. Moscow: Os'-89, 1999. 191 p. (In Russ.)

Лингвистический энциклопедический словарь, главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Linguistic encyclopedic dictionary; chief editor V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaiia entsiklopediia, 1990. 682 p. (In Russ.)

Мельник Н. В. *Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты*. Москва, 2014. 278 с.

Melnik N. V. *Derivation of Russian text: Linguistic and personological aspects*. Moscow, 2014. 278 p. (In Russ.)

Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ). Проблемы языкознания и педагогики*, 2017, №4, с. 52–61. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2017.4.5>; EDN: YNIPGJ.

Nesterova N. M., Popova Yu. K. The problem of differentiating primary and secondary texts. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2017, no. 4, pp. 52–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2017.4.5>; EDN: YNIPGJ.

Новиков А. И., Сунцова Н. Концептуальная модель порождения вторичного текста. *Обработка текста и когнитивные технологии*. Пушчино, 1999, №3, с. 158–166.

Novikov A. I., Suntsova N. Conceptual model of secondary text generation. *Text processing and cognitive technologies*, Pushchino, 1999, no. 3, pp. 158–166. (In Russ.)

Слюсарева Н. А. и др. *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*. Москва: Наука, 1982. 192 с.

Sliusareva N. A. et al. *Aspects of general and particular linguistic theory of text*. Moscow: Nauka, 1982. 192 p. (In Russ.)

Сунцова Н. Л. *Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Москва: [б. и.], 1999. 22 с.

Suntsova N. L. *Linguistic model of secondary text generation: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Moscow, 1999. 22 p. (In Russ.)

Ткаченко Н. Г. *Сборник текстов для изложений*. Москва: Рольф, Айрис-Пресс, 1997, с. 102–103.

Tkachenko N. G. *Collection of texts for written reproductions*. Moscow: Rolf, Iris-Press, 1997, pp. 102–103. (In Russ.)

Тураева З. Я. *Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика*. Москва, URSS, 2018. 136 с.

Turaeva Z. Ia. *Linguistics of text. Text. Structure and semantics*. Moscow: URSS, 2018. 136 p. (In Russ.)

Яхиббаева Л. М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса. *Вестник Башкирского университета*, 2008, т. 13, № 4, с. 1029–1031.

Iakhibbaeva L. M. A training text as a special type of the derived text and a component of the educational discourse. *Bulletin of Bashkir University*, 2008, vol. 13, no. 4, pp. 1029–1031. (In Russ.) EDN JKPEAJ.

Сведения об авторах

Дарья Сергеевна Яшина – аспирант, d.s.yashina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5180-6352>, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (41, ул. Большая Санкт-Петербургская, 173003 Великий Новгород, Россия); **Daria S. Yashina** – Postgraduate Student, d.s.yashina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5180-6352>, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya ul., 173003 Veliky Novgorod, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 05.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; Approved after reviewing 20.10.2025; Accepted for publication 05.11.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 156–167.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 156–167.

Научная статья

УДК 371.4

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-13>

<https://elibrary.ru/wkwqgl>

Социально-ролевые формы как средство воспитания учащихся психолого-педагогических классов

Макар Михайлович Жигулин^{1✉}, Светлана Игоревна Попова²

^{1,2} Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия

^{1✉}mmzhigulin@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2105-0229>

²psvetlana2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8225-1692>

Аннотация. В статье рассматривается феномен социально-ролевых форм деятельности как средства предпрофессиональной подготовки учащихся психолого-педагогических классов. Социальная роль представлена как междисциплинарное явление, связующее звено между личностью и обществом. В работе изложен анализ результатов опроса учащихся психолого-педагогических классов. Школьники стремятся приобщаться к психолого-педагогической деятельности и осваивать соответствующие практики, участвовать в психологических играх и тренингах, познавать себя. Анализируются возможности социально-ролевых форм как инструмента вовлечения будущих представителей «помогающих» профессий в диалог смыслов, рефлексию собственной системы ценностей. Социально-ролевые формы групповой деятельности естественно встраиваются в контекст общей работы с учащимися и имеют большой воспитательный потенциал.

Ключевые слова: социальная роль, социально-ролевые формы, групповая деятельность, психолого-педагогические классы, ценностно-смысловая сфера личности

Благодарность. Статья подготовлена с опорой на результаты исследования на тему «Представления учащихся психолого-педагогических классов о будущей профессии» студентов 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет».

Для цитирования: Жигулин М. М., Попова С. И. Социально-ролевые формы как средство воспитания учащихся психолого-педагогических классов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 156–167. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-13>; EDN: WKWQGL

Social role forms as a means of educating students in psychological and pedagogical classes

Makar M. Zhigulin^{1✉}, Svetlana I. Popova²

^{1,2}Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

^{1✉}mmzhigulin@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2105-0229>

²psvetlana2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8225-1692>

Abstract. The article examines the phenomenon of social role activity forms as a means of pre-professional training for students of psychological and pedagogical classes. Social role is presented as an interdisciplinary phenomenon, a connecting link between the individual and society. The paper provides an analysis of the survey results conducted among students of psychological and pedagogical classes. Schoolchildren demonstrate a strong desire to engage in psychological and pedagogical activities, master relevant practices, participate in psychological games and trainings, and explore their own personalities. The research analyzes the potential of social role forms aimed at involving future representatives of “caring professions” in a dialogue of meanings and reflection of their own value systems. Social role forms of group activities naturally integrate into the overall context of work with students and possess significant educational potential.

Keywords: social role, social role forms, group activity, psychological and pedagogical classes, value-semantic sphere of personality

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of the study “Students’ ideas about their future profession in psychological and pedagogical classes” of 4th-year students in the training programme 39.03.01 “Sociology” at Cherepovets State University.

For citation: Zhigulin M. M., Popova S. I. Social role forms as a means of educating students in psychological and pedagogical classes. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 156–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-13>; EDN: WKWQGL

Введение

В условиях динамичных трансформаций информационного общества процесс социализации кардинально меняется. В настоящее время следует говорить о развитии способности выстраивать самостоятельную траекторию социализации в течение всей жизни. Требуется не совершенствование умений адаптироваться, а формирование способностей видеть проблему, выделять главное, осмысливать происходящее с позиции базовых и инструментальных ценностей, принимать ответственные решения. Происходит индивидуализация развития личности. Ключевым явлением социализации является социальная роль, получающая разное осмысление в науках социально-гуманитарного цикла.

И. С. Кон в работе «Социология личности» рассматривает социальную роль как нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от человека в соответствии с его положением в обществе¹. В то же время ученый замечает: чтобы обуславливать поведение человека социальной роли как данности недостаточно, она должна быть интернализирована, то есть усвоена. Индивиду необходимо внутренне определить свое

¹ Кон И. С. Социология личности. Москва: Политиздат, 1967. С. 23.

социальное положение, отношение к нему, соответствующие обязанности. Только тогда его социальная роль «активируется»¹.

Для организации процесса воспитания в современных условиях важна идея, которую акцентируют социологи с позиции функционалистского подхода. «Понятие роли является неким соединительным звеном между индивидуальными и общественными функциями»². Следовательно, выполняя определенную социальную роль в обществе, учащийся активно включается в деятельность, в которой наглядно проявляется его индивидуальность, и наоборот: учащиеся, принимая на себя те или иные роли, ориентируются на Другого человека, входя в его состояние. Таким образом и происходит соединение личности и общества. Социальные роли становятся для человека чем-то, с чем он может идентифицироваться (особенно, если роль ему нравится, понятна, устраивает). Вместе с тем исполнение социальной роли подразумевает сбалансированность целого ряда «требований и влияний, многие из которых значительно превышают то, что определяет содержание роли»³. В то же время у человека есть определенное «пространство», которое позволяет ему чувствовать себя относительно свободно. Исполнение роли зависит не только от определенных ожиданий, личности исполнителя, его окружения, но и особенностей ситуации, в которой происходит данное действие. И. Шубрт отмечает, что следует различать понятия «социальная роль» и «исполнение социальной роли»: «Концепция „исполнение роли“ шире и значительно сложнее, чем то, что представляет собой сама социальная роль»⁴.

Феномен социальной роли рассматривается также в психологической науке. Основоположник культурно-исторической концепции Л. С. Выготский рассматривает роль в качестве ключевого механизма, отвечающего за регуляцию высших психических функций в разнообразных ситуациях социального взаимодействия. В работе «Конкретная психология человека» ученый пишет, что именно исследование иерархии функций, регулируемых ролями, в различных сферах поведения подростка представляет важную задачу, без решения которой невозможно ответить на вопрос о содержании развития на данном возрастном этапе⁵.

В социальной психологии степень и качество выполнения индивидом социальных ролей обуславливают формирование и развитие его Я-концепции, то есть представления человека о самом себе. Вместе с тем овладение субъектом какой-либо новой социальной ролью зависит от особенностей Я-концепции личности. Следовательно, об интернализированной социальной роли можно говорить тогда, когда требования извне, предъявляемые к индивиду, занимающему ту или иную позицию, становятся его собственными требованиями к самому себе⁶.

¹ Кон И. С. Социология личности. Москва: Политгиздат, 1967. С. 25.

² Шубрт И. Социальная роль – забытая тема социологии // Социологические исследования, 2017. № 6. С. 16.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. С. 1031.

⁶ Свенцицкий А. Л. Социальная психология. Москва: Велби, Проспект, 2004. С. 87.

С точки зрения социальной педагогики, исследующей воздействие социальной среды на воспитание и формирование личности, освоение ребенком механизма ролевого поведения – важный этап развития человека, обеспечивающий успешную включенность индивида в социальные отношения¹.

Основы системно-ролевого подхода к социальному воспитанию определены Н. М. Таланчуком. Воспитание, согласно этому подходу, понимается как педагогическое регулирование освоения и выполнения личностью системы социальных ролей и овладения ею системной культурой человековедения². Целью воспитания в таком случае является формирование гармонически развитой личности, готовой и способной выполнять систему социальных ролей³.

Таким образом, социальная роль – междисциплинарное понятие, синтез социальных и психолого-педагогических особенностей индивида. Социально-ролевое поведение является важным средством социальной реализации личности, определяющим характер ее деятельности в социуме. Человек, овладевая социальным опытом, осваивая объективные социальные роли, заданные ему обществом, формирует и собственный опыт, развивает способности к саморегуляции.

Основная часть

Одним из элементов ценностно-смыслового развития человека являются социально-ролевые формы (далее – СРФ), которые используются в процессе организации групповой деятельности. Они представляют собой взаимодействие участников группы на основе распределения ролей и выполнения определенных социальных функций.

СРФ выстраиваются в процессе исполнения социальной роли. Социально-ролевое поведение является важным средством социальной реализации личности, определяющим характер ее деятельности в социуме. Однако сам термин «социальная роль» содержит некоторый игровой характер. Носитель такой роли как бы надевает карнавальную маску, отодвигая себя первостепенного на второй план. Социальные роли предписывают те или иные действия, заковывая личность в границы определенного поведения и наделяя только одной точкой зрения, единственно возможной в конкретной социальной ситуации. Вместе с тем каждая социальная ситуация имеет несколько точек зрения – субъективных (участников ситуации) и объективных (обстоятельств). Чтобы полноценно осознать социальную ситуацию необходимо выйти из одной конкретной социальной роли, встать над ней, критически осмыслить происходящее. Часто возвышение над социальной ролью в реальной жизни трудновыполнимо или вовсе невозможно по различным причинам. Поэтому СРФ являются для человека удобным вариантом выхода из социальной роли в контролируемых условиях. Участники СРФ действуют спонтанно, однако спонтанность и искренность в действиях способны привести к осознанному поведению. Таким

¹ Социальная педагогика: курс лекций / под общей редакцией М. А. Галагузовой. Москва: Владос, 2000. С. 80.

² Таланчук Н. М. Системно-синергетическая философия и концепция непедагогика: Стратегемы развития педагогической теории и практики. Казань: ИССО РАО, 1996. С. 45.

³ Там же. С. 6.

образом, СРФ помогают индивиду формировать осознанную позицию Человека по отношению к Другому человеку.

Роли в СРФ, как и настоящие социальные роли, также имеют игровой характер, но увеличенный во много раз. СРФ являются более тонкой и многогранной формой сюжетно-ролевой игры – деятельности, свойственной человеку на очень ранней его стадии взросления. Д. Б. Эльконин отмечает, что содержанием подобной развернутой формы ролевой деятельности являются «не предмет и его употребление или изменение человеком, а отношения между людьми, осуществляемые через действия с предметами; не человек – предмет, а человек – человек»¹. Сюжетно-ролевая игра – неотъемлемый этап личностного развития, способ вхождения ребенка в мир взрослых и, тем самым, в мир в целом, с его разветвленной и сложной системой социальных взаимоотношений.

В процессе человеческого взросления сюжетно-ролевая игра, выполнив необходимую функцию, рассеивается, уступая место учению, интимно-личностному общению, ранней профессиональной ориентации. Социальные роли начинают восприниматься и приобретаться индивидом напрямую, без игрового «посредничества».

Однако игра остается особым видом деятельности и сохраняет значительный социально-педагогический, психологический, воспитательный и иной потенциал. Игра, по Н. Е. Щурковой, есть целый спектр преимуществ для личностного развития как ребенка, так и взрослого. Игра – источник счастливого состояния человека, в игре минимальное количество правил, игра – способ мягкой коррекции воспитанности ребенка, игра демократична и, наконец, игра – одно из важных средств постижения индивидом неосвоенных видов деятельности².

Таким образом, СРФ – та же сюжетно-ролевая игра, но перестроенная для взрослого возраста и соотносимая с более частными ситуациями. Человек к этому моменту становится активным участником окружающего мира, но непредсказуемость и противоречивость жизненных событий заставляют обращаться к игровой деятельности вновь. СРФ способствуют своеобразному уточнению человеческих действий в конкретной социальной ситуации. Вместе с тем СРФ заключают в себе парадоксальность: с одной стороны, они реализуют конкретные действия в конкретной ситуации, а с другой – побуждают участников групповой деятельности обобщать собственный социальный опыт, обнаруживать взаимосвязи с другими социальными ситуациями, выходя на уровень общечеловеческих осмыслений.

Безусловно, у взрослого человека не так много вариантов для полного погружения в СРФ. Намного большая свобода действий представлена в школьном образовательно-воспитательном процессе. В связи с этим следует сказать о педагоге и тех требованиях, которые ему предъявляет современная действительность.

В настоящее время подготовка педагогических кадров начинается уже в школе посредством реализации профильного обучения в психолого-педагогических классах (далее – ППК). В «Концепции профильных психолого-педагогических классов»,

¹ Эльконин Д. Б. Психология игры. Москва: Советские учебники, 2025. С. 39.

² Щуркова Н. Е. Классное руководство: игровые методики. Москва: Педагогическое общество России, 2002. С. 4–5.

разработанной Министерством просвещения РФ, ключевыми чертами ППК определяются избирательность (учет индивидуальных достижений в области психолого-педагогической деятельности и др.); профилизация обучения за счет включения в образовательный план предметов гуманитарной и психолого-педагогической направленности; активное освоение и использование школьниками элементов педагогических технологий; отлаженная система взаимодействия с образовательными организациями и социальными партнерами¹. Одним из ожидаемых результатов создания и функционирования ППК для системы образования и общества в целом является создание условий для преодоления дефицита педагогических кадров².

В условиях профильного обучения, и в частности знакомства с направлениями «помогающих» профессий педагога, воспитателя, учителя, психолога, социального работника, дефектолога и т.д., значимой является ориентированность на Другого человека. Известно, что личностное развитие осуществляется в процессе взаимодействия с окружающими. В «помогающих» профессиях сложность состоит в том, что важно не только рефлексировать по поводу своих личностных смыслов, но и понимать смыслы другого человека, выявлять его ценностные ориентации, чтобы своевременно подобрать адекватные способы взаимодействия (разноуровневые задания, игровые технологии, проблемные ситуации, проектные методы и т.д.).

Многообразие ценностей и смыслов, подмена одних смыслов другими дезориентируют школьника в сложном динамичном мире. Делая первый самостоятельный выбор, ученик может оступиться и ошибиться, что впоследствии негативно скажется на его взглядах, поведении и отношении к обществу и к самому себе. Современному педагогу важно уметь видеть смыслы ученика, понимать их и, при необходимости, мягко корректировать, не нарушая естественного развития детской личности. Таким образом, перед профессиональным образованием встает важная задача содействовать получению будущим педагогом соответствующих умений и навыков, а вместе с ними – понимания мира как динамичного и многоуровневого пространства смыслов.

Важно поддержать интерес учащихся к педагогической профессии, целенаправленно развивать способности видеть и осмысливать происходящее с позиции базовых и инструментальных ценностей, принимать ответственные решения. Реализация профильной педагогической подготовки отражает результат серьезной научно-методической и организационной работы, которую реализуют вузы, организации общего среднего образования, управления образованием.

Модель сетевого взаимодействия психолого-педагогических классов в г. Череповце Вологодской области реализуется на базе МАОУ СОШ № 4, 9, 23, 25, 31 и в Череповецком государственном университете. В 2020 г. была подписана «Программа взаимодействия мэрии г. Череповца и Череповецкого государственного университета по организации деятельности в профильных педагогических классах». Для того чтобы корректно оценить результаты внедрения образовательной программы профильных психолого-педагогических классов, необходимо изучать представления и ожидания учащихся этих классов. Диагностический опрос проведен в ноябре 2024

¹ Концепция профильных психолого-педагогических классов. 2021. URL: <https://clck.ru/3Lagdm> (дата обращения: 22.04.2025).

² Там же.

года, участниками стали 130 респондентов. Школьникам был задан вопрос: «Что вы ожидали при поступлении в психолого-педагогический класс?» (см. рисунок).

Наиболее популярными ответами среди десятиклассников являются желания получить практический опыт в психолого-педагогической деятельности и освоить соответствующие методики для дальнейшего применения (42 % и 40 % соответственно). Это означает, что многие учащиеся стремятся к собственному развитию, хотят научиться выстраивать взаимодействие с окружающими, выступать перед аудиторией, доступно и логично излагать свои мысли и т. д.

Около четверти десятиклассников и одиннадцатиклассников хотели бы лучше познать себя, т. е. понять свой внутренний мир (темперамент, способности, мотивацию и т. д.), увидеть себя с другой стороны. 19 % учащихся одиннадцатых классов стремятся подготовиться к обучению педагогической профессии, чтобы связать свою будущую жизнь с педагогикой.

Резерв составляют десятиклассники (16 %) и одиннадцатиклассники (7 %), которые затрудняются ответить на вопрос по поводу своих ожиданий при поступлении в психолого-педагогический класс.

Рисунок. Распределение ответов на вопрос «Что вы ожидали при поступлении в психолого-педагогический класс?»

Анализ результатов проведенных исследований показывает, что необходимо использование теоретических и практических форм работы с учащимися ППК, чтобы ориентировать их на развитие способностей видеть проблему, выделять главное, осмысливать происходящее с позиции базовых и инструментальных ценностей, принимать ответственные решения, быть субъектом собственной жизни и т.д. Вместе с тем школьники открыты и готовы к практической деятельности и к глубокому диалогичному взаимодействию с педагогами, с младшими учащимися и с самими собой. Они готовы к получению новых знаний и умений, осознание потребности в психолого-педагогической практике входит в их ценностно-смысловую сферу. Применение в данном случае социально-ролевых форм групповой деятельности позво-

ляет организовать диалог смыслов, побудить обучающихся к рефлексии собственной системы ценностей, поскольку внутренней формой функционирования ценностно-ориентационной деятельности является ненаблюдаемая оценочная деятельность.

Современному педагогу необходимо ориентироваться в многообразии смыслов, которым отличается современный динамичный мир. Уже на уровне предпрофессиональной подготовки требуется заострить внимание на необходимости видеть ценности другой личности и сформировать для этого необходимые умения и навыки. В связи с этим СРФ становятся одним из главных инструментов в процессе воспитания учащихся ППК. С помощью таких форм работы учащиеся ориентируются на распознавание и принятие ценностей Другого человека, перерабатывают теоретические знания перед социально-педагогической практикой и рефлексиируют результаты такой практики.

В исследовании представлений учащихся ППК о будущей профессиональной деятельности было задействовано 120 школьников, при ответе на вопрос «Что Вас привлекает в педагогической профессии в первую очередь?» 30 % опрошенных выделили возможность общаться с широким кругом людей, а 21 % респондентов отметили, что обучение в ППК создает условия для самосовершенствования. В качестве вывода по результатам анкетирования отмечается сконцентрированность учащихся ППК на самих себе, восприятие ППК как средства для самопознания. Вместе с тем необходимо учесть, что «помогающие» профессии педагога, психолога, воспитателя, социального работника в высшей степени ориентированы на Другого. Воспитатель становится проводником ребенка на пути адаптации к окружающему миру и усвоения базовых социальных умений и навыков. Педагог способствует личностному развитию школьника, восхождению его по ступеням культуры. Психолог помогает человеку разобраться в сложных жизненных ситуациях, понять свои эмоции, разрешить внутренние конфликты и выработать эффективные стратегии поведения. Социальный работник оказывает бытовую, моральную и правовую поддержку социально незащищенным категориям населения.

Применение СРФ в процессе работы с учащимися ППК помогает им увидеть Другого человека в группе, приобщиться к его ценностно-смысловой сфере. Не все смыслы можно проговорить. В ходе социального взаимодействия они могут оставаться скрытыми, и требуется последующее полноценное осмысление социальной ситуации, которое можно осуществить лишь вхождением в социальные роли всех ее участников. Именно СРФ помогают с позиций различных социальных ролей понять разные смыслы личности.

Другим преимуществом СРФ является их связующий характер между теоретическими знаниями и практической деятельностью. В работе с ППК активно используются наставническая, вожатская, тьюторская, шефская и волонтерская практики, направленные на формирование коммуникативных умений, умений работать в команде, способности к самоорганизации и самообразованию в процессе психолого-педагогической и социальной деятельности школьников¹.

¹ Гончарук С. Ю. Социально-педагогические практики предпрофессиональной подготовки учащихся педагогических классов: дис. ... канд. пед. наук. Москва: [б. и.], 2023. С. 69.

Соединение теоретического и практического блоков как решение проблемы нехватки практических навыков у учащихся ППК актуально и перспективно. Однако переход от теоретического блока к блоку практическому – к системе социально-педагогических практик – без специальной подготовки учащегося может оказаться малоэффективным и даже опасным для школьника. Обладая в большей степени знаниями теории педагогики и психологии, ученик ППК, приступив к практической деятельности (вожатого/наставника/волонтера и др.) и попав в неоднозначную, проблемную социальную ситуацию, с высокой вероятностью может потерпеть педагогическую неудачу и разочароваться в психолого-педагогической деятельности. Школьник, в отличие от взрослого, более восприимчив к негативному воздействию социума и не всегда способен без определенной психологической и эмоциональной подготовки адекватно реагировать на непредсказуемое, часто спонтанное поведение другого человека или группы людей. Таким образом, между теоретическим модулем и практическим блоком социальных практик уместна и своевременна организация связующего элемента из СРФ, с одной стороны моделирующих проблемную ситуацию и наделяющих школьников соответствующими социальными ролями, с другой – предоставляющих возможность учащимся под руководством учителя осмыслить происходящее, провести педагогический анализ и найти решение проблемы, а также создать и прожить ситуацию успеха, получить положительный опыт от субъект-субъектного взаимодействия.

В связи с обозначенной выше классификацией социальных практик представляется необходимым подобрать (или разработать) соответствующие СРФ, смоделировать ситуации, которые могут возникнуть в процессе прохождения волонтерской, шефской, наставнической и тьюторской практик. Участник СРФ в более мягкой форме получает тот или иной опыт социального взаимодействия и предупреждает дальнейшие ошибки в практической деятельности. Вместе с тем СРФ выполняют обратную функцию. С их помощью будущие педагоги могут много раз допускать ошибки, учась при этом осознавать и признавать их. Учитель имеет право на ошибку, которую, при невозможности предотвращения, необходимо осмыслить и прожить.

Наконец, воспитательный потенциал СРФ заключается в их рефлексивной составляющей. Для любой практической деятельности, и в особенности педагогической, требуется этап осмысления полученного опыта. Во время рефлексии происходит обмен впечатлениями, обсуждение удавшихся и неудавшихся моментов, нахождение ответов на неоднозначные и сложные вопросы. СРФ становятся для школьников интересным и удобным способом корректно воспринять полученную социальную практику. Например, вместе с учителем можно смоделировать проблемную ситуацию, с которой столкнулся учащийся ППК в практической деятельности. Самостоятельно или при помощи учителя посредством проигрывания такой ситуации учащиеся рассмотрят ее с разных точек зрения, встанут на позиции всех ее участников и, возможно, найдут пути решения возникших трудностей.

Выводы

Социальная роль – фундаментальное междисциплинарное понятие, точка соединения индивидуальности и социума. В динамичном многозначном мире социальная роль является показателем ценностных ориентаций личности, а вместе с тем – средством их осмысления и коррекции. Расширяется ценностно-смысловая сфера социальной роли педагога, которому сегодня необходимо помогать школьникам ориентироваться в смысловом многообразии. Одним из средств, используемым педагогом в воспитательной работе, становятся социально-ролевые формы групповой деятельности, участники которой в процессе игры с разных точек зрения анализируют конкретную социальную ситуацию, выходя в результате на обобщение социального опыта каждого отдельного человека и общества в целом. Однако перед тем как педагог начнет осуществлять ценностно-смысловую работу с учащимися, он должен сам получить опыт участия в СРФ. Таким образом социально-ролевые формы становятся средством предпрофессиональной подготовки будущих представителей «помогающих» профессий.

По причине своей полифункциональности потенциал СРФ широк. При помощи таких форм работы можно осуществлять профориентацию в различных профильных классах, моделируя соответствующие социальные ситуации для будущих врачей (медицинский профиль), инженеров (технологический профиль), юристов и экономистов (социально-экономический профиль), биологов и химиков (естественно-научный профиль) и т. д. СРФ могут также стать частью профессионального образования в колледжах, техникумах, университетах. СРФ являются инструментом, при помощи которого выявляются и корректируются ценностные ориентации человека. Вместе с тем важно помнить, что СРФ не терпят лишних элементов, затрудняющих восприятие, и требуют тщательного планирования и подготовки.

Список источников / References

Выготский Л. С. Конкретная психология человека. *Психология развития человека*. Москва: Смысл; Эксмо, 2005, с. 1020–1039.

Vygotskii L. S. Concrete human psychology. *Psychology of human development*. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005, pp. 1020–1039. (In Russ.)

Гончарук С. Ю. *Социально-педагогические практики предпрофессиональной подготовки учащихся педагогических классов*: дис. ... канд. пед. наук. Москва: [б. и.], 2023. 222 с.

Goncharuk S. Yu. *Socio-pedagogical practices of pre-professional training of students in pedagogical classes*: Cand. thesis in Pedagogical Sciences. Moscow, 2023. 222 p. (In Russ.)

Кон И. С. *Социология личности*. Москва: Политиздат, 1967. 383 с.

Kon I. S. *Sociology of personality*. Moscow: Politizdat, 1967. 383 p. (In Russ.)

Концепция профильных психолого-педагогических классов. 2021. URL: <https://clck.ru/3Lagdm> (дата обращения: 22.04.2025).

The concept of specialized psychological and pedagogical classes. 2021. Available at: <https://clck.ru/3Lagdm> (accessed: 22.04.2025). (In Russ.)

Кравченко А. И., Анурин В. Ф. *Социология*. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 432 с.
Kravchenko A. I., Anurin V. F. *Sociology*. St Petersburg: Piter, 2008. 432 p. (In Russ.)

Свенцицкий А. Л. *Социальная психология*. Москва: Велби, Проспект, 2004. 336 с.
Sventsitskii A. L. *Social psychology*. Moscow: Velbi, Prospekt, 2004. 336 p. (In Russ.)

Социальная педагогика: курс лекций, под общей редакцией М. А. Галагузовой. Москва: Владос, 2000. 415 с.

Social pedagogy: under the general editorship: М. А. Galaguzova. Moscow: Vlados, 2000. 415 p. (In Russ.)

Таланчук Н. М. *Системно-синергетическая философия и концепция неопедагогики: Стратегемы развития педагогической теории и практики*. Казань: ИССО РАО, 1996. 71 с.

Talanchuk N. M. *System-synergetic philosophy and the concept of neopedagogy: Stratagems for the development of pedagogical theory and practice*. Kazan: ISSO RAO, 1996. 71 p. (In Russ.)

Шубрт И. Социальная роль – забытая тема социологии. *Социологические исследования*, 2017, № 6, с. 15–24. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060022> EDN: YTMFLX

Shubrt I. Social role – a forgotten concept in sociology. *Sociological Studies*, 2017, no. 6, pp. 15–24. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060022> EDN: YTMFLX (In Russ.)

Щуркова Н. Е. *Классное руководство: игровые методики*. Москва: Педагогическое общество России, 2002. 224 с.

Shchurkova N. E. *Classroom guidance: game techniques*. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2002. 224 p. (In Russ.)

Эльконин Д. Б. *Психология игры*. Москва: Советские учебники, 2025. 384 с.

Elkonin D. B. *Psychology of the game*. Moscow: Sovetskie uchebniki, 2025. 384 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Макар Михайлович Жигулин – специалист отдела сопровождения научной деятельности, управление аспирантуры, докторантуры и научной деятельности; mmzhigulin@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2105-0229>, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600, Череповец, Вологодская область, Россия); **Makar M. Zhigulin** – Specialist of the Scientific Activity Support Department, Department of Postgraduate Studies, Doctoral Studies, and Scientific Activity, mmzhigulin@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2105-0229>, Cherepovets State University (5, Lunacharsky pr., 162600 Cherepovets, Russia).

Светлана Игоревна Попова – доктор педагогических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий; psvetlana2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8225-1692>, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600, Череповец, Россия); **Svetlana I. Popova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Social Technologies; psvetlana2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8225-1692>, Cherepovets State University (5, Lunacharsky pr., 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 14.07.2025; Approved after reviewing 26.08.2025; Accepted for publication 10.09.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 168–177.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 168–177.

Научная статья

УДК 37.034

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-14>

<https://elibrary.ru/wrbzxf>

Созидательный труд в системе воспитания: педагогические традиции и современные ориентиры

Максим Викторович Макаров^{1✉}, Николай Петрович Сенченков²

¹ Федеральное управление по безопасному хранению и уничтожению химического оружия,
Москва, Россия

² Смоленский государственный институт искусств,
Смоленск, Россия

^{1✉} maksm1984@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2618-2001>

² nikolay.sen4enkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>

Аннотация. В статье анализируется труд как фундаментальная педагогическая ценность, имеющая глубокие историко-культурные корни и сохраняющая актуальность в современном образовательном дискурсе. Представлен сравнительный историко-педагогический анализ взглядов К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского на трудовое воспитание, раскрывающий различные аспекты труда: хранитель нравственности и воспитатель человека (К.Д. Ушинский), основа коллективизма и гражданской зрелости (А. С. Макаренко), источник радости, духовного богатства и всестороннего развития личности (В. А. Сухомлинский). Рассмотрена ключевая категория «созидательный труд» как традиционная ценность отечественной педагогики. Особое внимание уделено нормативным и нравственным функциям труда, его роли в формировании трудолюбия, ответственности и патриотизма. Показано, что современная российская образовательная политика возрождает классические идеи трудового воспитания, интегрируя их в государственные программы и нормативно-правовую базу.

Ключевые слова: созидательный труд, ратный труд, трудовое воспитание, педагогическая ценность труда, нравственное воспитание, патриотическое воспитание, коллективизм, социализация, образовательная политика, идеология труда

Для цитирования: Макаров М. В., Сенченков Н. П. Созидательный труд в системе воспитания: педагогические традиции и современные ориентиры // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 168–177. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-14>; EDN: WRBZXF

**Creative work in the system of upbringing and education:
pedagogical traditions and contemporary orientations**

Maksim V. Makarov^{1✉}, Nikolai P. Senchenkov²

¹ Federal Agency for the Safe Storage and Destruction of Chemical Weapons
Moscow, Russia

² Smolensk State Institute of Arts,
Smolensk, Russia

[✉]maksm1984@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2618-2001>

²nikolay.sen4enkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>

Abstract. The article analyzes work as a fundamental pedagogical value that has deep historical and cultural roots and remains relevant in modern educational discourse. A comparative historical and pedagogical analysis of the views of K. D. Ushinsky, A. S. Makarenko, and V. A. Sukhomlinsky on labor education is presented, revealing various accents: labor as a guardian of morality and educator of man (K. D. Ushinsky), labor as the basis of collectivism and civic maturity (A. S. Makarenko), labor as a source of joy, spiritual wealth, and comprehensive personality development (V. A. Sukhomlinsky). The key category "creative work" is considered as a traditional value of Russian pedagogy. Special attention is paid to the normative and moral functions of labor, its role in the formation of diligence, responsibility and patriotism. It is shown that modern Russian educational policy revives the classical ideas of labor education, integrating them into government programs and the regulatory framework.

Keywords: creative labor, military labor, labor education, pedagogical value of labor, moral education, patriotic education, collectivism, socialization, educational policy, labor ideology

For citation: Makarov M. V., Senchenkov N. P. Creative work in the system of upbringing and education: pedagogical traditions and contemporary orientations. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 168–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-14>; EDN: WRBZXF

Трудолюбие – один из важнейших талантов каждого человека.

В. В. Путин

Введение

Тема труда как педагогической ценности имеет глубокие исторические корни и сохраняет актуальность в современном образовательном дискурсе. Труд рассматривается не просто как экономическая деятельность, но и как важнейшая *нравственная и воспитательная категория*. В педагогике труд традиционно воспринимается одновременно средством и целью воспитания: через участие в созидательном труде и служение обществу формируются личность, ее ценностная направленность и мировоззрение. В данной статье нами рассмотрены ключевые аспекты этой темы с акцентом на понятия «*созидательный труд*» (творческая, созидаящая деятельность), «*ратный труд*» (служение Родине, воинский труд), а также идеи *труда как основы гражданской зрелости и воспитания молодежи*. Нами проведен историко-педагогический анализ взглядов классиков российской педагогики – К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского. Приведены мнения других отечественных и зарубежных педагогов. Отмечены современные социокультурные контексты, сравниваются подходы к трудовому воспитанию в российской и международной

практике. Особое внимание уделено нормативным, нравственным и образовательным функциям труда в воспитательном процессе.

Основная часть

Рассмотрим труд как ценность в работах классиков российской педагогики.

К. Д. Ушинский (1824–1870), труд – основа нравственности и воспитания. Основоположник российской научной педагогики определял труд ключевым элементом в воспитании человека. В своих работах, в частности, в статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» Ушинский утверждал, что именно приобщение к осмысленной работе составляет основу формирования личности. Он писал: «Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья»¹. Эти слова отражают убеждение педагога в том, что труд не только приносит пользу человеку и обществу, но и служит главным нравственным стержнем личности. По мнению Ушинского, воспитание должно развивать у человека привычку и любовь к работе, готовить его к «труду жизни» и дать возможность найти дело, которое будет полезно обществу. Педагог подчеркивал, что без личного усердия невозможно движение человека вперед – бездеятельность ведет к деградации. Кроме того, труд, по мнению К. Д. Ушинского, тесно связан с чувством человеческого достоинства: «Труд, как мы его понимаем, есть такая свободная и согласная с христианской нравственностью деятельность человека, на которую он решается по безусловной необходимости ее для достижения той или другой истинно человеческой цели в жизни»², и именно внутренняя духовная сила труда является источником нравственности и счастья.

К. Д. Ушинский также обращал внимание на педагогические условия трудового воспитания. Он советовал учителю не облегчать чрезмерно задачи ученика, а давать ему посильную долю работы, чтобы тот испытал радость и гордость за собственный труд. Педагог отмечал важность постепенного приучения к усилиям, чередования умственной и физической деятельности как средства отдыха и разностороннего развития человека. В концепции К.Д. Ушинского труд выступает как всесторонняя ценность: источник морального развития, психического здоровья и жизненной стойкости. Эти идеи предвосхитили принцип соединения обучения с продуктивной деятельностью, впоследствии развитой в отечественной педагогической школе.

А. С. Макаренко (1888–1939), коллектив, дисциплина и идеология труда. Советский педагог, известный своей системой воспитания в трудовых колониях и коммунах, рассматривал труд прежде всего как мощный воспитательный инструмент в контексте коллективного уклада. А. С. Макаренко исходил из положения, что трудовое воспитание должно быть неразрывно связано с идейно-ценностным формированием личности. Он резко критиковал формальный подход, при котором простое привлечение детей к работе без мировоззренческого содержания не дает воспита-

¹ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. Избранные сочинения. Москва: Юрайт, 2025. С. 9.

² Там же.

тельного эффекта. *«Труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оканчивается нейтральным процессом»*¹, – писал А. С. Макаренко. Далее он пояснял, что если заставить человека трудиться сколько угодно, но не воспитывать его при этом политически и нравственно, не вовлекать в общественную жизнь, то такой труд останется пустой деятельностью без положительного результата. Данное утверждение *отражает идею труда как основы идеологической зрелости*: по мнению А. С. Макаренко, только соединение производительного труда с воспитанием сознательного отношения к обществу и коллективу превращает работу в средство *формирования гражданина*.

В практике А. С. Макаренко труд, главным образом *созидательный (производительный)*, был организован коллективно: воспитанники коммун совместно трудились в мастерских, сельском хозяйстве, выпуская продукцию. Такая созидательная деятельность решала сразу несколько задач: воспитательно-нормативную (коллективизм, взаимопомощь, дисциплина, распорядок дня, ответственность за порученное дело), ценностно-нравственную (взаимоуважение, формирование чувства долга перед коллективом, уважение к людям труда) и образовательную (приобретение знаний, умений и навыков, обучение на практике). А. С. Макаренко отмечал, что именно в коллективной созидательной работе закладывается уважение к труду каждого, проходит процесс социализации: *«Коллектив является воспитателем личности»*. Педагог противопоставлял живой трудовой уклад дисциплинарному формализму: он предупреждал, что внешняя военизированная дисциплина (строевая муштра) менее полезна, чем совместная продуктивная деятельность. Таким образом, А. С. Макаренко считал труд центральным звеном коммунистического воспитания, придавая ему *идеологическую и ценностно-нравственную направленность*. Воспитание молодежи, по его мнению, должно основываться на включении ее в общественно полезный труд, формирующий коллективизм, сознательную дисциплину и активную жизненную позицию.

В. А. Сухомлинский (1918–1970), трудолюбие, нравственность и всестороннее развитие личности. Советский педагог-гуманист внёс большой вклад в разработку идей трудового воспитания. В его понимании труд – не только производственная необходимость, но прежде всего *высшая духовная ценность и источник нравственных качеств личности*. В. А. Сухомлинский уделял особое внимание воспитанию у детей трудолюбия через переживание *радости созидательного труда*. Он писал: *«Радость труда – могучая воспитательная сила. В годы детства каждый ребенок должен глубоко пережить это благородное чувство... Детство не должно быть постоянным праздником – если нет трудового напряжения, посильного для детей, для ребенка останется недоступным и счастье труда»*².

Сухомлинский утверждал, что высшая мудрость заключается в воспитании у ребенка *«народного отношения к труду»*, то есть понимания усердия и как жизненной необходимости, и как сферы духовного богатства личности. *«Труд для народа явля-*

¹ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4. Москва: Педагогика, 1984. С. 105.

² Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Москва: Концептуал, 2023. С. 131.

ется не только жизненной необходимостью, без которой немислимо человеческое существование, но и сферой многогранных проявлений духовной жизни... В трудовой деятельности народ видит важнейшее средство самовыражения, самоутверждения личности»¹. Без труда, по народной мудрости, человек превращается в «пустое место». Поэтому важнейшая задача воспитателя – утвердить в сердце воспитанника убеждение, что личное достоинство и гордость должны основываться на трудовых достижениях.

Особый акцент В. А. Сухомлинский делал на *этическом значении труда*. В знаменитой методике, которую ввел педагог в практику Павлышской средней школы, труд превращался в *средство нравственного воспитания*: дети выращивали сады, ухаживали за растениями, посвящая результаты своей активности дорогим людям (например, проект «Сад Матери»). Таким образом, работа сливалась с развитием доброты и человечности, благодарности и любви к родителям. Педагог отмечал: «Очень важно, чтобы дети чувствовали нравственную красоту труда, который приносит радость матери... Чем больше духовных сил вложил ребенок в труд во имя радости матери, тем больше человечности в его сердце»². Эти идеи иллюстрируют категорию *труда как основы ценностно-нравственного воспитания молодежи*: именно через посильную созидательную деятельность ребенок осваивает моральные ценности общества.

Кроме того, В. А. Сухомлинский отмечал коллективное измерение трудового воспитания. Он считал, что трудолюбие как черта характера формируется только в сообществе: «Чем сильнее коллективное чувство уважения к труду, тем эффективнее воспитание каждого школьника»³. В группе дети учатся сотрудничеству, взаимопомощи, ответственности друг за друга. В. А. Сухомлинский писал о развитии, предполагающем гармоничное сочетание личных и общественных интересов в общей трудовой деятельности: «Воспитательным является только тот производительный труд, в котором гармонически сочетаются индивидуальные и общественные интересы»⁴. Таким образом, труд для В. А. Сухомлинского – это основа становления личности («три начала: надо, трудно и прекрасно»), объединяющая физическое, умственное и нравственное развитие. Он выступал за то, чтобы каждый ребенок в школьные годы научился создавать что-то полезное и красивое, ощутил гордость за мастерство в любимом деле – это, по его мнению, зажигает «огонек творческого вдохновения» и уверенность в себе.

К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский, несмотря на то что жили в разное время, сходились во взгляде на труд как на фундаментальную педагогическую ценность. К. Д. Ушинский заложил основу для становления этой идеи, определив труд хранителем нравственности и воспитателем человека. А. С. Макаренко развил мысль, подчёркивая связь труда с коллективизмом и воспитанием гражданственности (формирование сознательного строителя нового общества). В. А. Сухом-

¹ Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Москва: Концептуал, 2023. С. 132.

² Там же. С. 133.

³ Сухомлинский В. А. Воспитание коммунистического отношения к труду. Опыт воспитательной работы в сельской школе. Москва: АПН РСФСР, 1959. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

линский придал трудовому воспитанию гуманистическое звучание, связав его с радостью творчества, сердечностью и всесторонним развитием личности. Изложенные идеи легли в основу отечественной системы трудового воспитания, предполагающей формирование у молодежи уважения к людям труда, привычки к личному участию в созидательной и общественно полезной деятельности и восприятия работы как неотъемлемой части жизни достойного, зрелого человека.

Идеи классиков о воспитательном значении созидательного труда получили развитие в советской педагогике. Труд был провозглашен центральной ценностью коммунистического воспитания. На государственном уровне внедрялась система трудового обучения и воспитания, отраженная в концепции политехнического образования. В. И. Ленин и Н. К. Крупская, определяя цели школы, указывали на необходимость соединения обучения с производительным трудом, чтобы школа воспитывала «создателей, а не потребителей» общества. Уже в 1918 г. первая программа трудовой школы в РСФСР провозглашала принцип «связи обучения с производительным трудом», а в последующие десятилетия трудовое воспитание закрепилось как обязательный элемент учебно-воспитательного процесса: школьники старших классов проходили производственную практику, в учебные планы вошли занятия, включающие рукоделие, сельскохозяйственную работу, освоение техники. Нормативная роль труда проявилась и через институциональные формы – например, трудовые лагеря, студенческие строительные отряды, школьные учебно-производственные комбинаты.

Отечественная педагогика обосновала трудовое воспитание теоретически и методически. В середине XX века в педагогической науке были разработаны основы *формирования ценностно-трудовой направленности развития молодежи*¹. Советские педагоги выделяли структурные компоненты трудового воспитания: *воспитание мотивации* (интерес к работе, понимание ее общественной пользы), *формирование навыков и профессиональная ориентация*, а также *развитие качеств личности* – ответственности, настойчивости, коллективизма – посредством участия в труде. Труд воспринимался не только как средство индивидуального развития, но и как способ идеологической социализации: выработка *коммунистического отношения к труду* означала, что человек работает добросовестно не из-за страха или только ради материальной выгоды, а по внутреннему убеждению, *из чувства долга перед обществом*. В «Моральном кодексе строителя коммунизма» была провозглашена норма: «добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест»². Тем самым труд возвышался до ключевой *ценности идеологии*, мерила моральной зрелости гражданина. Показателем *сформированности мировоззрения* молодежи считалось, в частности, стремление работать там, где необходимо Родине, готовность к общественным трудовым начинаниям и воинской службе во благо Отечества.

Отдельно следует отметить понятие «*ратный труд*», означающее в отечественной традиции ценность, стоящую рядом с созидательным мирным трудом. Ратный труд – это служение Отечеству с оружием в руках, воинский подвиг и ежедневная

¹ Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918–1968). Т. II. 1941–1968 гг. Москва: Молодая гвардия, 1969. С. 170.

² Моральный кодекс строителя коммунизма. Душанбе: Таджикгосиздат, 1962. С. 5.

ратная служба, требующая стойкости и самоотверженности. К. Д. Ушинский в своих патриотических высказываниях называл защиту Родины священным долгом воспитанного человека: *«Патриот — это человек, который подчиняет свои личные интересы интересам Отчества и народа, отдаёт все свои силы и знания на благо Родины»*¹. В советской воспитательной практике героика *воинского ратного труда* широко пропагандировалась путем изучения боевых традиций, встреч с ветеранами, преподавания начальной военной подготовки. Тем самым в школе формировалось уважение к профессии защитника Родины. В. А. Сухомлинский писал, что настоящая гражданственность проявляется не в красивых словах, а в готовности отдать силы народу на трудовом фронте или на ратном поле. Вклад в оборону страны, равно как и в созидание материальных и духовных ценностей, рассматривались педагогами как неотъемлемая часть воспитания гармонично развитой, идейно зрелой личности.

Законодательное и нормативное оформление ценности труда в образовании также претерпело эволюцию. В постсоветской России 1990–2000-х гг. наблюдался упадок внимания к трудовому воспитанию: акцент сместился на индивидуализацию, а привлечение школьников к работе ограничивалось из-за опасений нарушить права детей. Однако в последние годы происходит *возврат к созидательному труду как ценности* на государственном уровне. Так, в 2023 году Федеральным законом №479-ФЗ² внесены изменения в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³, фактически возрождающие трудовое воспитание. Теперь в цели воспитания официально включено формирование у обучающихся *трудолюбия, ответственного отношения к труду и уважения к его результатам*. Введена обязанность обучающихся участвовать в *посильном общественно полезном труде*, направленном на развитие у них базовых трудовых навыков и чувства причастности к общему делу. Образовательным учреждениям предписано содействовать волонтерской деятельности и поддерживать трудовые инициативы обучающихся. Более того, отменен прежний запрет на привлечение обучающихся к хозяйственным работам без согласия родителей. По новым правилам учащиеся обязаны бережно относиться к школьному имуществу и поддерживать чистоту и порядок в образовательной организации. Фактически возвращены *дежурства по классу, уборка помещений, уход за территорией* – то, что было обычной частью школьной жизни у предыдущих поколений.

Законодатели прямо указывают воспитательную цель нововведений: *«научить детей с юных лет понимать значимость и ценность труда, его роль во всех сферах жизни», «развить чувство сопричастности к общему делу, активную жизненную позицию*. Предполагается, что *«только ребенок, который умеет и любит трудить-*

¹ Ушинский К.Д. Проблемы русской школы. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под редакцией А. И. Пискунова. Москва: Педагогика, 1974. Т. 2. С. 304.

² Федеральный закон № 479 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 04.08.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49666> (дата обращения: 03.09.2025).

³ Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 03.09.2025).

ся, сможет во взрослой жизни состояться в профессии, в семье и в обществе». Эти формулировки отражают преемственность с классическими идеями: труд вновь утверждается как *основа успешной самореализации личности и ее социальной зрелости*. Интересно, что одновременно с возвратом трудового воспитания усиливается военно-патриотическая составляющая: с 2024 года предмет ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности) трансформирован в ОБЗиР – «*Основы безопасности и защиты Родины*», подчёркивая приоритет воспитания чувства патриотизма и долга перед страной. Эта мера, как отмечается, продиктована современной обстановкой – необходимостью укреплять готовность молодежи к защите Отечества на фоне Специальной военной операции. Вследствие этого «*ратный труд*» вновь актуализируется: воспитание уважения к боевому подвигу и готовности к службе стало составной частью идеологической работы с молодежью. Современная российская педагогическая политика, таким образом, предпринимает шаги к балансированию **созидательного** (производительного, мирного) и **ратного** (военно-патриотического) труда как традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Выводы

Труд как педагогическая категория является универсальной и многомерной ценностью, объединяющей воспитательные, образовательные, социальные и нравственные функции. В исторической перспективе идеи К.Д. Ушинского, А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского демонстрируют преемственность: труд формирует личность, укрепляет её нравственные устои и способствует гражданской зрелости. К. Д. Ушинский видел в труде основу нравственного воспитания и развития человеческого достоинства; А. С. Макаренко придавал труду коллективистское и идеологическое значение, связывая его с формированием активной жизненной позиции и готовности к общественному служению; В. А. Сухомлинский осмысливал труд как духовную ценность, источник радости и гуманистического воспитания. В совокупности их концепции образуют устойчивую педагогическую традицию, в которой труд выступает не только средством, но и целью воспитания.

Исходя из этого, **созидательный труд** – это педагогическая категория, обозначающая социально и личностно значимую, сознательно организованную и творчески направленную деятельность человека, направленную на создание материальных и/или духовных ценностей, которая обеспечивает не только удовлетворение общественных потребностей, но и всестороннее развитие личности.

В системе воспитания созидательный труд выступает:

- **средством развития личности**, формируя трудолюбие, ответственность, настойчивость, уважение к труду и людям труда;
- **условием социализации**, так как через участие в совместной созидательной деятельности ребенок осваивает нормы сотрудничества, коллективизма и гражданской ответственности;
- **формой самореализации**, позволяющей раскрывать творческий потенциал, развивать инициативность и чувство личного достоинства;
- **нравственной основой воспитания**, так как процесс и результаты труда придают деятельности ценностный, гуманистический и духовный смысл.

Таким образом, в педагогике созидательный труд рассматривается как универсальное средство объединения воспитания и обучения с реальной практической деятельностью, обеспечивающее гармоничное развитие личности и её готовность к активному, ответственному и продуктивному участию в жизни общества.

Современное российское образование подтверждает актуальность этих идей: посредством нормативного закрепления трудового воспитания, включения учащихся в созидательную и общественно полезную деятельность, а также усиления военно-патриотической составляющей. В условиях глобальных вызовов и социально-политических изменений именно труд – как созидательный, так и ратный – является главным воспитательным механизмом, обеспечивающим формирование трудолюбивого, ответственного, социально зрелого и патриотически ориентированного гражданина.

Список литературы / References

Макаренко А. С. *Педагогические сочинения*: в 8 т. Т. 4. Москва: Педагогика, 1984. 400 с.
Makarenko A. S. *Pedagogical works*: in 8 vols., vol. 4. Moscow: Pedagogika, 1984. 402 p. (In Russ.)

Моральный кодекс строителя коммунизма. Душанбе: Таджикгосиздат, 1962. 15 с.
Moral code of the communism builder. Dushanbe: Tadzhikgosizdat, 1962. 15 p. (In Russ.)

Сухомлинский В. А. *Сердце отдаю детям*. Москва: Концептуал, 2023. 320 с.
Sukhomlinsky V. A. *My heart I give to children*. Moscow: Kontseptual, 2023. 320 p. (In Russ.)

Сухомлинский В. А. *Воспитание коммунистического отношения к труду. Опыт воспитательной работы в сельской школе*. Москва: АПН РСФСР, 1959. 439 с.

Sukhomlinsky V. A. *Forming a communist attitude towards work*. Moscow: APN RSFSR, 1959. 320 p. (In Russ.)

Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918–1968), Т. II: 1941–1968 гг. Москва: Молодая гвардия, 1969. 496 с.

Comrade Komsomol. Documents of Congresses, Conferences, and the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League of Bolsheviks, 1918–1968, volume II: 1941–1968. Moscow: Molodaia gvardiia, 1968. 448 p. (In Russ.)

Ушинский К. Д. *Труд в его психическом и воспитательном значении. Избранные сочинения*. Москва: Юрайт, 2025. 354 с.

Ushinsky K. D. *Labor in its mental and educational significance. Selected works*. Moscow: Iurait, 2025. 354 p. (In Russ.)

Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2: Проблемы русской школы. Москва: Педагогика, 1974. 438 с.

Ushinsky K. D. Problems of the Russian school. Selected pedagogical works: in 2 vols., vol. 2; ed. by A. I. Piskunov. Moscow: Pedagogika, 1974. 438 p. (In Russ.)

Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 03.09.2025).

Federal Law No. 273 "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (accessed 03.09.2025). (In Russ.)

Федеральный закон № 479 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 04.08.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49666> (дата обращения: 03.09.2025).

Federal Law No. 479 "On Amendments to the Federal Law 'On Education in the Russian Federation'" dated 04.08.2023. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49666> (accessed 03.09.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах

Максим Викторович Макаров – выпускник аспирантуры по направлению «Педагогические науки», старший офицер отдела; <https://orcid.org/0009-0002-2618-2001>, maksm1984@mail.ru, Федеральное управление по безопасному хранению и уничтожению химического оружия (д. 16а, стр. 211, ул. Нагатинская, 115487 Москва, Россия); **Maksim V. Makarov** – Graduate of Postgraduate Programme in Pedagogical Sciences, Senior Officer; maksm1984@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2618-2001>, Federal Agency for the Safe Storage and Destruction of Chemical Weapons (16a, 211, ul. Nagatinskaya, 115487 Moscow, Russia).

Николай Петрович Сенченков – доктор педагогических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>, nikolay.sen4enkov@gmail.com, Смоленский государственный институт искусств (д. 8, ул. Румянцева, 214020 Смоленск, Россия); **Nikolai P. Senchenkov** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>, nikolay.sen4enkov@gmail.com, Smolensk State Institute of Arts (8, ul. Rumyantseva, 214020 Smolensk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 14.10.2025.

The article was submitted 04.09.2025; Approved after reviewing 30.09.2025; Accepted for publication 14.10.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 178–181.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (129), pp. 178–181.

Научный отчет
УДК 81
<https://elibrary.ru/zouikk>

**Текст как основа словаря и лингвистической карты:
отчет о работе XVI всероссийской школы-семинара молодых лексикологов,
лексикографов и лингвогеографов
(4 ноября 2025 года)**

Елена Николаевна Ильина^{1✉}, Ольга Николаевна Крылова²

¹Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия

²Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

²krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>

Для цитирования: Ильина Е. Н., Крылова О. Н. Текст как основа словаря и лингвистической карты: отчет о работе XVI всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов (4 ноября 2025 года) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 178–181. EDN: ZOUIKK

**Text as the basis of a dictionary and linguistic map:
report on the work of the XVI all-Russian school-seminar of young lexicologists,
lexicographers and linguogeographers
(November 4, 2025)**

Elena N. Ilyina^{1✉}, Olga N. Krylova²

¹Vologda State University,
Vologda, Russia

²Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

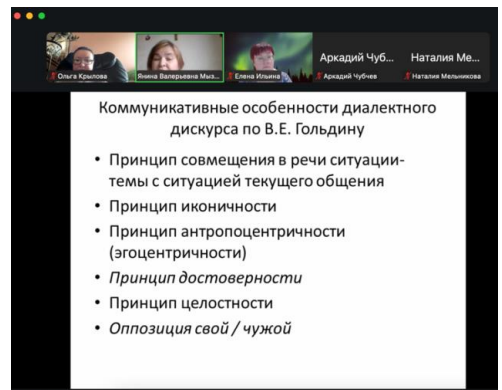
^{1✉}filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

²krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>

For citation: Ilyina E. N., Krylova O. N. Text as the basis of a dictionary and linguistic map: report on the work of the XVI all-Russian school-seminar of young lexicologists, lexicographers and linguogeographers (November 4, 2025). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 178–181. (In Russ.). EDN: ZOUIKK

4 ноября 2025 года в онлайн-формате состоялась XVI Всероссийская Школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов. В фокусе внимания шестнадцатого заседания семинара оказались проблемы анализа текста. Организаторы работы Школы: Словарный сектор Института лингвистических исследований РАН и кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета – в качестве ключевой проблемы исследования текста обозначили специфику его использования в практике создания словарей и лингвистических карт.

В структуре семинара традиционно объединяются лекции известных ученых, связанные с проблематикой семинара, и научные доклады молодых исследователей с последующим их обсуждением. В качестве лектора Школы-семинара 2025 года выступила кандидат филологических наук, заведующая кафедрой финно-угорской филологии Санкт-Петербургского государственного университета Янина Валерьевна Мызникова. Лекция была посвящена современному направлению в диалектологии – коммуникативной диалектологии. Оно является междисциплинарным, поскольку в нем применяются не только традиционные подходы, но и такие методы, как социолингвистические, психолингвистические, методы этнолингвистики, теории коммуникации. Предметом анализа в рамках данного направления являются: особенности диалектных коммуникативных актов, характерные черты в организации диалектного дискурса и реализующие их языковые средства. На материале многолетних экспедиционных наблюдений Я. В. Мызникова прокомментировала коммуникативные принципы организации диалектного текста: принцип совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения, принцип иконичности (изобразительности), принцип антропоцентричности (эгоцентричности), принцип достоверности, принцип целостности, оппозиция «свой – чужой».

В рамках секционных заседаний были представлены доклады, освещающие фонетические, лексические и грамматические особенности русских народных говоров (А. А. Чубчев, А. В. Потапова, А. В. Храмова, К. С. Черникова), результаты исследования текстов в основе описания современных процессов русской аббревиации

(А. А. Алтухова, К. Ю. Емельянова, В. А. Рязанова, А. К. Сытник, А. В. Чистоклетова), опыты описания изобразительных средств (Д. С. Байдала, Т. Е. Терентьева) и лингвокультурных типажей (А. Д. Волкова, С. С. Эдильбаева) в текстах современной массовой коммуникации, лексико-семантические и лексико-стилистические штудии на основе научных (А. С. Алексеева) и художественных текстов (М. Н. Гладцинова), размышления о русско-китайских соответствиях в грамматике (Ду Сянь) и метафоре (Цзэ н Гои). Большинство докладов актуализировало связь текстов различной функционально-стилистической природы со словарями русского литературного языка и народных говоров, новейшими электронными словарями и базами данных. К сожалению, лингвогеографическая проблематика в докладах Школы 2025 года отсутствовала – с одной стороны, это могло бы свидетельствовать об ослаблении интереса молодых ученых к вопросам лингвистической географии, однако проведенный в стенах Института лингвистических исследований РАН картографический семинар, собравший молодых исследователей из Санкт-Петербурга, Москвы, Тамбова, Воронежа, свидетельствует об обратном. Вполне возможно, что молодые лингвогеографы выбрали для повышения своей квалификации более подходящий для этого формат.

Всероссийская Школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов традиционно проводится 4 ноября, в День народного единства. Действительно, наш научный форум объединил молодых ученых из разных уголков страны, представителей известных вузов Москвы и Санкт-Петербурга, исследовательских центров Русского Севера (Вологда, Екатеринбург, Сыктывкар) и Поволжья (Волгоград, Иваново, Самара), а также студентов и аспирантов из Донецкой Народной Республики. В работу семинара включились также китайские и немецкие филологи. Их совместный творческий труд дает возможность надеяться на то, что на предметном поле филологической науки есть место международному сотрудничеству, а всероссийский энтузиазм молодых исследователей сохранит идеи научной преемственности отечественных научных школ.

Сведения об авторах

Елена Николаевна Ильина – доктор филологических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Elena N. Pyina** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Ольга Николаевна Крылова – кандидат филологических наук, заместитель директора, krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>, Институт лингвистических исследований РАН (9, Тучков пер., 199004 Санкт-Петербург, Россия); **Olga N. Krylova** – Candidate of Philological Sciences, Deputy Director, krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov per., 199004 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; принята к публикации 08.11.2025.

The article was submitted 04.11.2025; Accepted for publication 08.11.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 182–187.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (129), pp. 182–187.

Научный отчет

УДК 81

<https://elibrary.ru/zqicyd>

**Сохранить культурное наследие
(региональная научно-практическая конференция «Портрет на фоне эпохи:
Н. М. Иванова-Романова и Череповец 1920–1930-х годов»)**

Алексей Евгеньевич Новиков^{1✉}, Елена Евгеньевна Соловьева²
^{1,2}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
^{1✉}aenovikov@chsu.ru
²eesoloveva@chsu.ru

Для цитирования: *Новиков А. Е., Соловьева Е. Е.* Сохранить культурное наследие (региональная научно-практическая конференция «Портрет на фоне эпохи: Н. М. Иванова-Романова и Череповец 1920–1930-х годов») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 182–187. EDN: ZQICYD

**Preserve cultural heritage
(regional research and practice conference “Portrait in the background of the era:
N. M. Ivanova-Romanova and Cherepovets of the 1920-1930s”)**

Aleksei E. Novikov^{1✉}, Elena E. Solov'eva²
^{1,2}Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
^{1✉}aenovikov@chsu.ru
²eesoloveva@chsu.ru

For citation: *Novikov A. E., Solov'eva E. E.* Preserve cultural heritage (regional research and practice conference “Portrait in the background of the era: N. M. Ivanova-Romanova and Cherepovets of the 1920-1930s”). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 182–187. (In Russ.) EDN: ZQICYD

«Портрет на фоне эпохи: Н. М. Иванова-Романова и Череповец 1920–1930-х годов» – под таким названием 26 сентября в Череповецком государственном университете прошла региональная научно-практическая конференция, посвященная 30-й годовщине со дня смерти писательницы – автора уникальной автобиографиче-

ской «Книги жизни», многие страницы которой посвящены Череповцу, и нескольких поэтических циклов.

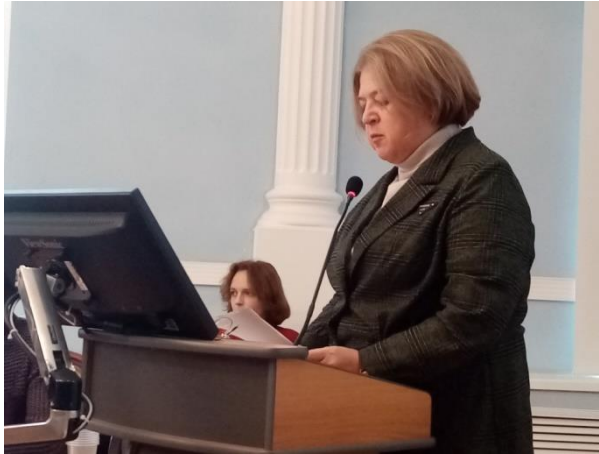

Рис. 1. Приветственное слово директора Гуманитарного института Е. В. Грудевой.
Фото Д. Левашовой

О важности обращения к наследию Н. М. Ивановой-Романовой говорили на открытии конференции директор Гуманитарного института Е. В. Грудева, заместитель начальника Управления по делам культуры мэрии города С. В. Волохова и проректор ЧГУ по научной работе О. В. Ефремова.

Рис. 2. Пленарное заседание конференции. Фото Д. Левашовой

Пленарное заседание открыла гостя из Вологды Е. В. Пологих, она поделилась семейными воспоминаниями о Н. М. Ивановой-Романовой. Долгие годы дружбы связали семью Л. Г. Яцкевич, профессора ВоГУ, доктора филологических наук, члена Союза писателей России, и В. А. Яцкевича, профессора, доктора технических наук, писателя, с Ниной Михайловной. Известный вологодский журналист, писатель, литературовед Валерий Васильевич Есипов посвятил свой доклад Александру Николаевичу Афанасьеву, студенту и оппозиционеру, единомышленнику В. Т. Шаламова и близкому другу Нины Ивановой. Преподаватель ВШЭ из Санкт-Петербурга К. Н. Тимашов на основе текстологического анализа хранящихся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Череповца рукописей «Книги жизни» выступил с обоснованием принципов планируемого издания. По мнению исследователя, именно череповецкий вариант можно считать выражением последней авторской воли. Историк и краевед Э. П. Риммер представила пока не изданную, но подготовленную к печати совместно с Марком Анатольевичем Бородулиным книгу «Необыкновенные приключения НЭПа в губернском городе Ч.», а профессор ЧГУ А. В. Чернов обратился к судьбе историка-череповчанина Николая Федоровича Лаврова, признанного специалиста по древнерусским летописям, человека яркой и трагической судьбы.

Рис. 3. Пленарное заседание конференции. Выступает В. В. Есипов.
Фото Д. Левашовой

Далее конференция продолжила работу по секциям. В секции «Жизнь и творчество Н. М. Ивановой-Романовой» было представлено 8 докладов. Н. Н. Хазова, старший методист Дома знаний г. Череповца, в своем сообщении поделилась воспоминаниями о встречах с Н. М. Ивановой-Романовой и переписке с ней. Доцент кафедры СКМ ЧГУ А. Е. Новиков интерпретировал «Книгу жизни» как частично череповецкий текст и пришел к выводу, что Череповец 1929–1930-х годов, его атмо-

сфера и ландшафт, приметы времени и взаимоотношения между жителями описаны сквозь призму истории любви выпускницы педтехникума Нины Ивановой и политического ссыльного Александра Афанасьева. Е. М. Иванова, доцент кафедры СКМ, проанализировала «Книгу жизни» в аспекте лингвостилистических способов и средств создания образа Череповца как особого функционально-символического пространства в судьбе автора. В результате исследования показано, что «Книга жизни», демонстрирующая высокую плотность личных местоимений, является эго-документом, в котором «образ провинциального города масштабируется за счет объемности и сложной детализированности личных переживаний автора».

Доцент кафедры ОФИПК Е. Е. Соловьева в своем докладе обратилась к поэтическому творчеству Н. М. Ивановой-Романовой в аспекте поэтики пространства, выделив доминантные образы и мотивы, связанные с Череповцом, домом и другими локусами, преображенными творческой фантазией. Доклад М. А. Базановой, долгие годы руководившей литературным музеем Дворца детского и юношеского творчества имени А. А. Алексеевой г. Череповца, был посвящен анализу исследовательской и творческой деятельности школьников по осмыслению судьбы талантливой писательницы и педагога. В выступлении Варвары Базановой, студентки Вологодского института права и экономики, рассматривались судьбы представителей оппозиции, отбывавших ссылку в Череповце в 1920–1930-х годах. А студенты-филологи Череповецкого государственного университета Арина Кузьмина и Елизавета Смирнова рассказали о своем проекте «Портрет на фоне эпохи», который состоял из архивных исследований, работы с рукописями Н. М. Ивановой-Романовой и популяризации ее творчества среди учащейся молодежи.

В секции «Череповец в 1920–1930-е годы» было заслушано 8 докладов. В своем выступлении С. С. Касаткина, профессор кафедры ИиФ, подчеркнула значение педтехникума в культурной жизни Череповца 20-х гг. XX века. Общение с преподавателями педтехникума, по большей части людьми образованными и интеллигентными, для крестьянских детей было шансом не только получить новые знания, но и повысить культурный уровень. Богатая общедоступная библиотека, разнообразные кружки и творческие объединения изменяли педтехникум, способствовали развитию духовности среди молодежи. Студенты-филологи К. Васинцева и Э. Чистобородова, используя материалы ленинградской и череповецкой прессы, документы из личных архивов, показали, какой образ Череповца и его культурной жизни формировался в СМИ. Помимо учебных заведений, центрами культурной жизни города были театр и библиотека. О репертуаре Череповецкого драматического театра, в том числе классическом, рассказала доцент кафедры КАН З. В. Антонова. Формирование централизованной библиотечной системы в Череповце в 1920–1930-е годы стало темой доклада заведующей краеведческим отделом ЦГБ имени В. В. Верещагина Л. И. Закусовой. Строжайший идеологический контроль накладывал свой отпечаток и на комплектование фондов, и на обслуживание читателей. Студент направления подготовки «Педагогическая история» А. Осколков обратился к малоизученной странице биографии земского врача С. Д. Чечулина – евгеническим взглядам, изложенным в докладе «О браке» (1931), концепции наследственности как основе формирования качеств идеального гражданина. Доклад доцента кафедры СКМ, искус-

ствоведа О. А. Владимировой был основан на устных рассказах ее бабушки, О. К. Васильевой, свидетельницы эпохи 1920–1930-х годов, в памяти которой сохранились характерные детали повседневности. Историк-краевед из д. Ботово Череповецкого района С. Н. Воронова, опираясь на рассказы представителей старшего поколения, сведения из источников Череповецкого центра хранения документации, рассмотрела на конкретных примерах (на судьбах семей Шутовых, Тюсовых, Луканичевых, Заводчиковых, Шаховых), как отразился «Великий перелом» в жизни крестьян Яргомжского сельского поселения.

Рис. 4. Экскурсия по местам жизни Н. М. Ивановой-Романовой

Насыщенной была культурная программа научного форума: студенты-филологи под руководством Е. Е. Соловьевой подготовили в рамках проектной деятельности и провели для участников конференции пешеходную экскурсию по местам Череповца, связанным с событиями жизни Н. М. Ивановой-Романовой. Просмотр и обсуждение документально-художественного фильма Т. В. Ржанниковой «Книга жизни» завершили насыщенную программу конференции. Были подведены итоги работы и поддержано предложение Оргкомитета о публикации избранных сочинений писательницы и сборника материалов конференции «Портрет на фоне эпохи: Жизнь и творчество Н. М. Ивановой-Романовой в историко-культурном контексте Череповца 1920–1930-х годов».

Сведения об авторах

Алексей Евгеньевич Новиков – кандидат филологических наук; aenovikov@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Aleksei E. Novikov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

aenovikov@chsu.ru, Cherepovets State University (5, Lunacharsky pr., 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Евгеньевна Соловьева – кандидат филологических наук; eesoloveva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Elena E. Solov'eva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, eesoloveva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, Lunacharsky pr., 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; принята к публикации 08.11.2025.

The article was submitted 04.11.2025; Accepted for publication 08.11.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями и ключевыми словами на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О._научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора) и скан заполненного, подписанного лицензионного договора (форма размещена на сайте). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %. Использование искусственного интеллекта при создании текста статьи без обработки автора(ов) не допускается (статья отклоняется).

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х рабочих дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

13. Опубликованную версию статьи автор может получить при обращении к сайту периодического издания (раздел «Архив»).

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: (8202) 51-78-54. E-mail: Vestnik@chsu.ru

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

Редакционная коллегия

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Яский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГОРБУНОВ Вячеслав Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ДМИТРИЕВ Андрей Петрович, доктор филологических наук (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (ИЛИ РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛОГУНОВА Оксана Сергеевна, доктор технических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ЛУКИН Сергей Владимирович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ЦЕЙТЛИН Стелла Наумовна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 06.12.2025 г. Зак.
Выход в свет: 15.12.2025 г.
Уч.-изд. л. 20. Усл. п. л. 17. Тир. 300 (1 з-д – 23).
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс.